

ISSN 2587-9510 (print)
ISSN 2782-4632 (online)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

№ 3(50) 2023

- Лингвистика
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

№ 3(50) 2023

- Linguistics
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-70532 от 25.07.2017.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал выходит четыре раза в год.

Подписной индекс в «Каталоге периодических изданий. Газеты и журналы» ГК «Урал Пресс» - 34121. Физические лица могут оформить подписку в интернет-магазине «Деловая пресса» <http://www.ural-press.ru/dlya-fizicheskikh-lits/>.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – С.А. Скуридина, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Н.Н. Лапынина, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Е.А. Акелькина – доктор филологических наук – Омск, Россия; **В.Р. Аминев** – доктор филологических наук – Казань, Россия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Н.Б. Бугакова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук – Великий Новгород, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.М. Кольцова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук – Ханты-Мансийск, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **С.М. Махмудова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Р.О. Муталов** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук – Пенза, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **Р.Б. Унарокова** – доктор филологических наук – Майкоп, Россия; **Е.А. Шаронова** – доктор филологических наук – Саранск, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук – Пятигорск, Россия; **Г.Н. Ягафарова** – доктор филологических наук – Уфа, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal «Actual Issues of Modern Philology and Journalism» is included into the list of leading scientific publications which publishes the results of thesis for the degree of doctor of science and PhD.

Subscription index in the «Catalog of periodicals. Newspapers and magazines» of the «Ural Press» Group of Companies – 34121.

Individuals can subscribe to it in the online store «Business Press» <http://www.ural-press.ru/dlya-fizicheskikh-lits/>.

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology

Deputy chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology
N.N. Lapynina, PhD in philology

Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

E.A. Akelkina – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **N.B. Bugakova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **A.E. Ereemeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Velikiy Novgorod, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.M. Koltsova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **E.O. Kuzminykh** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **D. Lesnevska** – PhD – Sophia, Bulgaria; **S.M. Makhmudova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **R.O. Mutalov** – doctor of philology – Moscow, Russia; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **Yu.S. Popova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongolia; **R.B. Unarokova** – doctor of philology – Maykop, Russia; **E.A. Sharonova** – doctor of philology – Saransk, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia; **G.N. Yagafarova** – doctor of philology – Ufa, Russia.

Cover design – M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Address of the founder and publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Скуридина С.А.</i> Вступительное слово главного редактора.....	6
Лингвистика	
<i>Карпенко Л.Б., Лю Сяоя.</i> Просьба в ряду речевых актов побуждения.....	7
<i>Рыкова Е.Б.</i> Особенности работы с персоналиями на занятиях по русскому языку как иностранному...	17
<i>Замальдинов В.Е.</i> Новые тенденции в создании эргонимов Приволжского федерального округа.....	22
<i>Чернова В.А.</i> «Слово учителя» в школьном дискурсе: текстовые и языковые характеристики.....	26
<i>Белова А.В.</i> Природа псевдонимов Александра Павловича Чехова.....	32
<i>Северова Н.В., Теркулов В.И.</i> Заимствованные слова гибридного типа в эквивалентной трактовке.....	37
Аспекты изучения художественного текста	
<i>Шаврыгин С.М.</i> «Ум» и «глупость» в системе ценностного сознания М.Е. Салтыкова (Щедрина) 1840-х годов.....	43
<i>Попова Ю.С., Сулемина О.В.</i> Страх и страшное в русской литературной традиции.....	50
<i>Сухова К.И.</i> Вербализация образа Воронежской деревни в рассказах К.Г. Паустовского.....	54
<i>Казаковцева О.С.</i> Функционирование эпитетов в лирике А.П. Сумарокова.....	60
<i>Сулемина О.В., Попова Ю.С.</i> Вариативность «ужаса смерти» в русской литературе.....	66
<i>Ахмед Саадун Джамил.</i> Эпитет как средство создания портретных характеристик персонажей рассказов военных лет К.Г. Паустовского.....	71
Лингвокультурология	
<i>Гусева С.Э.</i> Англоязычные неологизмы дискурса компьютерных технологий: словообразовательный аспект.....	78
<i>Матвеева Н.В., Абдрахманова В.К.</i> Языковые особенности английского юмористического текста (на примере анекдота).....	87
Межкультурная коммуникация	
<i>Трегубова Ю.А.</i> Атрибутивные словосочетания с внутренней предикацией в англоязычной художественной литературе: особенности и способы перевода на русский язык.....	96
Журналистика в историко- теоретическом аспекте	
<i>Дякина А.А., Белоусов К.И.</i> Гуманистическая основа медиаобразовательной деятельности детской региональной печати.....	103
<i>Пастухов А.Г.</i> Прототипизация жанра сквозь призму динамических свойств медиатекста.....	109
Язык СМИ	
<i>Вдовиченко Е.А., Каменева В.А.</i> Особенности детских комментариев на новостные тексты политической тематики со структурой “kebab” (кебаб).....	116
События, обзоры, рецензии	
<i>Недоступова Л.В.</i> Вклад А.Д. Черенковой в изучение говоров Воронежской области.....	125
<i>Ковалева Л.В.</i> Обзор монографии немецкого исследователя Х. Куссе «Культуроведческая лингвистика».....	134
<i>Паршина О.Д., Осипова Н.Д.</i> Методологический семинар «Современные вопросы русистики» научной школы «Динамические процессы в семантике и грамматике».....	138
Правила оформления статей	146

CONTENTS

<i>Skuridina S.A.</i> Opening remarks of the chief editor	6
Linguistics	
<i>Karpenko L.B., Liu Xiaoxia.</i> Request in a series of speech acts of inducement.....	7
<i>Rykova E.B.</i> Features of working with personalities in Russian as a foreign language classes.....	17
<i>Zamaldinov V.E.</i> New trends in the creation of ergonyms in Volga federal district.....	22
<i>Chernova V.A.</i> “The teacher’s word”: textual and linguistic characteristics in school discourse.....	26
<i>Belova A.V.</i> The nature of Alexander Pavlovich Chekhov’s pseudonyms.....	32
<i>Severova N.V., Terkulov V.I.</i> Borrowed words of the hybrid type in the equivalence interpretation.....	37
Literary text: aspects of study	
<i>Shavrygin S.M.</i> «Mind» and «stupidity» in the system of value consciousness of M.E. Saltykov (Shedrin) in the 1840s.....	43
<i>Popova Ju.S., Sulemina O.V.</i> Fear and the terrible in Russian literature tradition.....	50
<i>Sukhova K.I.</i> Verbalization of the image of Voronezh village in the stories of K.G. Paustovsky.....	54
<i>Kazakovtseva O.S.</i> Functioning of epithets in the lyrics of A.P. Sumarokov.....	60
<i>Sulemina O.V., Popova Ju.S.</i> Variativity of the «horror of death» in Russian literature.....	66
<i>Ahmed Saadoun Jamil.</i> Epithet as a means of creating portrait characteristics of characters of K.G. Paustovsky.....	71
Language and culture studies	
<i>Guseva S.E.</i> English neologisms in the discourse of computer technologies: word-building.....	78
<i>Matveeva N.V., Abdrakhmanova V.K.</i> Linguistic features of English humorous text (on the example of anecdote).....	87
Intercultural communication	
<i>Tregubova Y.A.</i> Attribute phrases with inner predication in English language fiction: features and translation into Russian.....	96
Journalism in historical and theoretical aspect	
<i>Dyakina A.A., Belousov K.I.</i> Humanistic basis of media educational activity of children’s regional press.....	103
<i>Pastukhov A.G.</i> Genre prototyping and dynamic properties of media text.....	109
Language of mass media	
<i>Vdovichenko E.A., Kameneva V.A.</i> Peculiarities of children’s comments on political news texts based on “kebab” structure.....	116
Events and reviews	
<i>Nedostupova L.V.</i> Contribution of A.D. Cherenkova in the study of the dialects of Voronezh region.....	125
<i>Kovaleva L.V.</i> Review of the monograph of the German researcher H. Kusse «Cultural-studying linguistics».....	134
<i>Parshina O.D., Osipova N.D.</i> Methodological seminar «Modern issues of Russian studies» of the scientific school «Dynamic processes in semantics and grammar».....	138
Layout of the articles	146

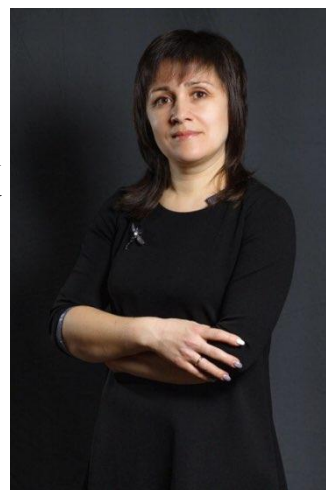
Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей сорок девятый выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» Воронежского государственного технического университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Лингвистика», II – «Аспекты изучения художественного текста», III – «Лингвокультурология», IV – «Межкультурная коммуникация», V – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VI – «Язык СМИ», VII – «События, обзоры, рецензии».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 21 научная работа. Раздел «Лингвистика» включает статьи, выявляющие особенности просьбы в ряду речевых актов (Л.Б. Карпенко, Лю Сюся), специфику работы с персоналиями на занятиях по русскому языку как иностранному (Е.Б. Рыкова), определяющие новые тенденции в создании эргонимов Приволжского федерального округа (В.Е. Замальдинов) и в использовании заимствованных слов гибридного типа в эквивалентной трактовке (Н.В. Северова, В.И. Теркулов), поднимающие вопрос о «слове учителя» в школьном дискурсе (В.А. Чернова), рассказывающие о выборе псевдонимов Александром Павловичем Чеховым (А.В. Белова). Раздел «Аспекты изучения художественного текста» содержит статьи, рассматривающие понятия «ум» и «глупость» в системе ценностного сознания М.Е. Салтыкова (Щедрина) 1840-х годов (С.М. Шаврыгин), «страх» и «страшное» в прозе И.А. Бунина и вариативность «ужаса смерти» в русской литературе XVIII-XIX вв. (Ю.С. Попова, О.В. Сулемина), исследующие специфику вербализации образа Воронежской деревни и эпитет как средство создания портретных характеристик персонажей в рассказах К.Г. Паустовского (К.И. Сухова; Ахмед Саадун Джамил). Раздел «Лингвокультурология» содержит работы, которые анализируют англоязычные неологизмы дискурса компьютерных технологий с точки зрения словообразования (С.Э. Гусева) и выявляют языковые особенности английского юмористического текста (Н.В. Матвеева, В.К. Абдрахманова). В разделе «Межкультурная коммуникация» анализируются атрибутивные словосочетания с внутренней предикацией в англоязычной художественной литературе: особенности и способы перевода на русский язык (Ю.А. Трегубова). В разделе «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» рассматривается гуманистическая основа медиаобразовательной деятельности детской региональной печати (А.А. Дякин, К.И. Белоусов) и прототипизация жанра сквозь призму динамических свойств медиатекста (А.Г. Пастухов). Раздел «Язык СМИ» рассказывает об особенностях детских комментариев на новостные тексты политической тематики со структурой “kebab” (кебаб) (Е.А. Вдовиченко, В.А. Каменева). В разделе «События, обзоры, рецензии» определяется вклад А.Д. Черенковой в изучение говоров Воронежской области (Л.В. Недоступова), представлен обзор монографии немецкого исследователя Х. Куссе «Культуроведческая лингвистика» (Л.В. Ковалева) и методологического семинара «Современные вопросы русистики» научной школы «Динамические процессы в семантике и грамматике» (О.Д. Паршина, Н.Д. Осипова).

Содержащиеся в выпуске 3(50) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, концептологии, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ. Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук

С.А. Скуридина

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 811.16

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.25.68.001

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва
Профессор, д-р филол. наук, профессор кафедры
русского языка и массовой коммуникации
Карпенко Л.Б.

Россия, г. Самара, тел. +78469261301

e-mail: liudmila.karpenko.53@mail.ru

Аспирант кафедры русского языка и массовой
коммуникации

Лю Сяоя

Россия, г. Самара, тел. +78469261301

e-mail: 刘小霞 963336159@qq.com

Samara National Research University named
after S.P. Korolev

Doctor of Philology, Full Professor,
Professorat the Department of Russian Lan-
guage and Mass Communication,
Karpenko L.B.

Russia, Samara, +78469261301

e-mail: liudmila.karpenko.53@mail.ru

Graduate student of the Department of Russian
Language and Mass Communication

Liu Xiaoxia

Russia, Samara, tel. +78469261301

e-mail: 刘小霞 963

Л.Б. Карпенко, Сяоя Лю

ПРОСЬБА В РЯДУ РЕЧЕВЫХ АКТОВ ПОБУЖДЕНИЯ

В статье представлена типология разновидностей речевых актов побуждения в русскоязычном дискурсе. Особое внимание обращено на речевой акт просьбы и на отличия просьбы от других типов побуждения. На материале разнообразных моделей, передающих интенцию побуждения, показано своеобразие основных подходов, предпринятых в лингвистике к изучению средств выражения побуждения, – функционально-семантического и коммуникативно-прагматического – и особая продуктивность систематизации их в коммуникативно-прагматической парадигме. Подчеркнуто значение коммуникативно-прагматического подхода и вытекающих из данного подхода методических принципов коммуникативной направленности обучения для методики преподавания русского языка как иностранного. Обосновывается эффективность описания средств выражения просьбы как единого коммуникативно-прагматического комплекса, определены основные его разновидности в зависимости от ситуаций и жанров общения: бытовая просьба; просьба в новой, незнакомой среде; официальная просьба. Сделан вывод о том, что при изучении речевых актов побуждения с позиций коммуникативно-прагматической лингвистики необходимо учитывать различные факторы, в первую очередь такие, как коммуникативная ситуация, типовые речевые модели, речевой этикет, грамматика, лексика, дейксис, невербальные средства коммуникации, интонация.

Ключевые слова: речевой акт, интенция побуждения, просьба

L.B. Karpenko, Xiaoxia Liu

REQUEST IN A SERIES OF SPEECH ACTS OF INDUCEMENT

The article presents a typology of varieties of speech acts of inducement in Russian-language discourse. Special attention is paid to the speech act of request and to the differences between request and other types of inducement. On the material of various models conveying the intention of inducement, the uniqueness of the main approaches taken in linguistics to the study of means of expressing inducement - functional-semantic and communicative-pragmatic - and the special productivity of their systematization in the communicative-pragmatic paradigm are shown. The importance of the communicative-pragmatic approach and the methodological principles of communicative orientation of teaching for the methodology of teaching Russian as a foreign language arising from this approach is emphasized. The effectiveness of describing the means of request expression as a single communicative-pragmatic complex is substantiated, its main varieties depending on the situations and genres of communication are defined: everyday request; request in a new, unfamiliar environment; official request. It is concluded that when studying speech acts of inducement from the

standpoint of communicative-pragmatic linguistics it is necessary to take into account various factors, primarily such as the communicative situation, typical speech patterns, speech etiquette, grammar, lexis, deixis, non-verbal means of communication, intonation.

Key words: speech act, inducement intentions, request

В современной лингводидактике ведутся поиски технологий и приемов совершенствования русской речи у иностранных учащихся. Для методики преподавания русского как иностранного (РКИ) последних десятилетий характерны исследования, ориентированные на комплексный подход, преимущества которого авторы видят в совмещении традиционных методов системоцентричной лингвистики и методов антропоцентрической направленности – когнитивной, прагматической, коммуникативной. Функционализм в грамматике и лингвистическая прагматика стали теми основными направлениями, которые обеспечили обновление подходов в преподавании иностранных языков и русского как иностранного.

Одними из наиболее значимых типов речевого воздействия являются разнообразные интенции побуждения; они стимулируют коммуникацию, регулируют речевой акт и поведение собеседника, вызывают ответные реакции, поэтому средства выражения побуждения привлекают к себе пристальное внимание русистов. В данной статье определяется специфика наиболее распространенных подходов исследования речевых актов побуждения. Понятия «интенция побуждения», «речевой акт», «просьба как форма побуждения» рассматриваются на основе синтеза взглядов, отраженных в работах Дж. Серла, Дж. Остина, Н.Д. Арутюновой, Н. И. Формановской и др. Типология разновидностей речевых актов побуждения, предложенная Н. И. Формановской, используется в качестве базы для углубления исследования, для анализа сходств и различий между просьбой и другими типами побуждения; прослеживается степень интенсивности проявления побуждения в речевых актах разных типов. Цель статьи – рассмотреть разновидности побудительных речевых актов, на фоне которых показать отличия просьбы от других типов побуждения, продемонстрировать эффективность описания средств выражения просьбы как единого коммуникативно-прагматического комплекса, дифференцируя основные его разновидности в зависимости от коммуникативных ситуаций и жанров общения. Материал собирался избирательно из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), сплошной выборкой из текстов художественной литературы и путем анкетирования носителей русского языка. Выборка содержит 1500 высказываний, отражающих речевые акты побуждения просьбы, мольбы, приказа, совета, предложения.

Остановимся прежде всего на значении традиционных функционально-семантических описаний языковых средств для лингводидактики РКИ. Масштабно реализуется концепция функциональной грамматики в теоретических трудах А. В. Бондарко и его последователей и соавторов, посвященных изучению категорий аспектуальности, таксиса, бытийности, посессивности, обусловленности, определенности/неопределенности, качественности, количественности, локативности, темпоральности, модальности. Такой подход обеспечивает последовательное и непротиворечивое описание русского языка в целях преподавания его в иноязычной аудитории [1, с. 53]. В разделах, посвященных категории модальности, затрагиваются и средства выражения побуждения. В данном направлении описаны некоторые виды функционально-семантических полей в диссертационных исследованиях: Т. Тагандурдыева «Функционально-семантическое поле побудительности в практическом курсе русского языка в национальных группах» (Москва, 1993); Е. Н. Москаленко «Функционально-семантическое поле побуждения в современном русском языке» (Таганрог, 1999); М. Ю. Роменской «Функционально-семантическое поле запрета в современном русском языке» (Таганрог, 2003); Фатеме Н. «Способы выражения побуждения в современном русском языке» (Москва, 2012) и др. Эти работы опираются на понятийный и содержательный потенциал функциональной грамматики, понимаемой как грамматики функционально-семантических полей и категориальных ситуаций. Функциональная грамматика, базирующаяся на принципе поля, как показал А.В. Бондарко, позволяет в единой системе интегрировать изофункциональные языковые средства, разделенные в формальной «уровневой» грамматике. Функциональная парадигма ориентирована на определение функций, которыми обладают языковые единицы. В функциональной грамматике средства выражения побуждения описываются в связи с характеристикой поля императивности, в границах которого они систематизируются в зависимости от модальности побуждения и степени его интенсивности в пределах подполей *категоричного побуждения* (требование, запрет, распоряжение, команда, приказание); *нейтрального*

побуждения (совет, приглашение, пожелание, предостережение, разрешение, предложение) и *смягченного побуждения* (просьба, мольба, упрашивание, убеждение). Функционально-семантический подход при освещении средств выражения побуждения реализуется в использовании полевого подхода при их систематизации, в соединении анализа в направлении от семантики к формам и от форм к семантике, в учете их функционального веса. А.В. Бондарко иллюстрировал значимость «функциональной потенции» языковых единиц именно примерами средств выражения побуждения: говорящий должен знать о функциональной потенции языковых средств, что может выразить форма повелительного наклонения, что может выразить форма инфинитива в сочетании с определенной интонацией. Им было показано, что побудительная модальность в большой мере связана с локализованностью действия во времени [2, с. 59].

Интерес к прагматике ознаменовал выдвижение в центр внимания лингвистов функционирование живого языка в коммуникативно-прагматическом пространстве. Прагматика как объект гуманитарных наук получила развитие с середины XX века, когда Ч. У. Моррис, философ и основатель теории семиотики, на фоне идей Ч. С. Пирса разработал понятие «прагматика» как часть семиотики, определив его как отношение между знаком и его интерпретатором, лицом, осознающим знак. Под влиянием логических и философских теорий речевых актов Дж. Серла и Дж. Остина, а также идей многих других ученых прагматика как область лингвистических исследований оформилась отдельно в 1960-х и начале 1970-х годов XX в., и с этого времени формальный подход перестал быть доминирующим в описании языка.

В истории русской лингвистики исследования, связанные с прагматикой, восходят к трудам таких лингвистов, как В. В. Виноградов, Е. В. Падучева, Н.Д. Арутюнова, Н.И. Формановская и др. Хотя В.В. Виноградов термин «прагматика» не использовал, он уделил гораздо больше внимания прагматической информации, содержащейся в различных языковых единицах, чем многие современные авторы, пишущие о прагматике. По мнению В. В. Виноградова, любая языковая единица, как законченное целое, демонстрирует и все нюансы своей внутренней структуры, и богатые внешние связи [3, с.12–14]. Этот же аспект позднее рассматривался в трудах Е.В. Падучевой, показавшей, что «значение языка в принципе прагматично: не какие-то специально выбранные элементы выражения, а значение большинства слов и грамматических единиц в языке, связанное с людьми, с поводом для разговора» [4, с. 222].

Прагматика исследует речевые действия в коммуникативном прагматическом пространстве – зоне, где язык фиксирует многообразные отношения говорящего к действительности, его коммуникативные намерения (интенции), которые воспринимает и распознает адресат [5, с. 5]. На речевом уровне, т. е. в динамическом пространстве функционирования языка, исследование прагматики охватывает широкий спектр областей. Оно может включать анализ стратегии дискурса, жанров дискурса, речевых актов, интенциональных функций высказываний и др. Все эти задачи имеют отношение к прагматике, поскольку при их обсуждении с разных точек зрения рассматривается роль прагматических факторов в коммуникативных ситуациях и влияние конкретных контекстов на значение той или иной прагматической единицы. В коммуникативно-прагматической парадигме на основании теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля в русистике разрабатываются принципы описания речевых единиц с учетом условий их использования в актах речевого общения (работы М. В. Всеволодовой, В.Г. Гака, В.Б. Евтюхина, Г. А. Золотовой, Е. И. Пассова, Н. И. Формановской и др.). Коммуникативно-прагматическая парадигма ориентирована на установление закономерностей употребления языковых единиц в определенных коммуникативных ситуациях. Она не ставит своей целью фиксацию и описание всех единиц, используемых в речи, а выявляет типовые модели. К условиям использования речевых единиц, в трактовке Н.Д.Арутюновой, относятся роли: говорящего субъекта, адресата, их взаимодействия, ситуации общения; явные и скрытые цели высказывания; речевая тактика и типы речевого поведения; косвенные смыслы высказывания, намёки; прагматические пресуппозиции и др. [6, с. 412-413]. В центр внимания в лингвопрагматике выдвигаются коммуникативные, прагматически обусловленные, интенции говорящих.

Одной из центральных тем исследований в области прагматики и социолингвистики давно уже стало изучение речевого акта. Эта проблематика интенсивно продвигается российскими и зарубежными лингвистами. Интерес к ней отражён в трудах немецких языковедов В. Гумбольдта и К. Л. Бюлера, швейцарского лингвиста Ш. Балли, британского философа языка Дж. Остина, американского философа и лингвиста Дж. Серля, польской исследовательницы А. Вежицкой и многих российских языковедов, в том числе Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой, Н.И. Формановской.

Лингвистическая концепция В. Гумбольдта сосредоточена прежде всего на раскрытии природы и функции речевых актов. Кроме того, немецкий учёный привнёс в науку о языке идею деятельностно-речевого динамизма [7, с. 85–105], в то время как К. Бюлер обратил внимание на три составляющие речевого акта («отправитель», «получатель», «предметы и ситуации») и соотнёс их с определёнными функциями языка [8, с. 296]. Центральное место в исследовании речевых актов Ш. Балли занимает понятие модуса речевого акта. Российским лингвистом Е. В. Падучевой дан анализ понятия высказывания в теории речевых актов и описан механизм формирования суждения, который действует в речевом акте [9, с. 19–38]. Одной из задач теории речевых актов является также их классификация – проблема, которая привлекает внимание многих лингвистов.

Основанием для актуализации исследований речевых актов служит их значимость для коммуникации: любая языковая коммуникация включает в себя речевые акты [10, с. 56–62]. По определению американского лингвиста Дж. Остина, речевой акт, – это минимальная единица речевой деятельности, основная и наименьшая единица языковой коммуникации, т. е. маркер высказывания, произнесённого в определённом контексте [11, с. 16]. В реальном дискурсе речевой акт является отдельным речевым моментом, который не только включает в себе информацию, но одновременно содержит и действие. В речевом акте участвуют два субъекта – говорящий и адресат, как носители определённости, договаривающиеся друг с другом о социальных ролях или функциях. Совершение речевого акта основывается на желании или побуждении говорящего, для осуществления которых необходимо предпринять определённые шаги. Например, высказывание *Простите, не могли бы Вы одолжить книгу на минуточку* является речевым актом, так как выражает побуждение говорящего получить книгу, то есть представляет просьбу.

Таким образом, развитие понятий и категорий, используемых в теории речевых актов, способствует совершенствованию методики преподавания РКИ.

Побуждение в психологии рассматривается как стимул поведения, как фактор, который определяет цель общения, инициирует действия коммуникантов. Как пишет Н. И. Формановская, «среди множества дел, действий, состояний человека есть такие, для осуществления которых потребно произнесение высказывания, иначе говоря, речевое действие: попросить, пообещать, посоветовать, предостеречь, разрешить, запретить, отказаться, пригласить, поблагодарить, обратиться, приветствовать, извиниться и мн. др. В основе подобного действия лежит речевая интенция, или коммуникативное намерение говорящего». Цель побуждения – изменение поведения адресата, побуждение является одним из основных типов речевых актов, представляет собой мысленное указание на значение высказывания и составляет основу этого значения [5, с. 34–40].

Анализ научной литературы по прагмалингвистике показывает, что большинство языковедов стремятся установить в своих исследованиях классификации речевых актов побуждения. Например, Т. В. Ларина, основываясь на анализе результатов многих других лингвистов, подразделяет речевые акты побуждения на две группы: директивы и недирективы. Эта классификация основана на выборе адресата (что он намеревается делать – осуществлять или не осуществлять действие, к которому его побуждают). А.Е. Волкова разделяет речевые акты побуждения тоже на две группы – императивных и диспозиционных высказываний. Она основывает эту классификацию главным образом на коммуникативном статусе участников речевого акта, то есть на праве говорящего в той или иной степени влиять на волевое поле адресата. Кроме этих двух разрядов, А. Е. Волкова предлагает другие ряды (т. е. подвиды), такие, как приказ, просьба, разрешение, заказ и т. д. [12]. Предлагается также разделить речевые акты побуждения на три группы, исходя из их характеристик, функций и т.д. Классификация трёх коммуникативно-прагматических типов (с основным значением приказ, совет и просьба), предложенная К. С. Неустроевым, совпадает с основной идеей категоризации речевых актов других лингвистов (Н.И. Формановская, Е.Б. Петрова). Н. И. Формановская предлагает более подробную классификацию речевых актов побуждения, учитывающую статус собеседников и власть говорящего над адресатом (приказ, требование, распоряжение, предписание, разрешение и др.), а также то, кто является бенефициаром действий и поведения – говорящий или адресат (просьба, совет, мольба, предложение др.) [5].

Исследователи неоднократно указывали на множественность побуждения в реальных речевых актах. Реализация конкретного действия достигается в разных речевых актах: это может быть и приказ, и просьба, и совет, и предложение и др. Иначе говоря, исследователи, как указано выше, предлагают различные классификации и выделяют разные группы речевых актов побуждения, следовательно

но, и называют их разными именами. Следует отметить, что в этой области лингвистики терминология еще не устоялась. Побудительный речевой акт авторы обычно называют директивным. Многие исследователи используют термины «побуждение» и «директивный речевой акт» как синонимы, директивный речевой акт обозначают также термином «побудительный речевой акт», или «речевой акт побуждения».

Таким образом, в целом классификации типов речевых актов побуждения, выглядят неоднозначно. Единой, четкой классификации речевых актов побуждения до сих пор не существует; основными в известных классификациях, выделяемыми всеми исследователями, можно считать такие ряды речевых актов побуждения, как просьба, мольба, приказ, совет и предложение [5]. Более того, по мнению Н. И. Формановской, в реальных условиях общения высказывание может иметь не одну, а несколько речевых функций. Таким образом, интенция, или побуждение говорящего, становится двусмысленной. В таких случаях трудно отнести высказывание к определенному типу речевых актов побуждения.

Просьба – это обращение к кому-либо с надеждой удовлетворить желание адресанта, обычно высказываемое в уважительной, вежливой форме. Как было отмечено Н. И. Формановской, о просьбе можно говорить тогда, когда действие в результате побуждения должно совершаться в пользу говорящего. В нашей выборке такую ситуацию иллюстрируют следующие примеры из НКРЯ:

Пожалуйста, я вас прошу, подпишите вот это письмо [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий, 1995-1999]; *Прошу срочно соединить меня с посланцем* [А. Солженицын. В круге первом, т. 1, 1968] // «Новый Мир», 1990]; *Если можно, я просил бы вас... о короткой встрече, минут десять всего...* [Д. Быков. Орфография, 2002]; *Вам не трудно принести мне чаю?* [В. Рецепт. Ностальгия по Японии, 2000].

Мольба – это более интенсивное выражение обращения, усиленное эмоциональным переживанием, это горячая и страстная просьба, или упрашивание, повторение просьбы в надежде на ее исполнение: – *Пожалуйста, умоляю вас, ради бога, перестаньте!*

Приказ – это вид побуждения, подлежащего неукоснительному исполнению, которое обычно наблюдается в официальной коммуникации. В отличие от просьбы, приказ часто возникает в ситуации, когда у говорящего есть власть над адресатом:

– *Я приказываю остановиться... Куда же вы?* [О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001]; – *Я вам приказываю! – Раз министр приказывает – куда денешься...* [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий, 1995-1999]; *Сразу подношу полную жестяную кружку и приказываю: "Пей духом, ну! "* – *выпил и на стол* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3, 1978]; – *Замолчи!.. Немедленно замолчи!..* [Александр Галич. Матросская тишина, 1945–1956].

Совет – это форма побуждения, которая выражает подсказку, как поступить в том или ином случае. Совет произносится с более мягкой интонацией, чем приказ: – *Все не так уж безнадежно. Советую тебе подумать* [С. Довлатов. Заповедник, 1983]; – *И советую тебе не слишком интересоваться этим вопросом...* [В. Пелевин. Бэтман Аполло, 2013]; – *Послушай, советую тебе записаться на прием к замминистра Дмитрию Сильвестровичу Переверзеву* [В. Аксенов. Тайнственная страсть, 2007]; – *Послушай, Росомаха, советую тебе крепко подумать, прежде чем сделать очередную глупость* [Е. Сухов. Делу конец – сроку начало, 2007]; – *Лежи и отдыхай. Тебе нужно спать больше. А я поеду на рынок и в аптеку* [И. Муравьева. Мещанин во дворянстве, 1994]; – *Тебе нужно уходить, – говорит она, – скоро придут девочки из кино* [В. Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961].

Предложение также рассматривается как форма побуждения, когда предполагается совместное действие говорящего и адресата: – *Но предлагаю также считать "политику отношений" вспомогательной и второстепенной на фоне "политики исторических процессов"* [С. Доренко. Левые силы – перезагрузка // «Завтра», 2003]; *Алкоголизм – эпидемия. Вот я и предлагаю взять процесс под контроль, а необходимые для этого деньги – у тех, у кого они есть* [Е. Толстых. Пивка для рывка // «Совершенно секретно», 2003]; – *Давай вместе осраим этих бездельников, – как бы предлагал он мне* [Ф. Искандер. Летним днем, 1969]; – *Давай вместе поставим какую-нибудь цель, – предложила она с привычной снисходительностью* [С. Егелский. Человек с фигурой контрабаса // «Дальний Восток», 2019].

В отличие от других речевых актов побуждения, просьба ориентирована на действие, в котором заинтересован говорящий, требует отклика на его проблемы. Именно ввиду личной заинтересованности в просьбе адресант должен предполагать как реакцию адресата, так и определенные речевые стратегии, такие, как речевой этикет и принцип вежливости, чтобы достичь желаемого результата.

та. Из всех перечисленных интенций побуждения в повседневном общении наиболее часто возникает потребность выразить интенцию именно просьбы, что подтверждается проведенными в данном исследовании опросами (в литературе также отмечается высокая частотность речевого акта просьбы).

Авторами просьба и мольба часто объединяются в одну группу, так как они, по сути, выражают один и тот же смысл. Но есть и определенные различия этих интенций, на которые обратим внимание: просьба — это побуждение, предполагающее самые разнообразные желания; мольба является настойчивым обращением с просьбой именно о помощи, обычно сопровождаемое такими словами, как *умоляю, убедительно прошу* или обращением (– *Умоляю тебя, Яков, не мучай меня!*). Кроме того, у просьбы и мольбы разная перспектива ожидания. Иначе говоря, если человек просит, он может ожидать и согласия, и отказа. В ситуации мольбы, говоря о чём-то важном, и даже судьбоносном, адресант выражает ожидание, что ему обязательно помогут.

Просьба и приказ тоже часто сближаются по смыслу. Просьба – это обращение к кому-либо с желанием, чтобы было выполнено какое-либо действие (*Могу я попросить вас показать мне эту ленточку после обеда?*). Приказ – это официальное распоряжение или указ органа власти, предприятия, учреждения или руководителя (–*Приказываю держать всё это в строжайшем секрете!*). Другими словами, просьба, которая рассматривается как потенциальное действие, не имеет значения приказа. При выражении просьбы обычно необходимо дополнить смысл вежливого отношения и обращения, используя маркеры вежливости, такие, как: *пожалуйста, будьте добры, будьте любезны, можно, разрешите* и т.д. Есть еще одно существенное различие между речевыми актами просьбы и приказа: в случае просьбы не всегда ожидается её исполнение. На один и тот же тип просьбы реакция адресата бывает разной. На просьбу можно ответить согласием (– *Да. – Конечно. – Хорошо. – С удовольствием.*), несогласием (– *Нет, не могу. – Нельзя. – Ни в коем случае!*) или отказом с аргументацией (– *Был бы рад, но не могу... и т. д.*). Ср.: – *Я тебя очень прошу, не вмешивайся. Хорошо?* – *Да, конечно* /– *Нет, не могу*; а приказ должен быть выполнен непременно: – *Я приказываю мотор заглушить...* [А. Геласимов. Степные боги, 2008)].

Просьба в типичных случаях ее выражения лексически и грамматически отличается от совета и предложения. Например, в моделях – *Я прошу вас...*, – *Я прошу об ...*, – *Я советую вам...*, – *Я предлагаю вам...* и под. лексические глагольные и грамматические падежные средства выражения различны (*прошу, советую и предлагаю*). Сверх того, просьба как коммуникативное намерение всегда обращена к собеседнику с использованием глагольных форм 2 лица и местоимений *ты* или *вы*. Предложение, ориентированное на совместное действие, предполагает использование императива в форме 1 лица множественного числа (Ср.: – *Давай сделаем кино практически бесплатно*).

Таким образом, на основании специфики структуры речевого акта в отношении *я* и *ты* и используемых грамматических и лексических средств мы можем различать просьбу, предложение и совет. Реальная практика общения всегда подсказывает конкретную интенцию и смысл побуждения. Но в отрыве от коммуникативной ситуации, в модели предложения, выраженного императивом – *Сделайте это по возможности быстро*, теряется определённая смысловая, т.е. императив в различных контекстуальных условиях может восприниматься либо как предложение, либо как просьба, либо как приказ. Если исполнение работы нужно говорящему, в зависимости от конкретной ситуации и социального статуса коммуникантов, оно воспринимается как просьба или приказ; если окончание работы идет на пользу адресату, побуждение является предложением.

Основные средства выражения просьбы в русском языке исследователями выявлены (Формановская 1984, 1994, 1998, 2002; Беляева 1992; Егорова 1995; Акимова 2009; Кадыркова 2011; и др.), установлена корреляция степени вежливости в зависимости от способа выражения просьбы: чем менее прямо выражена просьба, тем более вежливо она звучит (Ларина 2003, 2009). Выбор языковой формы может обеспечить нейтральную, высокую или низкую степень вежливости [13], а также дополнительный оттенок значения (например, значения задания, требования или мольбы).

Однако до сих пор не определялись основные типы коммуникативных ситуаций, в которых возникает потребность выразить просьбу. В связи с этим целесообразно типизировать средства выражения просьбы в русском языке и описать их в рамках единого коммуникативно-прагматического комплекса (далее КПК), понятие которого предложено Л.Б.Карпенко. Коммуникативно-прагматический комплекс – это коммуникативный фреймовый узел, объединяющий близкие по функции речевые акты с соответствующими им коммуникативными интенциями и речевыми выска-

зываниями. В ряде статей автором анализируются типовые модели выражения интенций различных КПК на русском языке (благодарности, поддержки, предостережения, угрозы, опасения и т. д.) и показана языковая специфика их выражения по сравнению с английским и болгарским языками [14, с.85–87; 15, с.93-95 и др.].

В данном исследовании в ходе анализа корпуса собранного материала выделены с учетом коммуникативных ситуаций и средств выражения три основных типа реализации КПК «просьба»: 1) «бытовая просьба», реализуемая в повседневном общении в знакомой среде; 2) «просьба в новой среде», адресованная незнакомым людям; 3) «официальная» просьба, реализуемая в официальной среде. Рассмотрим подробнее средства, характерные для каждого из названных типов.

1. Бытовая просьба

Потребность выразить данный вид просьбы возникает в неформальном повседневном общении людей, хорошо знакомых друг другу (обращения к родным, приятелям или знакомым с просьбой помочь в чем-то; подать, принести или одолжить что-либо; сообщить или передать информацию и под.). Ср.:

– *Ты помоги мне теткину квартиру разобрать* [Н. Б. Черных. Слабые, сильные. Часть вторая // «Волга», 2015];

– *Ты уж, раз начал, помоги мне ее с той стороны снять!* [Ю.Кашкин. Рассказы о животных / Машка-путешественница // «Ковчег», 2014];

– *Пусик, да не стой ты столбом, помоги мне снять пальто!* [Т.Тренина. Русалка для интимных встреч, 2004].

Для речевых актов с выражением просьбы данного типа характерно использование различных «расширений» контекста: частиц, междометий, обращений в уменьшительно-ласкательных формах или, напротив, в разговорно-фамильярных:

– *Люсенька, помоги мне, – просила тетка, – надо белье постельное выжать* [М. Трауб. Приживалка, 2009]; *Танечка, Танечка, помоги мне. Эту бумажку надо срочно найти* [Е. Гришковец. Город, 2001]; –

Зятек..., помоги мне встать. Украл дитя мое, бестии, как есть украл! [К. Букша. Зятек, 2002]; – *Возьмешь мою, – сказала Элоиза. – Помоги мне, котик* [В. Ломов. Музей // «Октябрь», 2002];

– *Вовк. Дай курнуть!* [В. Маканин. Кавказский пленный, 1995].

Влияет на выбор средств выражения просьбы дейксис – совокупность факторов, которые эксплицитно или имплицитно связывают содержание дискурса с элементами ситуации, исполняя роль идентификаторов. Как составной компонент коммуникативно-прагматического комплекса дейксис выражается через языковые единицы: местоимения 1 и 2 лица (*я, ты/вы*), локативы (*здесь, там*) и темпоральные идентификаторы (*сейчас, теперь, вчера*) и др., выявляющие наиболее полно дополнительный коммуникативный смысл. Ср.: просьба, выражающая один и тот же смысл, с *ты* или *вы*, указывающими относительный социальный статус говорящего и адресата: *Ты можешь передать мне книгу? Не могли бы Вы передать мне книгу?*

2. Просьба в незнакомой среде

Потребность выразить данный вид просьбы возникает при обращении к незнакомым людям, в новой, обычно незнакомой среде (просьба подсказать местонахождение объекта, направление движения транспорта в неизвестном месте и под.):

– *Подскажите как пройти к музею Коломенское* [А. Иванов. Комьюнити, 2012];

– *Цветы где-то тут рядом можно купить, не подскажете?* [Сергей Шикера. Египетское метро // «Волга», 2016]; *Поравнялся с нами: «Улицу Строительную – не подскажете?»* [С.Алексиевич. Время second-hand // «Дружба народов», 2013];

– *Будьте любезны, если не трудно, вы не могли бы остановить свое маршрутное такси на остановке «Улица Шолуденко»?* [А. Володарский. ЖЗЛ (Жизнеописание замечательных личностей) // «Сибирские огни», 2012]; *Вывалившись из потерпевшего и никуда теперь не годного «бумера» наружу, он торопливо закричал в удаляющуюся спину: – Э... Будьте любезны! Минуточку, пожалуйста!* [М. Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая, 2015].

Такого рода речевые акты весьма характерны для современной интернет коммуникации, протекающей на различного рода форумах, где обращаются с просьбами к незнакомым людям:

– *Подскажите, как задать условие чтобы сделки принудительно закрывались в конце дня, например 23: 45: 00* [Форум: Программинг в MetaStock, 2010-2011];

– *Люди, подскажите, пожалуйста, как рассчитать чистую прибыль компании за определенный промежуток времени, если у меня есть отчет о прибылях и убытках* [Форум: Фундаментальные показатели, 2010];

– *Проблема – отреставрировать детские книжки, восстановить расколы между блоком и обложкой. Подскажите, пожалуйста, куда обратиться. В Москве* [Форум: Реставрация книг. Переплетное дело, 2011];

– *Подскажите, как, не посещая налоговую инспекцию, получить налоговый вычет?* [Форум: Возврат налогового вычета, 2010–2012];

– *Ребята, подскажите как выровнять замятые от удара при пересылке углы и корешок у современной книги в твердом переплете (материал обложки – картон обклеенный бумагой)* [Форум: Реставрация книг. Переплетное дело 2010].

Обычно выражение просьбы в таких коммуникативных ситуациях содержит учтливое, деликатное обращение. Типовые средства выражения вежливости при обращении к незнакомому человеку: – *Будьте любезны/добры, скажите, пожалуйста...*, – *Если вам не трудно (Вас не затруднит), подскажите...*, – *Сделайте одолжение...* Для устной формы речи характерна вопросительная интонация, которая переводит просьбу в вопрос, снижая воздействие на адресата: – *Вы не могли бы мне помочь?* – *Не могли бы вы объяснить?* и т.д.

Характерной особенностью речевых актов данной коммуникативной разновидности является использование в императиве глаголов сов. в. с семантикой объяснения, совета: *объяснить, показать, подсказать, посоветовать, порекомендовать*. Другая их особенность – отсутствие адресных обращений; в интернет коммуникации возможны обращения общего характера: *люди, ребята, народ* и под.

3. Официальная просьба

Необходимость выразить данный вид просьбы возникает при формальном общении с официальными службами. Это, например, просьба о трудоустройстве или решении профессиональных проблем:

– *Прошу принять меня на работу начальником охраны* [А. Городницкий. «И жить еще надежде», 2001];

– *Также прошу принять меры дисциплинарного воздействия к сотруднику, обслуживающему меня в филиале банка* [Форум: Банк Русский Стандарт. Обсуждение банка, 2009–2011];

Официальная просьба может быть выражена и со стороны официальных служб:

– *По вине облоно часть детей физматшколы раздеты, разуты, голодны, прошу принять меры* [Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е), 2015];

– *Прошу принять искренние слова благодарности за Вашу активную и плодотворную деятельность в работе прежнего состава коллегии Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации* [С. Н. Есин. Дневник, 2008].

Просьбы, выраженные публично или через СМИ, имеют более формальный тон и чаще всего содержат прошение о каком-то действии со стороны государственных или политических органов. Часто в таких запросах используются вежливые формулировки и слова, которые подчеркивают уважительное отношение к адресатам. Обычно используются различные приемы обращения к сознанию аудитории, убеждения в правильности запрашиваемых действий, обоснования необходимости выполнения просьбы.

Выражение просьбы в таких ситуациях приобретает более развернутый, более сложный в структурно-грамматическом отношении характер – используются косвенные обороты с формами условного наклонения и отрицательной частицей, условные придаточные предложения, модальные глаголы в сочетании с инфинитивом, вводные слова: *не могли бы вы...*, *было бы замечательно, если бы вы смогли...*, *может быть, вы не против...* и т.д.:

Не могли бы Вы рассказать немножко больше о возможном экспорте природного газа в Мексику? [В. В. Путин. Заявление для прессы по окончании российско-мексиканских переговоров // «Дипломатический вестник», 2004]; *Хочу Вас попросить передать всему иранскому руководству и Президенту С. М. Хатами самые наилучшие пожелания* [В.В. Путин. Вступительное слово на встрече с К. Харрази (2004) // «Дипломатический вестник», 29.06.2004

В общении люди стремятся разнообразить модели высказываний, поэтому важно анализировать конкретную ситуацию в деталях. Современная коммуникация характеризуется сменой шаблонов; формы просьбы, которые ранее считались нормой этикета, сегодня являются неподходящими, приобретают негативный оттенок. Не актуально чрезмерное выражение извинений, идеи взаимности услуги и т.п. Таким образом, успешность и эффективность выражения просьбы определяется совокупностью факторов, таких, как: понимание коммуникативной ситуации, коммуникативного намерения говорящего, речевой тактики, явных и скрытых целей высказывания; знание необходимых речевых моделей, грамматики, лексики, дейксиса, речевого этикета, невербальных средств коммуникации, особенностей интонационного оформления.

Взаимодействие всех этих факторов при выражении просьбы в русскоязычной коммуникации создает для иностранных учащихся большие трудности. Овладевающий русским языком инофоне всегда может сориентироваться в том, какое выражение будет обеспечивать наиболее успешный результат коммуникации: *– Проверь мою работу; – Сделай одолжение: проверь мою работу; – Проверь, пожалуйста, мою работу; – Проверишь мою работу? – Не мог бы ты проверить мою работу?; – Нельзя ли тебя попросить проверить мою работу? – Могу я попросить тебя проверить мою работу? – Не мог бы ты помочь с проверкой моей работы? – Мне нужна твоя помощь с проверкой работы* и т.д. Приведенные варианты выражений показывают возможности и прямолинейного обращения, и смягчения просьбы и степени воздействия на адресата. Проблема выбора оптимальных средств определяется тем, что у побуждаемого адресата есть возможность самостоятельно интерпретировать коммуникативную ситуацию и свободно определять, следует ли ему выполнять требуемое действие. Чтобы просьба была эффективной, достигла результата, выбор языковых средств из обширного арсенала возможных должен точно соответствовать коммуникативной ситуации, характеру отношений с адресатом и его психологическому настрою, что делает выбор языковых средств непростой коммуникативной задачей для иностранца. Всё сказанное свидетельствует об актуальности всестороннего изучения интенции просьбы, о значимости систематизации способов и средств выражения просьбы в русскоязычном дискурсе для методики преподавания русского языка как иностранного.

Библиографический список

1. Бондарко А.В., Беляева Е.И., Бирюлин Л.А. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Ленинград: Наука, 1990. 263 с.
2. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Ленинград: Наука, 1976. 255 с.
3. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Лингвистическая прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М.: Прогресс, 1985. С. 3–42.
4. Падучева, Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 1996. 222 с.
5. Формановская Н.И. Прагматика побуждения и логика языка // Русский язык за рубежом. 1994. № 5–6. С. 34–40.
6. Арутюнова Н.Д. Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 412–413.
7. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Часть 1. М., 1960. С. 85–105.
8. Бюлер К. Теория языка: репрезентативная функция языка: пер. с нем. М.: Прогресс, 2000. 296 с.
9. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 19–38.
10. Searle J.R. The philosophy of language. Oxford University Press, 1971. 149 p.
11. Austin. J.L. How to do things with words. Clarendon Press, 1975. 168 p.
12. Волкова А.Е. Способы выражения непрямого побуждения в высказываниях разной степени категоричности // Вестник ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011, №4. С. 134–141.
13. Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах: монография. М.: Изд-во РУДН, 2003. 315 с.
14. Карпенко Л.Б. Коммуникативно-прагматический комплекс в преподавании русского языка как иностранного. Русистика без границы. 2017. № 4. С. 83–87.
15. Карпенко Л.Б. Принципы систематизации речевого материала при обучении русскому языку как иностранному // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Том 25. № 1. С. 90–95.

References

1. Bondarko A.B., Belyaeva E.I., Biryulin J.I.A. Functional grammar theory: Temporality. Modality. Leningrad: Nauka, 1990. 263 p.
2. Bondarko A.V. Teoria of morphological categories. Leningrad: Science, 1976. 255 p.
3. Arutyunova N.D., Paducheva E.V. Linguistic pragmatics //New in foreign linguistics. No. 16, edited by E.V. Paducheva. Moscow: Progress, 1985. Pp.3–42.
4. Paducheva, E.V. Semantic research: Semantics of time and type in Russian; Narrative semantics. Moscow: Languages of Slavic culture, 1996. 222 p.
5. Formanovskaya N.I. Pragmatics of motivation and logic of language//Russian language abroad. 1994. № 5– 6. Pp. 34–40.
6. Arutyunova N.D. Speech Act//Linguistic Encyclopedic Dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990. Pp. 412–413.
7. Humboldt V. On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of the human race // V.A. Zvegintsev History of linguistics of the 19th and 20th centuries in essays and extracts. Part 1. Moscow, 1960. Pp. 85–105.
8. Buehler K. Language theory: a representative function of language: trans. With German. Moscow: Progress, 2000. 296 p.
9. Paducheva E.V. Statement and its correlation with reality: Referential aspects of pronoun semantics. Moscow: LKI Publishing House, 2008. Pp. 19-38.
10. Searle J.R. The philosophy of language // Oxford University Press, 2004. Pp. 56–62.
11. Austin. J.L. How to do things with words // Oxford University Press, 1975. Pp. 94–108.
12. Volkova A.E. Methods of expressing indirect motivation in statements of varying degrees of categoricity//Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2011, №4. Pp.131– 141.
13. Larina T. V. Category of politeness in English and Russian communicative cultures: monograph. Moscow: Publishing House of RUDN University, 2003. 315 p.
14. Karpenko L.B. Communication and pragmatic complex in teaching Russian as a foreign language. Rusistika without a border. 2017. No. 4, Pp.83–87.
15. Karpenko L.B. Principles of systematization of speech material when teaching the Russian language as a foreign language //Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology. 2019. Volume 25. № 1. Pp. 90-95.

УДК:811.161.1:376.68

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.63.95.002

Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры русского языка
Рыкова Е.Б.,
Санкт-Петербург, тел. 89213490322,
e-mail: Elena.Rykova@szgmu.ru

North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov
PhD, Associate Professor
of the Department of Russian language
Rykova E.B.,
St. Petersburg, tel. 89213490322,
e-mail: Elena.Rykova@szgmu.ru

Е.Б. Рыкова

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С ПЕРСОНАЛИЯМИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

В статье рассматриваются сложности, возникающие на занятиях по русскому языку при изучении текстов культурологической направленности иностранными слушателями подготовительных курсов нефилологических вузов, и пути их преодоления с опорой на опыт работы преподавателей кафедры русского языка СЗГМУ им. И.И. Мечникова. В статье определен круг персоналий, представленных в 35 уроках в учебнике Л.В. Москвина и Л.В. Сильвиной, который используется на подготовительных курсах для иностранцев в СЗГМУ в качестве основного учебника по русскому языку. Среди большого количества данных культурологических единиц выделены только персоналии, представляющие отечественную культуру. Из них по частотности употребления на первом месте находится фигура великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Автором статьи анализируется предъявление в учебнике этой персоналии как реалии российской культуры и указываются необходимые дополнения, которые были сделаны в ходе работы с данным культурологическим материалом в процессе преподавания русского языка как иностранного. В статье подробно рассмотрены четыре сложности, возникшие при изучении разнообразных персоналий, представленных в учебнике: во-первых, изменившийся контингент иностранцев, приезжающих на обучение на подготовительный курсы, во-вторых, новая ситуация для российской культуры в меняющемся мире, когда замалчиваются достижения нашей страны, в-третьих, сложность знакомства с этими текстами на подготовительном этапе обучения русскому языку, связанная с использованием пассивной лексики и однократным упоминанием персоналий, в-четвертых, сложности восприятия, возникающие в силу вовлеченности прибывших молодых иностранцев в адаптационные процессы обучения и проживания в стране иной культуры.

Ключевые слова: персоналия, деятели российской культуры, русский язык как иностранный, подготовительный курс, иностранные учащиеся, нефилологические вузы, тексты о культуре, презентации.

Е.Б. Rykova

FEATURES OF WORKING WITH PERSONALITIES IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE CLASSES

The article discusses the difficulties that arise in Russian language classes when studying culturological texts by foreign students of preparatory courses of non-philological universities and ways to overcome them from work experience teachers of the Russian Language Department of the North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov. The article defines the circle of personalities represented in 35 lessons in the textbook by L.V. Moskovkin and L.V. Silvina, which is used in preparatory courses for foreigners at NWSMU as the main textbook on the Russian language. Among the large number of these cultural units, only personalities representing the national culture are singled out. Of these, the figure of the great Russian poet Alexander Sergeevich Pushkin is in the first place in terms of frequency of use. The author of the article analyzes the presentation of this person in the textbook as the realities of Russian culture and indicates the necessary additions that were made during the work with this cultural material in the process of teaching Russian as a foreign language. The article examines in detail four difficulties that arose when studying the various personalities presented in the textbook: firstly, the changed contingent of foreigners coming to study for preparatory courses, secondly, a new situation for Russian culture in a changing world when the achievements of our

country are hushed up, thirdly, the difficulty of getting acquainted with these texts at the preparatory stage of teaching the Russian language, associated with the use of passive vocabulary and a single mention of personalities, fourth, the complexity of perception, arising due to the involvement of newly arrived young foreigners in the adaptation processes of learning and living in a country of a different culture.

Keywords: personalities, figures of Russian culture, Russian as a foreign language, preparatory course, foreign students, non-philological universities, texts about culture, presentations.

Вызовы современности требуют от преподавателей русского языка как иностранного особое внимание уделять созданию положительного образа России. Это теснейшим образом связано с запросами формирования социокультурной компетенции иностранных учащихся. Очень многое зависит от преподавателей русского языка на подготовительных отделениях и курсах, поскольку именно там не только начинается изучение русского языка, но и происходит первая осознанная встреча будущих студентов с русской культурой.

Актуальность нашей работы определяется важностью изучаемых в курсе русского языка как иностранного страноведческих реалий, в первую очередь персоналий, и нерешенностью многих методических задач в этом плане, как отмечают Н.В. Мощинская [1] и Л.В. Московкин [2].

«Для методики обучения русскому языку и иностранным языкам в целом важно понимание того, что знание персоналий отличается от знания других страноведческих реалий. Оно включает знание номинации конкретной персоналии, оформленной по законам русского языка (имя, отчество и фамилия), биографические сведения о ней, знание вклада каждой личности в историю и культуру России». [3]

В Санкт-Петербургском государственном медицинском университете имени И.И. Мечникова на подготовительных курсах для иностранных учащихся в качестве основного учебника по русскому языку используется учебник «Русский язык» Л.В. Московкина и Л.В. Сильвиной [4]. В Рабочую программу по русскому языку как иностранному для подготовительного курса включен учебный материал из этого учебника в количестве 35 уроков.

Учебник создавался в 90-ые годы [5]. В нашей стране происходили глобальные изменения, и разработанный петербургскими учеными Л.В. Московкиным и Л.В. Сильвиной учебник русского языка как иностранного был остро востребован в новой методической реальности, поскольку практически заменил собою популярный комплекс учебников русского языка для вузов «Старт» [6] и «Русский язык» [7]. Многие реалии истории и культуры нашего государства требовала заменить сама жизнь. Популярность русского языка как иностранного возросла, стали открываться курсы русского языка и поехали в большом количестве иностранцы из государств, ранее почти не представленных в российских вузах, особенно из Западной Европы. Все это требовало обновления учебно-методических материалов. В 2000 году все части учебника были объединены, и вот уже более двадцати лет это учебное издание пользуется большим спросом среди преподавателей и обучающихся иностранцев, в том числе и за рубежом. Прошло время, и хотя учебник не утратил своей актуальности (он выдержал 13 переизданий [8]), практика преподавания русского языка в новых условиях показывает, что требуется расширение работы с представленным в нем культурологическим материалом.

В 35 уроках рассматриваемого в нашей статье учебника русского языка задействовано 135 персоналий. Это целая «вселенная» персон разного значения в российской и мировой культуре. «Ядро» персоналий в рассматриваемом издании составляют 13 персон (4 и более упоминаний). На первом месте находится А.С. Пушкин (38), затем Петр I (24), Л.Н. Толстой (17), М.В. Ломоносов (12), Екатерина II (8), Ф.М. Достоевский (8), А.П. Чехов (8), М.Ю. Лермонтов (7), Николай I (7), Максим Горький (6), Павел Третьяков (5), Д.И. Менделеев (4) и П.И. Чайковский (4). Очень большую группу деятелей русской культуры и истории можно отнести к условно «находящимся на периферии» данного учебного издания: 4 персоналии упоминаются 3 раза, 12 – 2, а по 1 разу в уроках встречается упоминание о 74 персоналиях.

Зарубежная культура представлена 32 персоналиями: 4 раза упоминается Вильям Шекспир, 3 раза – 2 персоналии (Ньютон и Моцарт), 2 раза – 3 (Бетховен, Трезини и Наполеон) и 26 персоналий присутствуют на страницах учебника в необходимых нам 35 уроках только единожды. Нас в данной статье интересуют только персоналии, представляющие отечественную культуру.

Само предъявление такого объемного культурологического материала тоже разнообразно. Первое упоминание деятеля российской культуры (Федора Михайловича Достоевского) происходит в

небольшом тексте четвертого урока, в котором изучаются такие основные грамматические темы, как Винительный падеж неодушевленных имен существительных в значении прямого объекта и глаголы второго спряжения. Это, с нашей точки зрения, слишком раннее упоминание значимой персоны российской культуры. В тексте дается краткая характеристика – «его любимый русский писатель» [4].

Есть персоналии, которые упоминаются только в упражнениях. Они могут быть предъявлены в качестве топографических реалий, например, улица Гоголя в уроке 12 [4]. А может быть указан род занятий значимого деятеля культуры, например «новый фильм Никиты Михалкова» в уроке 16 или «первая женщина-космонавт Валентина Терешкова» в уроке 22.

Однократное предъявление персоналии чаще всего встречается в текстах, посвященных подробному рассказу о другой значимой фигуре русской культуры. Например, в тексте о Михаиле Юрьевиче Лермонтове (урок 33) учащийся встретит следующие имена: бабушка Елизавета Алексеевна Арсеньева, отец Юрий Петрович Лермонтов, офицер Мартынов. А в тексте «Тайна расстрела в Екатеринбурге» (урок 32) иностранные учащиеся прочитают об адмирале Колчаке, следователе А.П. Соколове и Анне Андерсон, называвшей себя дочерью царя Анастасией.

Есть персоналии, которым посвящены целые тексты разного объема, например: Дмитрий Иванович Менделеев (урок 21), Антон Павлович Чехов (урок 22), и эти деятели культуры входят в «ядро» персоналий учебника, а есть тексты об Александре Соколовой (урок 21) и Федоре Ивановиче Шаляпине (урок 34), о которых более в 35 уроках учебника речи не идет.

Все это разнообразие создает определенные сложности для иностранных учащихся и для преподавателей русского языка как иностранного, хотя в то же время 103 персоналии русской культуры и истории дают широкие возможности говорить с иностранцами о культуре нашей страны.

Сложности же связаны в первую очередь с изменившимся контингентом иностранцев, приезжающих в СЗГМУ им. И.И. Мечникова на обучение на подготовительный курсы. Молодые люди из стран Африки, Азии и Ближнего Востока очень далеки от европейской культуры XVIII-XX веков, с которой тесно связана культура нашей страны. Поэтому тексты о Екатерине II или Михаиле Васильевиче Ломоносове вызывают трудности восприятия в силу непонимания культурного контекста эпохи.

Другая проблема – новая ситуация для российской культуры в меняющемся мире. Так, например, наши будущие студенты-медики, конечно, знают Ньютона – выдающегося английского ученого, поскольку изучали физику в школе, но то, что Периодическая система химических элементов (которую в России каждый школьник называет таблицей Менделеева и которой пользуются на уроках химии по всему миру) была создана российским ученым Дмитрием Ивановичем Менделеевым – для многих является открытием, поскольку имени Менделеева зачастую нет на таблицах, и это уже проявление новых общественно-политических реалий, в которых оказалась наша страна.

Еще одна сложность знакомства с этими текстами на подготовительном этапе обучения русскому языку связана с использованием пассивной лексики и упоминанием персоналий, которые более в учебнике не появляются. Например, в тексте, посвященном Ломоносову (урок 27), использованы такие лексические единицы, как крестьянская (семья), церковные (книги), свободные крестьяне, дети дворян, дети купцов, богословские науки, горное дело, природа тепла. Учитывая стремление современных учащихся использовать электронные системы перевода и связанное с этим нежелание учить слова, можно говорить о повышенной сложности чтения этого текста. В нем же однократное предъявление таких персоналий, как священник С.М. Сабельников и крестьянин И.А. Шубной в качестве первых учителей будущего великого ученого.

При вынужденном в период пандемии переходе на дистанционное обучение с использованием электронного образовательного ресурса на нашей кафедре создавались презентации, рассчитанные в первую очередь на ведение занятия онлайн в системе ТруКонф, поэтому изучаемые тексты учебника снабжались переводом пассивной лексики и иллюстративным материалом, который был взят из открытых источников Интернета.

И еще одна сложность изучения данных текстов заключается в том, что многим учащимся медицинского вуза, приехавшим в Россию, только 17-19 лет. Они впервые оказываются в стране другой культуры и только начинают самостоятельную жизнь, поэтому они заняты в первую очередь проблемами адаптации в новой среде, межличностными отношениями и вопросы культуры, в том числе истории, их не слишком привлекают. Это материал, до которого в какой-то мере нужно «дорости», поэтому, наверное, тексты о культуре на подготовительном этапе обучения должны быть, с нашей точки зрения, менее информативными и более занимательными.

Наше внимание привлекают персоналии российской культуры, составляющие, как мы определили в данной статье применительно к книге Л.В. Московкина и Л.В. Сильвиной, культурологиче-

ское «ядро» учебного материала в 35 уроках указанного учебника. На первом месте находится фигура Александра Сергеевича Пушкина (38 предъявлений). Имя Пушкина вводится уже в уроке 5 (контрольный урок) в небольшом тексте: «Юхан любит стихи Пушкина» [1, с.32]. Словосочетание «стихи Пушкина», указывающее на деятельность великого поэта, используется в учебнике неоднократно. Затем в упражнениях и текстах появляются топографические реалии «улица Пушкина» (урок 7) и город Пушкин (урок 32, текст «Царское село»). В уроке 12 в упражнении №18 упоминается книга «Пушкинский Петербург». В уроке 28 в тексте №2 герои посетили музей Пушкина в Михайловском. Так постепенно создается мир Пушкина в контексте русской культуры на уровне, доступном учащимся на подготовительных курсах. Они узнают о значимости фигуры поэта для нашей культуры (стихи, книги, улица, музей), в уроке 28 им авторами учебника предлагается отрывок из поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник», там же дается оценочная характеристика «великий русский поэт» (в тексте, посвященном монументу «Медный всадник») и наконец в уроке 29 учащиеся знакомятся с жизнью А.С. Пушкина, читая текст, посвященный поэту. Но и позже имя Пушкина не сходит со страниц учебника, устанавливая культурные связи с последующей эпохой: трагическая гибель Пушкина (урок 33 в тексте о Лермонтове) и Музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина (урок 33 в тексте о Москве). Все это – вполне логичное и последовательное введение персоналии первостепенного значения в отечественной культуре в учебных материалах, представленных в рассматриваемой нами книге Л.В. Московкина и Л.В. Сильвиной. Однако практика преподавания, например, в арабских группах, показывает, что при отсутствии представлений о жизни России XIX века необходимо использование иллюстративного материала и работа с ним, а также увеличение предтекстовых, притекстовых и послетекстовых заданий к текстам культурологической направленности. Так, например, при создании презентации № 122 по тексту о Пушкине для урока 29 нами было использовано 26 изображений для иллюстрации содержания текста. Сюда вошли портрет А.С. Пушкина кисти О. Кипренского, портрет Ибрагима Ганнибала, изображение барельефа Арины Родионовны, картина И. Репина «Пушкин на лицейском экзамене в Царском селе», фотографии Царского села и Лицея, фотография могилы Пушкина в Святогорском монастыре, а также снимки празднования Дня рождения Пушкина на Мойке, 12 в Санкт-Петербурге и в Михайловском, конечно, фотография памятника поэту на площади Искусств и обложка учебника, поскольку это же изображение находится и на ней. Однако мы включили и сюжетные картины современных художников, изображающие юного поэта в садах Лицея, Пушкина у цыган, в библиотеке отца, на набережных Петербурга и у Медного всадника, Пушкина и Наталью Николаевну на балу и на приеме у Николая Первого, сцену дуэли, раненого поэта в своем кабинете, толпу у входа на Мойку, 12, ожидающую известий о состоянии здоровья Александра Сергеевича и многое другое, что помогло бы нашим преподавателям преподнести, а учащимся представить факты, изложенные в тексте 29 урока. И все эти 26 изображений требуют своего комментария и заданий. Такая объемная и кропотливая работа представляется невозможной в рамках одного учебника.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что фундаментальные труды, такие как учебник для иностранных учащихся «Русский язык» Л.В. Московкина и Л.В. Сильвиной, требуют создания учебных пособий, сопутствующих учебному процессу на подготовительном курсе. Материал, представленный в учебнике и рассказывающий о деятелях русской культуры и истории, с нашей точки зрения, предполагает создание специального пособия, возможно, в виде рабочей тетради, в которой можно было бы не только перевести новую лексику культурологического характера и прокомментировать отдельные реалии, не только проиллюстрировать конкретные эпизоды биографии или деятельности рассматриваемой персоналии, но и создать расширенную систему заданий как для чтения, так и для пересказа этих очень важных текстов. Дополнительные пособия к учебнику возможно будет использовать по мере необходимости, если позволит количество часов в учебной программе. Расширенная работа с персоналиями на занятиях по русскому языку с иностранными слушателями подготовительных курсов будет способствовать повышению эффективности обучения и созданию положительного образа нашей страны.

Библиографический список

1. Мощинская, Н. В. Принципы отбора и презентации персоналий в практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ) // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Электронное научное издание. М.: ИЯ РАН, 2011. Вып. 3. 15 с. http://www.ilingran.ru/library/sborniki/for_lang/2011_03/17.pdf. 22

2. Московкин, Л. В., Сильвина, Л. В. Персоналии в обучении русскому языку как иностранному: Ф. М. Достоевский // Научный результат. Серия «Педагогика и психология образования». 2016. №3 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/personalii-v-obuchenii-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu-f-m-dostoevskiy>
3. Калле, М. И., Московкин, Л. В., Рыкова, Е. Б. Персоналии как единицы обучения русскому языку как иностранному // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9. № 3. С. 100-106.
4. Московкин, Л. В. Сильвина, Л. В. Русский язык: учебник для иностранных студентов подготовительных факультетов / Л. В. Московкин, Л. В. Сильвина; Российское о-во преподавателей русского яз. и лит. - Изд. 8-е. - Санкт-Петербург: СМАО Пресс, 2016. - 516 с.
5. Московкин, Л. В. Сильвина, Л. В. Элементарный курс русского языка для иностранных студентов : Учеб. пособие / Л. В. Московкин, Л. В. Сильвина ; Санкт-Петербург. ун-т вод. коммуникаций, Рос. гос. гидрометеорол. ин-т. СПб. : РГГМИ, 1994-. 22 см. Ч. 1: Начальный этап обучения. Ч. 1. СПб. РГГМИ, 1994. 166 с.
6. Старт 1-2: Вводный и элементарный курсы. Книга для студента: Учебник русского языка для подготовительных факультетов ВУЗов СССР / М. М. Галеева, Л. С. Журавлева, М. М. Нахабина. Москва: Русский язык, 1986. 511 с.
7. Русский язык. Практический курс. Пособие для начинающих / Журавлева Л.С., Шипица Л.В., Нахабина М.М., Протасова Т.Н., Галеева М.М. Русский язык. Практический курс. Учебник русского языка для иностранных учащихся. М.: Русский язык, 1989. 344 с.
8. Московкин, Л. В. Русский язык: учебник для иностранных студентов подготовительных факультетов / Л. В. Московкин, Л. В. Сильвина; Российское общество преподавателей русского языка и литературы. 13-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: СМАО Пресс, 2022. 516 с.

References

1. Moshinskaya N.V. Principles of selection and presentation of personalities in the practice of teaching Russian as a foreign language (RCT) // Linguistics and methods of teaching foreign languages. Electronic scientific publication. Moscow: IYA RAS, 2011. Issue 3. 15 c. http://www.ilingran.ru/library/sborniki/for_lang/2011_03/17.pdf. 22.
2. Moskovkin L.V., Silvina L.V. Personalities in teaching Russian as a foreign language: F. M. Dostoevsky // Scientific result. Series "Pedagogy and psychology of education". 2016. №3 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/personalii-v-obuchenii-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu-f-m-dostoevskiy>.
3. Kalle M.I., Moskovkin L.V., Rykova E.B. Personalities as units of teaching Russian as a foreign language // Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. Humanities and social sciences. 2018. Vol. 9. No. 3. pp. 100-106.
4. L. V. Moskovkin, L. V. Silvina. Russian Russian: textbook for foreign students of preparatory faculties / L. V. Moskovkin, L. V. Silvina; Russian society of teachers of Russian language. and lit. Ed. 8th - St. Petersburg: SMIO Press, 2016. 516 p.
5. L.V. Moskovkin, L.V. Silvina. Elementary course of the Russian language for foreign students : Textbook / L. V. Moskovkin, L. V. Silvina ; St. Petersburg. un-t vod. communications, Russian State Hydrometeorol. in-T. SPb. : RGGMI, 1994-. 22 see Part 1: The initial stage of training. Part 1. SPb. RGGMI, 1994. 166 p.
6. Start 1-2: Introductory and elementary courses. A book for a student: A textbook of the Russian language for preparatory faculties of universities of the USSR / M. M. Galeeva, L. S. Zhuravleva, M. M. Nakhabina. Moscow: Russian Language, 1986. 511 p.
7. Russian language. Practical course. Handbook for beginners / Zhuravleva L.S., Shipitso L.V., Nakhabina M.M., Protasova T.N., Galeeva M.M. Russian language. Practical course. Russian Russian textbook for foreign students. Moscow: Russkiy yazyk, 1989. 344 p.
8. Russians Russian language: textbook for foreign students of preparatory faculties / L. V. Moskovkin, L. V. Silvina; Russian Society of Teachers of Russian Language and Literature. 13th ed., ispr. and add. St. Petersburg: SMIO Press, 2022. 516 p.

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.94.48.003

*Нижегородская академия МВД России
Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
Кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранного языка и культуры речи,
доцент кафедры русского языка и культуры речи
Замальдинов В.Е.
Россия, г. Нижний Новгород,
тел. 8 (831) 421-72-15
e-mail: zvlad-nn@yandex.ru*

*Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia
Novgorod State Pedagogical University (Minin University)
Candidate of philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Foreign Language and Speech Culture,
Associate Professor of the Department of Russian Language and Speech Culture
Zamaldinov V.E.
Russia, Nizhny Novgorod,
tel. 8 (831) 421-72-15
e-mail: zvlad-nn@yandex.ru*

В.Е. Замальдинов

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОЗДАНИИ ЭРГОНИМОВ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

В статье рассматриваются новые тенденции в создании эргонимов Приволжского федерального округа. Материал исследования – ономастические единицы, выделенные путём сплошной выборки из различных информационных источников («2ГИС», «TripAdvisor», «Zoon.ru» и др.), а также собранные автором в результате наблюдений. Анализируется такая модная тенденция в эргонимии, как употребление цифр. Подчёркивается, что с помощью цифры 1 номинаторы выделяют предприятие из ряда подобных. Для создания регионального колорита имядатели включают в состав эргонимов коды субъектов Российской Федерации. Кроме того, с помощью цифр номинаторы сообщают о местоположении заведения, времени его работы. Демонстрируются эргонимы, в которых заменяется часть слова цифрой 100. Описывается новая тенденция в коммерческой номинации – использование предложений вместо одиночных лексем и словосочетаний. По наличию главных членов эргонимы-предложения могут быть односоставными и двусоставными. Выявляются ономастические единицы, отражающие патриотические настроения владельцев предприятий. Номинаторы создают атрибутивные словосочетания с прилагательным *русский*. Подобные эргонимы указывают на названия блюд, актуализируют чувство патриотизма у адресата. Отмечается такая новая тенденция в создании эргонимов, как подражание древнему написанию (архаизация написания). Устанавливается, что в Приволжском федеральном округе распространены номинации с графемой дореволюционной кириллицы Ъ («ер»). Данные наименования ассоциируются у потребителей с надёжностью и верностью русским традициям. Автор обращает внимание на эргонимы, стилизованные под интернет-дискурс. Доказывается, что подобные ономастические единицы напоминают носителям языка адреса интернет-страниц, привлекают внимание потенциальных клиентов. Результаты исследования могут представлять интерес для лингвистов, культурологов, неймеров, а также для всех интересующихся новыми тенденциями в создании эргонимов.

Ключевые слова: новые тенденции, эргоним, Приволжский федеральный округ, коммерческое название, ономастическое пространство.

V.E. Zamaldinov

NEW TRENDS IN THE CREATION OF ERGONYMS IN VOLGA FEDERAL DISTRICT

The article discusses new trends in the creation of ergonyms of the Volga Federal District. The research material is onomastic units selected by continuous sampling from various information sources. Such a fashionable trend in ergonymy as the use of numbers is analyzed. It is emphasized that with the help of the number 1, nominees distinguish

an enterprise from a number of similar ones. To create a regional flavor, the owners include the codes of the subjects of the Russian Federation in the ergonyms. In addition, nominators use numbers to inform about the location of the institution, its opening hours. Ergonyms are demonstrated, in which part of the word is replaced by the number 100. A new trend in the commercial nomination is described – the use of sentences instead of single lexemes and phrases. By the presence of the main members, ergonyms-sentences can be one-part and two-part. Onomastic units reflecting the patriotic sentiments of the owners of the enterprise are identified. Such ergonyms indicate the names of dishes, actualize the sense of patriotism of the addressee. There is such a new trend in the creation of ergonyms as imitation of the ancient spelling. These names are associated with reliability among consumers. The author draws attention to ergonyms stylized as Internet discourse. It is proved that such onomastic units remind native speakers of the addresses of Internet pages. The results of the study may be of interest to anyone interested in new trends in the creation of ergonyms.

Keywords: new trends, ergonym, Volga Federal District, commercial name, onomastic space.

Одним из условий успешного продвижения товаров или услуг на рынке являются рекламные имена (РИ) – «имена собственные любых объектов, подлежащих рекламированию» [1; с. 472]. К особому типу РИ относится эргоним (название фирмы, предприятия, организации). Данный вид онима обладает вторичностью номинации, отличается структурно-семантическим разнообразием, недолговечностью. Эргонимическая единица обозначается на вывесках и выделяет предприятие из ряда подобных.

Цель исследования – выявить новые тенденции в создании эргонимов Приволжского федерального округа.

В качестве источника материала использованы эргонимы Приволжского федерального округа, собранные автором на различных информационных сайтах («2ГИС», «TripAdvisor», «Zoon.ru» и др.). Корпус данных составил более 110 единиц.

Большую важность для работы имеют труды в области ономастики О.В. Врублевской [2], С.А. Скуридиной [3], Т.В. Шмелёвой [4], А.М. Емельяновой [5], В.Е. Замальдинова [6; 7] и других.

Для эргонимии Приволжского федерального округа характерны следующие тенденции: употребление цифр, использование предложений вместо одиночных лексем и словосочетаний, появление патристических наименований, архаизация написания, использование интернет-символов. Рассмотрим их более подробно.

Номинаторы активно употребляют в структуре эргонимических единиц цифры. Приведём примеры: автомойка *АВТОМОЙКА № 1*, кафе *ШАШЛЫЧНАЯ № 1*, ресторан *№1 ХИНКАЛЬНАЯ*, салон красоты *Красавица № 1* в Уфе; быстрое питание *ШАУРМА # 1*, парикмахерская *ПАРИКМАХЕРСКАЯ № 1*, пекарня *Богатырь № 1*, салон красоты *САЛОН КРАСОТЫ № 1* в Нижнем Новгороде; быстрое питание *ШАУРМА ПО-БРАТСКИ № 1 НА УГЛЯХ* в Саранске; быстрое питание *Shaurma № 1*, пекарня *ПЕКАРНЯ № 1* в Кирове; кафе *Лавка № 1* в Перми; кафе *Хачапурная № 1* в Самаре; кафе *САМСА № 1* в Казани; быстрое питание *КУРЫ № 1 НА УГЛЯХ* в Ульяновске. В эргонимах с цифрой 1 имядатели подчёркивают, что данное заведение является лучшим на фоне других подобных.

В состав эргонимов номинаторы включают цифровые коды субъектов Российской Федерации. Проиллюстрируем сказанное: автосервис *52 МИЛИ*, автосервис *МАЗДА52*, доставка еды и обедов *ШАШЛЫК 52*, пекарня *ПЕКАРНЯ 52* в Нижнем Новгороде; автосервис *АВТОПОМОЩЬ56*, автосервис *PII-STOP 56*, кафе *OrenPizza56* в Оренбурге; автомойка *АвтоЛига58*, быстрое питание *Универ 58*, столовая *СТОЛОВАЯ58* в Пензе; кафе *Шашлык63*, автосервис *Автоцентр 63*, автосервис *KOREA 63* в Самаре; автосервис *АВТОСЕРВИС А64*, автосервис *АВТОРЕМОНТ64*, автосервис *СТО 164*, кафе *ЧАЙХАНА64*, столовая *СТОЛОВАЯ-64* в Саратове; автосервис *ТехЦентр73*, быстрое питание *ШАВЕРМА73*, кафе *Шашлык даром73* в Ульяновске. С помощью кодов субъектов Российской Федерации владельцы заведений создают региональный колорит, вызывают доверие местного населения к оказываемой услуге.

Эргонимы могут указывать на месторасположение заведения: бар *BEER HOUSE 25/88* (расположен на ул. Ванеева, д. 25/88), ресторан *КАФЕ38* (расположен на ул. Рождественская, д. 38), салон красоты *МАСТЕРСКАЯ КРАСОТЫ 12* (расположен на ул. Волжская набережная, д. 12) в Нижнем Новгороде; бар *ДОМ номер 60* (расположен на ул. Московская, д. 60) в Пензе; кофейня *LOFT108* (расположена на ул. имени И.В. Мичурина, д. 108) в Саратове. Мотивом для создания подобных номинаций стал номер дома, где располагается предприятие.

В Приволжском федеральном округе встречаются эргонимы с цифровым компонентом 24: автомойка *АВТОМОЙКА 24*, кальян-бар *ДЫМ 24* в Нижнем Новгороде; бар *Бар24* в Саратове; автомойка *АВТОМОЙКА САМООБСЛУЖИВАНИЯ 24*, быстрое питание *СУВЛАКИ24* в Ульяновске. Подобные номинации указывают горожанам на то, что заведения работают круглосуточно.

В эргонимах распространена замена части слова цифрой 100: автосервис *Pro100 сервис* в Йошкар-Оле; доставка еды и обедов *PRO100SUSHI* в Саратове; ресторан *за100лье* в Пензе; *100lovaya* в Ижевске.

Таким образом, с помощью эргонимов с цифровым компонентом номинаторы поддерживают престиж заведения среди носителей языка, отражают региональную специфику, сообщают о местоположении предприятия и времени его работы, вызывают эмоциональный отклик у потребителей.

Другая актуальная тенденция в создании эргонимов – использование предложений вместо одиночных лексем и словосочетаний. Приведём примеры: бар *Заходи, если чё* в Нижнем Новгороде; кафе *НЕ ХОЧУ ГОТОВИТЬ*, кофейня *МАМА ВАРИТ КОФЕ*, салон красоты *Я НЕ ОЖИДАЛА!* в Уфе; кофейня *Люди говорят* в Кирове; кафе *ЕЛИ МЯСО МУЖИКИ* в Оренбурге; бар *#РОМАНАЛЬЕТ* в Перми; бар *МАМА, НЕ ГОРЮЙ!*, ресторан *ЖИЗНЬ УДАЛАСЬ*, юридические услуги *БАНКРОТ ПРАВ!* в Самаре; кофейня *КОФЕ – ЭТО ФРУКТ!* в Саратове; магазин одежды *Мы Вас Любим!* в Чебоксарах. По наличию главных членов эргонимы-предложения могут быть как односоставными, так и двусоставными. Как справедливо отмечает И.В. Бугаева, «с лингвистической точки зрения предложение как синтаксическая единица в коммерческих наименованиях становится равным одной номинативной единице» [8, с. 88].

В ономастическом пространстве Приволжского федерального округа зафиксированы эргонимы, отражающие патриотические настроения владельцев заведений: кафе *РУССКАЯ ПЕЧКА*, кафе *РУССКИЕ ПЕЛЬМЕНИ*, отель *РУССКИЙ КАПИТАЛ* в Нижнем Новгороде; быстрое питание *РУССКИЙ БУРГЕР* в Кирове; блинная *РУССКИЕ БЛИНЫ*, кафе *РУССКИЙ БУНТ* в Оренбурге; кафе *РУССКИЕ ПЕРЦЫ*, кафе *Русский Кондитер* в Пензе; ресторан *РУССКАЯ ОХОТА* в Самаре; ресторан *РУССКИЙ САМОВАР* в Ульяновске. Имядатели достаточно часто используют эргонимы с прилагательным *русский*. Подобные номинации указывают на названия блюд, актуализируют чувство патриотизма у потенциальных потребителей.

К активным тенденциям можно отнести архаизацию написания (релитерографиксацию) – подражание древнему написанию. Приведём примеры: кафе *БУФЕТЬ*, ресторан *ТРАКТИРЬ НА УЛИЦЕ*, юридические услуги *КОНСУЛЬ*, юридические услуги *ОзмановЪ* в Нижнем Новгороде; бар *АристократЪ*, парикмахерская *ЦИРЮЛЬНИКЪ*, юридические услуги *Правникъ*, юридическое агентство *СТАТУСЪ* в Уфе; кафе *ГрандЪ БуфетЪ*, кафе *ТРАКТИРЬ КОЛЕСО*, парикмахерская *БЕНЕФИСЪ*, ресторан *ВАСНЕЦОВЪ*, юридическая компания *Правовой Стандартъ*, юридические услуги *ЮРИСТЪ* в Кирове; кафе *РЕВИЗОРЪ* в Йошкар-Оле; паб *ИЗЮМЪ*, русский пивной ресторан *ГОФМАНЪ* в Оренбурге; кафе *Дом Пироговъ*, юридические услуги *АргументЪ*, юридические услуги *ГАРАНТ КАПИТАЛЬ*, юридические услуги *Правоведъ* в Перми; кафе-столовая *Вкусный обедъ*, питейная *КипятокЪ* в Самаре; юридическая компания *АнтиБанкЪ* в Саратове; юридическое агентство *Гареевъ & Партнёры* в Казани; ресторан *Тифлисъ*, юридические услуги *Консалтинг КапиталЪ* в Ижевске; ресторан *ОБЛОМОВЪ* в Ульяновске; кафе *ТоварищЪ* в Чебоксарах. Как видно из примеров, в Приволжском федеральном округе востребованы эргонимы с графемой дореволюционной кириллицы *Ъ* («ер») в позиции конца слова после согласной. Подобные наименования выделяют заведение из ряда подобных, ассоциируются у потенциальных клиентов с надёжностью, солидностью, верностью русским традициям.

Распространены в Приволжском федеральном округе эргонимы, стилизованные под интернет-дискурс. Приведём примеры: аптека *Apteka.ru*, магазин бытовой техники *RBT.ru*, одежда для беременных и кормящих *Крошка Ру*, юридические услуги *ADVOKAT102.RU*, юридические услуги *ПризываНет* в Уфе; парикмахерская *Стильно.ru*, студия красоты *Путер.py* в Йошкар-Оле; фотоуслуги *ФОТО.RU*, юридические услуги *ДОЛГАМ.НЕТ* в Саранске; доставка цветов и букетов *ЦВЕТОВ.PY* в Нижнем Новгороде; кафе *EDA.py*, кафе *ВИЛКИ.НЕТ*, юридические услуги *КредитовНет* в Оренбурге; юридические услуги *ДОЛГОFF.НЕТ* в Перми; юридические услуги *CONSALTING.RU* в Казани. Как видно из примеров, подобные эргонимы напоминают адреса интернет-страниц. Кроме того, название предприятия с доменным именем *net* может быть прочитано как конструкция с отрицанием. Нельзя не согласиться с Г.А. Шушариной, что «для привлечения внимания реципиента отдельные номинаторы придерживаются языковой моды, которая формируется в мировых социальных сетях и других интернет-ресурсах» [9, с. 61].

Подводя итог, отметим, что наиболее частотными в Приволжском федеральном округе являются такие тенденции в эргонимии, как употребление цифр, использование предложений вместо одиночных лексем и словосочетаний, появление патриотических наименований, архаизация написания, использование интернет-символов. Ономастические единицы отражают региональную идентичность, вызывают патриотические чувства у граждан, ассоциируются с надёжностью, привлекают внимание потенциальных клиентов необычностью ассоциаций.

Библиографический список

1. Крюкова И.В. Рекламное имя в массовом языковом сознании носителей русского языка (на материале интернет-конкурсов на лучшее название) // Медиалингвистика. 2018. Т.5. № 4. С. 471-483.
2. Врублевская О.В. Модные тенденции эргонимической номинации // Ярославский текст в пространстве диалога культур: материалы Третьей Всероссийской научной конференции, Ярославль, 10-11 апреля 2018 года / Составители и ответственные редакторы: О.Н. Скибинская, Т.К. Ховрина. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2018. С. 287-291.
3. Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского. Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2022. 341 с.
4. Шмелева Т.В. Великий Новгород: ономастический портрет. Великий Новгород: ТПК «Печатный Двор», 2020. 288 с.
5. Емельянова А.М. Эргоним: социалингвистический аспект // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии: материалы двадцать шестой Всероссийской научно-методической конференции, Иркутск, 25-26 февраля 2021 года. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 280-284.
6. Замальдинов В.Е. Креативный нейминг нижегородских заведений общественного питания: графический аспект // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Т.7. № 2. С. 35-43.
7. Замальдинов В.Е. Трапезонимы Приволжского федерального округа: структурно-грамматическая характеристика // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 4 (43). С. 458-461.
8. Бугаева И.В. Современные тенденции в урбанонимии и городской культурный ландшафт // Среда. Культура. Текст: сборник материалов I Всероссийской научно-практической междисциплинарной конференции, Нижний Новгород, 11-12 ноября 2022 года. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2023. С. 85-92.
9. Шушарина Г.А. Современные тенденции образования эргонимов (на примере Комсомольска-на-Амуре) // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2022. № 2 (58). С. 57-62.

References

1. Kryukova I.V. Advertising name in the mass linguistic consciousness of native speakers of Russian language (based on Internet name contests) // Media Linguistics. 2018. Vol. 5. No. 4. pp. 471-483.
2. Vrublevskaya O.V. Fashion trends of the ergonymic nomination // Yaroslavl text in the space of the dialogue of cultures: materials of the Third All-Russian Scientific Conference, Yaroslavl, April 10-11, 2018 / Compilers and responsible editors: O.N. Skibinskaya, T.K. Khovrina. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, 2018. pp. 287-291.
3. Skuridina S.A. Onomastic code of F.M. Dostoevsky's literary texts. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2022. 341 p.
4. Shmeleva T.V. Veliky Novgorod: onomastic portrait. Veliky Novgorod: TPK «Printing Yard», 2020. 288 p.
5. Emelyanova A.M. Ergonym: sociolinguistic aspect // Personnel training for law enforcement agencies: modern trends and educational technologies: materials of the twenty-sixth All-Russian Scientific and Methodological Conference, Irkutsk, February 25-26, 2021. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. pp. 280-284.
6. Zamaldinov V.E. Creative naming of Nizhny Novgorod catering establishments: graphic aspect // Theoretical and applied linguistics. 2021. Vol. 7. No. 2. pp. 35-43.
7. Zamaldinov V.E. Trapezonyms of the Volga federal district: structural and grammatical characteristics // Scientific notes of the Novgorod State University. 2022. No. 4 (43). pp. 458-461.
8. Bugaeva I.V. Modern trends in urbanonymy and urban cultural landscape // Environment. Culture. Text: collection of materials of the I All-Russian Scientific and Practical Interdisciplinary Conference, Nizhny Novgorod, November 11-12, 2022. Nizhny Novgorod: N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, 2023. pp. 85-92.
9. Shusharina G.A. Modern trends in the formation of ergonyms (by the example of Komsomolsk-on-Amur) // Scientific Notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2022. No. 2 (58). pp. 57-62.

УДК 81'242

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.60.30.004

*Кубанский государственный университет
Аспирантка II года обучения кафедры обще-
го и славяно-русского языкознания
Чернова В.А.
Россия, г. Краснодар, тел. +7967-651-17-06
e-mail: vika-chernova@bk.ru*

*Kuban State University
Second-year graduate student of Department
of Slavic-Russian and General Linguistics
Chernova V.A.
Russia, Krasnodar, tel. +7967-651-17-06
e-mail: vika-chernova@bk.ru*

В.А. Чернова

«СЛОВО УЧИТЕЛЯ» В ШКОЛЬНОМ ДИСКУРСЕ: ТЕКСТОВЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Статья посвящена характеристикам «слова учителя» как формы изложения учебного материала в школьном дискурсе. В настоящее время главенствующая роль учителя в образовательном процессе утрачена: виной во многом служит не только цифровизация образовательной среды, но и понижение коммуникативной компетенции и ухудшение общего уровня грамотности. Актуальность исследования состоит в конкретизации и дополнении понятия «школьный дискурс» с точки зрения текстовых и языковых характеристик субъекта коммуникативного поведения – учителя. Научная новизна работы заключается в том, что впервые изложение учебного материала определяется в совокупности текстовых и языковых характеристик на примере конкретных планов уроков английского языка в рамках школьного дискурса. Цель данного исследования – определить текстовые и языковые характеристики «слова учителя», подтвердив их примерами из планов уроков, которые цитируют речь учителя. Поставленная цель предполагает выполнение следующих задач: 1) рассмотреть языковую личность учителя в рамках школьного дискурса; 2) выявить текстовые характеристики изложения учебного материала; 3) дополнить исследование языковыми характеристиками «слова учителя». Материалом послужили выдержки и цитаты речи учителя из конкретных планов уроков английского языка «Екатерининской гимназии №36» г. Краснодар. На основе анализа материала выделяются следующие текстовые характеристики: объективные (коммуникативная, информативная, управленческая) и субъективные (доступность изложения, поведение учителя и его отношение к предмету). Языковая характеристика дается в форме анализа «микротекстов» учителя, которые содержатся во всех этапах урока и имеют вид от объяснения и развернутых комментариев до прямых указаний к действию и обобщений. Проанализировав имеющиеся характеристики, мы приходим к выводу о двойственной природе изложения учебного материала: с одной стороны, это нормированный, отредактированный текст, а с другой – эмоционально выразительный поток речи, окрашенный индивидуальной интонацией, с персонифицированной подачей, который демонстрирует «почерк» учителя. Изложение учебного материала – это важный процесс для достижения общей цели школьного дискурса – эффективного взаимодействия учителя и ученика в процессе социализации школьника.

Ключевые слова: школьный дискурс, субъект коммуникативного поведения, текстовые характеристики, языковые характеристики, микротексты изложения учителя.

V.A. Chernova

“THE TEACHER’S WORD”: TEXTUAL AND LINGUISTIC CHARACTERISTICS IN SCHOOL DISCOURSE

The article is devoted to the study of textual and linguistic characteristics of the teacher’s word, which has different forms of presentation in school discourse. Nowadays the teacher’s leading role in educational development is lost not only because of digitalization of the learning process but lowering the level of communicative competence and the overall literacy rate as well. The relevance of the research is particularization and specification of “school discourse” by determining textual and linguistic characteristics of teacher’s communicative behavior. Scientific novelty is characterized in presentation of educational material in linguistic and textual features illustrated by examples from English lesson plans. The purpose of this study is to define textual and linguistic characteristics of the teacher’s word supporting them with specific examples. To achieve the goal certain tasks have been looked upon: 1) to consider linguistic personality of

a teacher in school discourse; 2) to identify textual characteristics of presenting an educational material; 3) to supplement understanding of the teacher's word. Our research contains the material of particular teachers' lesson plans from Catherine's gymnasium 36 in Krasnodar. Based on analysis of the material involved to characterize the teacher's word we allocate both objective (communicative, informative and administrative) and subjective (availability, teacher's communicative behavior, attitude to the subject) textual characteristics. Linguistic characteristics are given by analyzing teacher's microtexts that can be found during the lesson and have different types of presentation from explanation and detailed commentaries to direct instructions and generalizations. By defining and analyzing textual and linguistic characteristics of the teacher's word, we conclude the dual nature of presenting an educational material: on the one hand, it is a standardized, well thought-out, edited text, but, on the other hand, it is an emotionally expressive stream of speech with individual intonation and personified presentation demonstrating "the teacher's style". Presentation of such a material is a very important process for achieving the main goal of school discourse – the effective interaction of all participants of communication during pupils' socialization.

Key words: school discourse, subject of communicative behavior, textual characteristics, linguistic characteristics, teacher's microtexts.

Школьный дискурс объединяет школу и участников образовательного процесса в единый дискурсивно-речевой круг лиц, которые имеют специфичное речевое поведение, продиктованное главной целью – эффективное взаимодействие. «В системе образовательного дискурса разновидности дискурсов в лингвистическом плане характеризуется как общими, так и специфичными свойствами» [1; с. 45]. Мы рассматриваем изложение учебного материала как наиболее специфичное проявление школьного дискурса и будем называть данное изложение «слово учителя», так как ему принадлежит особая роль в обучении.

В центре внимания ученых, занимающихся разработкой теории дискурса, находится проблема разновидностей дискурса, которая неотделима от исследований языковой личности как субъекта коммуникативного поведения. Наиболее известны в этом направлении работы В.З. Демьянкова, В.А. Масловой, В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова, Е.С. Кубряковой.

Учитель как часть дискурсивно-речевого коллектива школьного дискурса соответствует понятию «языковая личность», введенному Ю.Н. Карауловым: «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности и для достижения определенных целей в этом мире» [2; с. 11].

Языковая личность учителя проявляется через коммуникативное поведение, важнейшим компонентом которого является вербальный ряд. В результате изучения вербального ряда учителя в рамках школьного дискурса мы выбрали модель «от действительности к тексту» [3; с.155], в которой языковая личность учителя (свободного участника и творца действительности) в своем общении и в общении с другими людьми использует самые разнообразные средства: эксплицитные и имплицитные.

В этой связи вербальный ряд учителя характеризуется двойственной природой: с одной стороны, это спланированный подготовленный текст с жесткой структурой и маркированными элементами, свойственными определенным жанрам речи. А с другой стороны, это и обрывки фраз, и отдельные слова, и самоперебивания, и неорганизованная речь. Таким образом, мы затрагиваем «открытый дискурс», способный к варьированию акцентов внимания, перестроению, трансформации конструкций и интонаций [1; с. 46]. Поэтому мы можем говорить, что «слово учителя» включает в себя «микродискурсы жесткой структуры – микротексты» и имеет свободные элементы в виде плавно льющейся речи.

Целью нашего исследования является изучение «слова учителя» с точки зрения его текстовых и языковых характеристик. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: 1) рассмотреть языковую личность учителя в школьном дискурсе; 2) выявить языковые характеристики «слова учителя»; 3) обозначить его текстовые характеристики.

«Слово учителя» пронизывает весь учебно-воспитательный процесс на уроке и вне его. Никакие технические средства не заменят живое слово учителя. Особенно важна роль учителя в формировании психологического климата в классе. От того, как учитель общается с учеником, как разговаривает, во многом зависит самочувствие учеников в школе, доброжелательность, раскованность, взаимопомощь, искренность.

Сегодня учитель перестал быть единственным источником знаний, самой видной фигурой в формировании мировоззрения и духовного стержня учащихся. Именно поэтому учитель должен в

наше время задуматься о своем профессиональном авторитете, чтобы оставаться «первым лицом», которое имеет преимущество непосредственного и длительного общения с учеником.

Что определяет эффективность учительского слова и какую роль играет изложение учебного материала в успешном взаимодействии участников школьного дискурса? Одних учителей слушают, других нет, одних понимают, других нет. Только субъективные факторы лежат в основе оценки «искусства рассказа» или чего-то неуловимого в личности учителя, что привлекает учеников и делает процесс обучения эффективнее.

Текстовые характеристики «слова учителя»

В основе устных жанров, которые составляют основу речи учителя в школьном дискурсе, таких как рассказ, беседа, объяснение, лекция и т.д., лежит изложение как форма реализации учебного материала с определенной педагогической функцией.

«Изложение учителем учебного материала» – это предъявление учебного материала посредством слова с целью формирования у учащихся знаний, умений и убеждений [4; с. 12]. Изложение – это не только основа устных жанров школьного дискурса, но и вид взаимодействия учителя и ученика, а также передача информации и способ самореализации личности учителя, «почерк учителя» и «слово учителя».

Существуют объективные характеристики изложения: коммуникативная, информативная, управленческая. Первая характеристика изложения учебного материала – это доступность. Под «доступностью» мы понимаем рассказ учителя не по учебнику, «понятным языком». Предполагается, что изложение должно быть понятным самому слабому ученику, но одновременно интересным и мотивирующим для самого сильного. Учитель должен быть увлечен материалом и приводить примеры, которые актуальны в повседневной жизни. При этом повествование должно быть логичным и цельным. Приведем примеры такого изложения, которое, по нашему мнению, соответствует заданным требованиям. *As a rule, children enjoy social media, however, social media and cyberbullying are very linked. Here are some platforms where you can encounter a cyberbullying.*

Доступность – это такая текстовая характеристика «слова учителя», которая раскрывается не сама по себе, а по отношению к ученику: в речевой форме и языке, в терминологической вывешенности, в логичности и четкости, в наглядности, в целесообразности. *We can tell that cyberbullying is harassing, threatening, and embarrassing someone. Cyberbullying steps are more common among children.*

Многие школьники считают самым необходимым качеством хорошего изложения учебного материала управление их мыслительной деятельностью, то есть учителю необходимо заинтересовать, отвлечь от посторонних мыслей, заставить думать о предмете изложения. *Cyberbullying statistics show that 1 out of every 4 children is suffered from cyberbullying, while 1 out of 6 children know that they have been involved in such actions.*

Для успешного восприятия учебного материала должны реализовываться коммуникативная и управленческая характеристики изложения, и таким образом все ученики независимо от их желания и настроения включены в необходимую мыслительную деятельность. Коммуникативная характеристика – это наличие или отсутствие контакта с классом (внимание, дисциплина, выполнение требований). Под управленческой характеристикой понимается умение управлять классом (внимание, дисциплина, заинтересованность, понимание, ответы на вопросы)

Информативная характеристика показывает содержательную сторону учительского слова и проявляется в научности предъявляемой информации, включение дополнительных фоновых знаний, полнота охвата материала и ее связь с жизнью. *Everybody knows that positive and negative technology impacts on children, we should know Internet safety tips to learn about internet safety practices for you.*

Поведение учителя – это мимика, жесты, паузы, интонация, экспрессия. Отношение учителя к предмету – это субъективная текстовая характеристика, которая проявляется в характере ответов учителя и оценивается по наличию отношения к разному научному знанию, по характеру отступлений от программы, по ценностным аспектам.

Хотелось бы добавить еще одну характеристику – дискурсивную точность, о которой пишет В.И. Карасик [5; с. 61.] «Дискурсивная точность представляет собой функционально обусловленное соотношение содержание речи и целей коммуникативной ситуации, является градуальной категорией общения и специфична для разных его типов» [5; с. 69].

Это подтверждает мысль о том, что «язык не есть замкнутый в себе организм, ни неприкосновенный идол, он представляет собой орудие и деятельность» [6; с. 30]. Для учителя как профессио-

нального коммуникатора владение словом – необходимость, которая является визитной карточкой его профессии, несмотря на трудности социальных условий существования профессии «учитель».

Языковые характеристики «слова учителя»

Основное содержание изложение учебного материала реализуется на всех этапах урока: вступительное слово учителя, объяснение учебного материала могут быть в виде развернутых комментариев, ввода объяснений и обобщений по ходу ответа учащегося и т.д.

Приветствие учащихся, объявление темы, постановка проблемы, демонстрация актуальности выбранной проблемы, показ спорных фактов и отсутствие общего мнения на решение некоторых вопросов, рассказ о людях, о событиях, связанных с поставленными на уроках задачами, о научных проблемах – все это излагается микротекстами учителя.

При организации дальнейшего усвоения учебного материала необходимо выстроить определенную деятельность учащихся, и по ходу осуществления этой деятельности учитель произносит микротексты изложения, повторяя предыдущий материал, конкретизируя его и комментируя.

При контроле и получении обратной связи от учителя тоже используются микротексты учителя. Например, содержательный комментарий учителя и есть не что иное, как микротекст изложения учебного материала. Комментируя ответы учащихся, он разъясняет оттенки содержания, сложные его фрагменты.

Приведем примеры микротекстов изложения учителя.

Данный отрывок речи учителя содержит определение нового для учащихся понятия – инфографик. Перед тем как дать информацию об определении, учитель указывает на способ самостоятельного поиска путем инструкций для решения поставленной на уроке задачи (создание флайера или гайда путешествий для школьников).

First, you find and choose a resource that will help us to create a guide. I can offer you a programme that creates infographics. Do you know what an infographics means? (Children: No, we do not) The infographics is a graphic visual representation of information, data, knowledge intended to present information quickly and clearly.

В следующем отрывке урока для 5 класса учитель закладывает загадку-проблему, которая лежит в основе раскрытия темы урока.

I have two pictures for you, you can see two phrases: the first – to get up, the second - at 8 o'clock. Can you guess the idea or the subject what we are going to talk about?

Комментарий учителя многофункционален: оценка деятельности, активизация внимания, директива, объяснение задания. Перегруженность данного комментария осознается учителем и далее следует вопрос: *'Is it clear? Are you ready?*

Good job! We' continue to talk about our daily routine. Pay your attention to exercise 1 on page 43 in your student's books. The task is to listen and to repeat.

Перед нами изложение материала, которое содержит новые понятия: глобальный язык, англоговорящие страны, мир, география языка, которые формируют фоновые знания учащихся, но не касаются напрямую темы урока.

I agree with you, my clever ones, that English is a global language. The geography of this foreign language is very wide. There are many English-speaking countries all over the world.

Следующие примеры микротекстов изложения учебного материала взяты из урока для 10 класса, посвященного кибербуллингу. В данном изложении дается определение понятия «кибербуллинг» и формируется представление о современной реальности, где имеет место такое явление как кибербуллинг.

You know that awareness of cyberbullying is growing each day, parents and children need to know how to prevent it. In the era of Internet, we can completely deprive you of technology; however, we can introduce you to its advantages by directing them to safe practices.

Этот развернутый комментарий учителя продолжает фиксировать факт «новой реальности» и предупреждает, где можно столкнуться с проявлениями кибербуллинга. Далее следует изложение учителя, в котором уже содержится предупреждение.

There is no doubt that the children like social media. Cyberbullying on social media platforms is easier for cyberbullies and more harmful for the victims for various reasons. The most common ones are...

Логичность в изложении учебного материала – это та особенность, которой не хватает для лучшего понимания и восприятия нового учебного материала, по мнению опрашиваемых учеников. Данные развернутые доводы учителя не перегружены научными определениями, не содержат жар-

гонной или сниженной лексики, но имеют очень важную особенность: соотнесенность с действительностью и связь с опытом каждого ученика.

There are various types of cyberbullying but they all have one intention - hurting someone. Knowing the types of dangers will help you to protect yourselves from it.

Перейдем к следующему этапу урока – рассказ о последствиях атак кибербуллинга.

The effects of cyberbullying can be very harmful especially for children and teenagers. Cyberbullying causes significant emotional and psychological distress. Children who have deal with such actions can experience anxiety, fear, depression, low self-esteem.

Конечно, заявить о последствиях – это шаг, который вызывает разные эмоции у детей и по-разному откликнется в сердцах. Но, продолжая мысль, предложить детям создать свои пути решения и преодоления этих последствий – отличный итог урока. Рекомендации по предотвращению и защите от атак кибербуллинга были сформулированы повелительными предложениями:

Don't share your password or account!

Comment with care!

Talk to your parents about what you do online!

Block the bullying!

Crush cruel content!

Don't open messages from someone you don't know!

Never meet anyone face-to face whom you only know online!

Данные рекомендации, созданные детьми, были опубликованы на сайте гимназии и имели большой отклик. Так интернет-пространство стало доступно и безопасно для учащихся.

Это заключение, которым подводится итог данного урока. Ребенок и его представление о «детстве» представляется важным в контексте реальной действительности.

The effects of cyberbullying can be very harmful especially for children and teenagers. Cyberbullying causes significant emotional and psychological distress. Children who have deal with such actions can experience anxiety, fear, depression, low self-esteem.

С одной стороны, мы четко прослеживаем «социализацию», указывая на необходимость учета и обсуждения самого ребенка в процессе своего развития. Но с другой стороны, это направление исследований возвращает нас к понятию «благополучие» ребенка в процессе обучения. Такие понятия как «благополучие» и «комфорт» обсуждаются, измеряются и постепенно обособливаются в самостоятельные категории, они все меньше связываются с академическими достижениями школ, приобретая статус самостоятельной характеристики качества образовательной среды.

Школьный дискурс характеризуется специфичностью реализации через субъектов коммуникации. Учитель, слово которого в основном передает учебный материал через изложение, включает в себя наибольшее количество речевых жанров и форм, используемых на уроке и позволяет достичь главной коммуникативной цели – эффективности взаимодействия.

Современные тенденции развития лингвистической науки, ставящие во главу антропоцентризм, позволяют рассмотреть учителя как языковую личность с ее особыми текстовыми и языковыми характеристиками.

Для выявления текстовых характеристик берется в общем коммуникативное поведение учителя как участника дискурсивно-речевого коллектива, а в частности, вербальный ряд. Данный ряд содержит такие микротексты, как форма изложения учителем учебного материала, персонифицированный вектор: «личный почерк учителя», индивидуальную тональность, интонацию, манеру поведения и отношение к предмету.

Среди текстовых характеристик «слова учителя» следует выделить коммуникативную, информативную, управленческую, а также поведение учителя и отношение к предмету. Одной из важнейших текстовых характеристик является доступность изложения, которая заключается в терминологической выявленности, логичности, целостности, наглядности, целесообразности и дискурсивной точности.

Наличие в «слове учителя» противоположной характеристики – дискурсивной неточности, описанной В.И. Карасиком, приводит к затруднению понимания учебного материала и даже к абсурду коммуникации.

Основная форма подачи учебного материала в виде микротекстов «слова учителя» характеризуется также разнообразием, которое привносит дополнительные смыслы и функции в содержание.

Например, объяснение учебного материала может быть и в виде развернутых комментариев, и в виде ввода объяснений, обобщений по ходу урока, а также может содержать оценки деятельности, активизации внимания, директив.

Данное исследование продолжает углублять и конкретизировать понятие школьного дискурса. Приведенные примеры использования языка ориентированы на достижение взаимопонимания между участниками общения. Индивидуальный вектор изложения характеризует и доказывает статусно-ролевые отношения в рамках школьного дискурса.

Библиографический список

1. Богуцкая И.Н. Лингвистическая сущность классного (аудиторного) образовательного дискурса // ВЮГУ. Вып. 1 (12). 2009. С.45-49.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
3. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта: Наука, 2016. 224 с.
4. Зорина Л.Я. Слово учителя в учебном процессе. М.: Знание, 1984. 80 с.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
6. Зубарева Н.С. Коммуникативные навыки как основа оптимального педагогического общения // Теория и практика развивающего обучения: Сб. статей. Вып.12. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2001. С.28-32.

References

1. Bogutskaya I.N. Linguistic essence of classroom educational discourse // VSSU. Iss. 1 (12). 2009. P.45-49.
2. Karaulov Y.N. Russian language and language personality. M.: LKE, 2010. 264 p.
3. Prohorov Y.E. Reality. Text. Discourse. M.: Flinta: Science, 2016. 224 p.
4. Zorina L.Y. The word of the teacher in the learning process. M.: Znanie, 1984. 80 p.
5. Karasik V.I. Language Circle: Personality, Concept, Discourse. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p.
6. Zubareva N.S. Communication skills as the basis of optimal pedagogical communication // Developing learning theory and practice. Iss.12. Chelyabinsk. 2001. P. 28-32.

УДК: 82

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.86.58.005

*Санкт-Петербургский государственный
медицинский университет им. И.И. Мечникова
канд. филол. наук, доцент кафедры русского
языка
Белова А.В.
Россия, Санкт-Петербург,
Тел. +79119447714,
e-mail: ioanna.ventura@gmail.com*

*St. Petersburg State
Medical University named after I.I. Mechnikov
candidate of Philology, assistant professor of Rus-
sian language
Belova A.V.,
Russia, Saint-Petersburg,
Tel. +79119447714,
e-mail: ioanna.ventura@gmail.com*

А.В. Белова

ПРИРОДА ПСЕВДОНИМОВ АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА ЧЕХОВА

Статья посвящена описанию многочисленных псевдонимов, которыми подписывал свои произведения Александр Павлович Чехов, писатель, публицист и автор мемуаров об А.П. Чехове, старший брат Антона Павловича Чехова. Всего насчитывается около 30 подписей, которые использовал Ал.П. Чехов. Одной из причин такого количества «имен» можно, без сомнения, считать желание чаще и больше публиковаться, главной же — затруднение писать и печатать свои произведения, имея известного брата-писателя с такой же фамилией. В статье исследуется природа некоторых из его псевдонимов, а также вновь поднимается вопрос о псевдониме «А. Богемский», долгое время приписываемый поочередно братьям Чеховым: Михаилу, Антону и Александру. Именно так была подписана повесть «Полтора верста», споры об авторстве которой посчитали законченными в связи с найденными артефактами, но автор данной статьи задается несколькими вопросами, ставя под сомнение доказанность авторства Михаила Павловича Чехова упомянутой выше повести, приводя доводы, к которым призывает прислушаться и порассуждать. Для исследования мотивов возникновения псевдонимов Александра Павловича Чехова в данной статье используются материалы писем Ал.П. Чехова к его брату Антону Павловичу с 1875-1904 гг., словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей Масанова И.Ф., статьи современных чеховедов, а также воспоминания родных семьи Чеховых: его племянницы Е.М. Чеховой, его племянника С.М. Чехова.

Ключевые слова: Александр Чехов, псевдоним, писатель.

A.V. Belova

THE NATURE OF ALEXANDER PAVLOVICH CHEKHOV'S PSEUDONYMS

The article is devoted to the description of numerous pseudonyms with which Alexander Pavlovich Chekhov, writer, publicist and author of memoirs about A.P. Chekhov signed his works. Chekhov, older brother of Anton Pavlovich Chekhov. In total, there are about 30 signatures used by Al.P. Chekhov. One of the reasons for such a number of “names” can, no doubt, be considered the desire to publish more often and more, but the main one is the difficulty in writing and publishing one's works, having a famous writer brother with the same surname. The article reveals the nature of some of his pseudonyms, and also raises the issue of the pseudonyms “A. Bohemian”, for a long time attributed in turn to the Chekhov brothers: Mikhail, Anton and Alexander. The author of this article claimed multiple violations, placing suspicion on the authorship of Mikhail Pavlovich Chekhov, mentioning the stories above, arguing, to the subjects covered by listening and reason. To study the motives for the emergence of pseudonyms of Alexander Pavlovich Chekhov, this article uses materials from the letters of Al.P. Chekhov to his brother Anton Pavlovich from 1875-1904, a dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and scientific figures Masanova I.F., articles by modern Chekhov scholars, as well as memoirs of the Chekhov family: his niece E.M. Chekhova, his nephew S.M. Chekhov.

Key words: Alexander Chekhov, pseudonym, writer.

«Когда живешь буквально от того, что напишешь, то приходится себя размножать. Так поступал А.С. Пушкин, так поступал и А.П. Чехов» [1].

Так поступал и Александр Павлович Чехов, думается, поскольку необходимо было содержать многочисленную семью. Вот список известных его инициалов и псевдонимов, которыми он подписывал свои произведения:

- А.Ч. («Развлечение» 1884 № 46)
- А-Ч-ъ («Москва» 1882 № 5)
- Ал.Ч. («Будильник» 1884-86, «Новое время» 1887-88, «Петербургская газета» 1895, Ежегодник театров)
- Ал.Ч. (Седой) («Петербургская газета» 1910)
- Единицын Агафопод («Будильник» до 1887)
- А.Е. («Будильник» 1884, «Развлечение» 1884, «Осколки» 1880-е)
- Един.Агаф. («Будильник» 1880-89, «Зритель» 1881, «Мирской толк» 1882, «Волна», «Развлечение» 1880-е)
- Ед.Аг. («Будильник» 1880-89, «Зритель» 1881, «Мирской толк» 1882, «Волна», «Развлечение» 1880-е)
- Ед.А. («Будильник» 1880-89, «Зритель» 1881, «Мирской толк» 1882, «Волна», «Развлечение» 1880-е)
- Аг.Е. («Будильник» 1885)
- Единицын А. («Будильник» 1880-89, «Зритель» 1881, «Мирской толк» 1882, «Волна», «Развлечение» 1880-е)
- Алоэ («Осколки» 1885-86)
- А-э («Осколки» 1886)
- Люксамбург («Будильник», «Осколки»)
- Аганицын Едипофод («Будильник» 1885 № 23)
- Гусев («Бюллетень Литературы и жизни» 1912 № 9)
- Пан Халевский («Русский сатирический листок» 1888)
- Хал. П. («Русский сатирический листок» 1888)
- Ч. («Новое время» 1890-91)
- Ч-в А. («Исторический вестник» 1894 № 3)
- Ч-ъ А. («Москва» 1882 № 5)
- Чехов-Седой А. («Москва 1890-1900)
- Чехов-Седой Ал. («Москва 1890-1900)
- Петербургжец («Новости дня» 1887)
- Седой А. («Всемирная иллюстрация», «Новороссийский телеграф» 1880-е, «Новое время 1880-1900)
- Седой («Всемирная иллюстрация», «Новое время 1880-1900, «Исторический вестник» 1890-1900, «Отдых» 1900-е, «Птицы бездомные. Спиритический сеанс. Водяной дед» СПб, 1895)
- Седов А. («Новое время» 1886-1900)
- С-ой А. («Вестник Европы» 1907 № 4,10; 1908 № 11)
- Свой («Сын Отечества» 1889-90)

«Любопытно, что, например, работая в газете «Новое время», Александр Павлович использует несколько своих псевдонимов одновременно. Так, подпись «Ч». или «А.Ч». будет скорее всего под новостным материалом, репортерской заметкой, а «А. Седой» или «Ал.Чехов» используется им чаще при написании беллетристического произведения или пьесы, возможно, это было сделано вследствие совета брата Антона Павловича («Для пьес я рекомендовал бы тебе избрать псевдоним: Хрущов, Серебряков, что-нибудь вроде. Удобнее для тебя, и в провинции со мной путать не будут, да и, кстати, избежишь сравнения со мной, которое мне донельзя противно» [2, 577].

Псевдоним «Люксамбург» (рассказ «Фейерверк») долго не раскрывался Ал.П. Чеховым, узнать о нем помогли его дневниковые записи [3, 6].

Братья Чеховы «стартовали одновременно весной 1880 года: Антон — «Письмом к ученому соседу» в питерской «Стрекозе», Александр — квази-поэмой «Карл и Эмилия» в московском «Будильнике». Оба дебютанта в широко распространенном тогда жанре пародии высмеивали пошлость и глупость своих героев. Антон подписался — «...в», Александр — «А. Ч-х-в». Псевдоним «Агафопод Единицын» появился под последующими «будильничными» рассказами Александра Чехова — «Полотенце» и «Дилемма», напечатанными в конце восьмидесятого года. В том же «Будильнике» в трех весенних номерах 1881-го было опубликовано первое большое произведение Ал. Чехова — «Сомнам-

була». Этот «эротический» триллер, созданный им в период бурного романа со скандально известной Анной Хрущовой-Сокольниковой, автор подписал полной фамилией — А. Чехов» [3, 5].

Откуда брались псевдонимы? Например, о псевдониме «Гусев» так пишет в своей статье А.В. Кубасов: «Первое обращение Антона к Александру как к «Гусеву» встречается в письмах, датированных 30 и 31 января 1887 года. Такое обращение мотивировано тем, что Александр, будучи посредником между братом и петербургскими изданиями, видимо, иногда не совсем порядочно вёл себя в финансовой сфере» [4, 94]. Александр Павлович принимает это обращение не сразу: «Письма старшего брата, адресованные Антону, до сентября 1887 года обычно завершались нейтральной подписью — «А. Чехов» или «Твой А. Чехов». То, что Александр более полугода не поддерживал ироническое обращение к себе как к «Гусеву», косвенно свидетельствует о том, что он всё же признавал свою вину перед братом. Письмо от 1 октября 1887 года начинается ироническим обращением к брату — «Гейним» и впервые заканчивается подписью — «Тuus Гусев» [4, 95].

Здесь необходима поправка: подписываться «Гусевым» Александр Павлович начинает практически сразу вслед за обращением Антона Павловича (письмо от 2 февраля 1887 года) [5, 430]. Каких только вариаций этой фамилии мы не найдем позже в письмах братьев Чеховых: от «Твой Гусев» [5, 479], «Милый Гусопуло!» [5, 504], «Гусиادی!» [5, 506] до «Тuus Гусятниковых» [5, 707], «Мартын Гусев» [5, 739], «Твой Гусев-профан» [5, 721], «Господин Гусев» [5, 725] и «Твой Благогусев» [5, 737], «Твой Гусиных» [5, 758], «Г. Гусиных», «Твой брат предыдущего Гусев» [5, 826] и «Старик Гусев» [5, 832].

Возникновение псевдонима А. Седой возникло, думается, по причине ранней седины Александра Павловича. Вот как вспоминает о своем впечатлении от этой подписи его племянница, дочь Михаила Павловича, Е.М. Чехова: «Помню, как удивилась я однажды, прочитав подпись «А. Седой». — Папа, а почему тут подпись «А. Седой». Ведь дядя Саша — Чехов? — на что отец резонно ответил: — Ты же видишь, что дядя Саша седой. Вот он и подписывается: «А. Седой». В письмах ноября 1895-го года, января 1900-го года встречаем и обращение к старшему брату: «Господин А. Седой!» [5, 706], «Седой братец!» [5, 827]: «Чехов в этом обращении иронизирует не над внешностью брата, а обыгрывает литературный псевдоним» [6, 222]. По поводу данного псевдонима Антон Павлович дал следующую рекомендацию старшему брату: «Всякого рода компиляции и исторического характера статьи следует подписывать своей настоящей фамилией, а А. Седого оставить только для беллетристики. Таково мое мнение» [2, 706]).

Псевдоним «Агафопод Единичын», как и «Аганицын Едипофод» был придуман, скорее всего, Александром Павловичем в языковой игре, чем грешили оба брата Чеховы в своих письмах, вот, например, обращения к Антону Павловичу: «Злочестивый брат мой Агафанафанафаангел!» [5, 448], «Капитон Панфилович!» [5, 731] или «Авилемех! Брат Агафопода!» [5, 527].

В данном контексте нельзя не упомянуть о длительных спорах в отношении псевдонима «А. Богемский», который очень созвучен с псевдонимом Михаила Павловича Чехова «М. Богемский». Именно из-за этой литеры «А» и разгорелись споры, перу какого из братьев Чеховых принадлежала повесть «Полтора́ста верст»? Э.Д. Орлов так описывает создавшуюся полемику: «На страницах «Чеховского вестника» была опубликована рецензия В. Б. Катаева, убедительно развенчавшего стремление составителя приписать опубликованный текст А. П. Чехову, но допустившего, что автором этого текста, если он почему-то вдруг не принадлежит М. П. Чехову, «может быть старший брат писателя, Александр Павлович Чехов». Это предположение породило, увы, не стремление исследователей установить истину, обратившись к публикациям прежних лет, к биографическим сведениям, а лишь околотекстологические рассуждения, никоим образом не способствующие разрешению вопроса» [7, 123]. Как нам кажется, сложно назвать околотекстологическими исследованиями подробный текстовый сравнительный анализ, проведенный в некоторых работах [2]. В статье Э.Д. Орлова читаем: «Среди массы свидетельств, приведённых С. М. Чеховым об отце в книге «О семье Чеховых», встретилось и такое: «В августе 1889 года журнал «Родник» опубликовал рассказ Михаила Павловича «Полтора́ста вёрст». На первой странице Михаил Павлович написал: «Антону Павловичу Чехову от автора» и подарил вырезку брату. Она хранится в Гос. музее-заповеднике А. П. Чехова в Мелихове. Рассказ подписан псевдонимом «Богемский». При том, что нам известны случаи мифотворчества со стороны членов чеховской семьи, ставших дарителями колоссального количества предметов, позволяющих проиллюстрировать не только творческий процесс, но и писательский быт, здесь никаких сомнений быть не может. Сам предмет позволяет их развенчать. В 1958 году среди прочих

вещей С. М. Чехов передал оттиск этого рассказа в фонды Музея-заповедника А. П. Чехова «Мелихово», где он поныне и хранится. Дарственная надпись М. П. Чехова «Антону Павловичу Чехову от автора. 5го сент. 89 г.» прекрасно читается. Музейный предмет таким образом может наконец поставить точку в этом затянувшемся и бессмысленном споре» [7, 124].

Ну, что ж, казалось бы и можно закончить этот спор, однако возникает еще ряд вопросов по поводу данного артефакта. Во-первых, было бы логичным приложить к статье фотографию оттиска с надписью М.П. Чехова. Или хотя бы дать ссылку, по которой можно было бы ее найти (ГЛММЗ А. П. Чехова «Мелихово», книжный фонд, мч/оф 1796; а так же расписка о присылке М.П. Чехову гонорара за этот рассказ). Во-вторых, повесть рассказывает о путешествии героя Паши к бабушке и дедушке, как отражение реальной поездки братьев Чеховых Александра и Антона, в которой Михаил Павлович участвовать реально никак не мог, что отражено в биографической прозе Александра Павловича «В гостях у бабушки и дедушки» с реальными героями Сашей и Антошей (А. Седой. В гостях у бабушки и дедушки. — СПб., 1912), а также в повести Антона Павловича «Степь. История одной поездки», которую Александр Павлович также называл биографической (опубликована в журнале «Северный вестник», 1888, № 3, стр. 75—167) с главным героем Егорушкой. Значит, Михаил Павлович слышал эту историю из уст братьев. Вероятно, не раз. Что не является достаточным для воспроизведения многочисленных деталей и атмосферы поездки двух братьев по степи, которыми изобилуют все три вышеназванных текста. В-третьих, не будем забывать и о присущем Александру Павловичу некотором подражательстве брату Антону, что подтверждают следующие строки о рассказе Ал.П. Чехова (Агафопода) «Поправил дело» в письме Н.А. Лейкина к А.П. Чехову в мае 1885 года: «Причина возврата следующая: брат Ваш подражает в своем рассказе Вам и трактует о том же, о чем Вы уже успели касаться в Вашем рассказе «Альбом». Фабула почти одна и та же» [3, 9]. Не единожды редактор журнала «Осколков будет подозревать Александра Чехова в плагиате. И может быть это является косвенным аргументом в пользу возможного авторства повести Ал.П. Чехова - А. Богемского? Подражательство в сюжете, подражательство в псевдониме. Зная характер отношений братьев в семье Чеховых, действительно, возможны были любые шуточные провокации. Но странно, как нам кажется, то, что спустя год после выхода блестящей повести Антона Павловича его братом Михаилом Павловичем публикуется повесть на ту же тему, скорее это было характерно для Александра Павловича.

И, наконец, в-четвертых, несмотря на заявленные артефакты, остается еще один вопрос: почему инициалы автора не совпадают с псевдонимом Михаила Павловича «М. Богемский»? Недаром так смутила литер «А» нескольких исследователей-чеховедов, среди которых уважаемые и авторитетные имена. Если это опечатка, разве о ней не должны были уведомить читателя издатели журнала?

В комментариях к воспоминаниям Александра Павловича о брате Антоне Чехове в альманахе «Александр и Антон Чеховы. Воспоминания. Переписка» есть цитата из книги И.Е. Гитович «Биография Чехова — вчера и завтра», в которой говорится, что книга Михаила Чехова «Вокруг Чехова. Встречи и впечатления» «на многие десятилетия стала едва ли не главным биографическим источником. Младшему Чехову мы обязаны как подлинным знанием, так и мифами. Мифы эти были к тому же закреплены его сыном С.М. Чеховым, сознательно фальсифицировавшим некоторые факты, с чем чеховедам еще придется разбираться» [5, 855].

Разумеется, нельзя отрицать тот факт, что, возможно, найдено реальное подтверждение авторства Михаила Павловича Чехова повести «Полтора верста». Но возникшие вопросы пока остаются без ответа.

Говоря о природе возникновения псевдонима, интересно обратиться к статье А. Иванова, в которой он приводит шесть групп-мотивов для приобретения писателем вымышленного имени: «У писателей XIX — начала XX вв. имелось немало причин и резонов скрываться за вымышленными именами. Самые типичные причины и явные мотивы можно условно разделить на шесть групп: статусно-ролевые, цензурно-политические, логико-прагматические, креативно-игровые, креативно-эстетические и ментально-психологические» [8]. В случае с Александром Чеховым можно говорить о логико-прагматических причинах, поскольку, имея брата-писателя с фамилией Чехов, невозможно было печататься без проблем и недоразумений, не взяв псевдонима. Безусловно, и креативно-игровую основу нельзя отбрасывать, так как большинство псевдонимов Ал.П. Чехова носят именно шуточный характер и демонстрируют языковую игру: Единицын Агафопод, Аганицын Едипофод, Гусев, Пан Халаявский, Алоэ и др.

Исследование мотивов возникновения псевдонимов Александра Павловича Чехова только начато, и впереди, полагаем, еще разгадки и находки, которые ждут своего часа.

Библиографический список

1. Ковалев Г.Ф. О псевдонимах отечественных писателей // Лингвистика и межкультурная коммуникация: Воронеж, Воронежский государственный технический университет. Вып. №15. 2014. С.12.
2. Белова А. В. Кто скрывался под псевдонимом А. Богемский? Ещё раз об очерке «Полтора вёрста» // Молодые исследователи Чехова. М., 2001. Вып. 4. С. 393.
3. Сержевская Л. Агафопод Единицын и Антоша Чехонте. Москва: Ridero, 2020. 460 с.
4. Кубасов А.В. Биографический и литературный контекст рассказа А.П. Чехова «Гусев» // Культура и текст. Екатеринбург: УГПУ, 2022. № 2 (49). С. 92-102.
5. Александр и Антон Чеховы. Воспоминания. Переписка // Под ред И.Н. Сухих. Сост., подг. текста и коммент. Е.М. Гушанской, И.С. Кузьмичева. М.: «Захаров», 2012. 960 с.
6. Кыштымова Т. В. Ономастическая игра в письмах А. П. Чехова к брату (на примере обращений и самопрезентаций) / Т. Кыштымова // Известия УрГУ. 2008. № 60. С. 221–225.
7. Орлов Э.Д. Ещё раз (последний) об очерке А. Богемского «Полтора вёрста» и его атрибуции // Чеховский вестник / Ред. кол.: В. Б. Катаев и др. М.: Изд-во «Литературный музей», 2021. Вып. 41. С. 123-124.
8. Иванов А. Псевдоним как писательская стратегия [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://ivanprodaction.ru/literoturovedenie> (дата обращения 10.03.2023).
9. Вокруг Чехова. Сост. Е.М. Сахарова. М.: Правда, 1990. 671 с.
10. Белова А.В. Александр Чехов. Брат знаменитого писателя. Казань : Бук, 2022. С. 60.
11. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Москва: Издательство всесоюзной книжной палаты, 1956.
12. Чехов М.А. Дневник Ал.П. Чехова. Ф 2316 оп.2, ед.хр. 35. Москва, РГАЛИ.
13. Чехов М.А. Литературное наследие. В 2-х т. М.: Искусство, 1995. Т.1. 542 с.
14. Чехов С.М. О семье Чеховых. Ярославль: Верхне-Волжское книжн. Изд-во, 1970. С. 14.

References

1. Kovalev G.F. About pseudonyms of domestic writers // Linguistics and intercultural communication: Voronezh, Voronezh State Technical University. Issue. No. 15. 2014. P.12.
2. Belova A.V. Who was hiding under the pseudonym A. Bogemsky? More once about the essay “One and a half hundred miles” // Young researchers of Chekhov. M., 2001. Issue. 4. P. 393.
3. Serzhevskaya L. Agafopod Unitsyn and Antosha Chekhonte. Moscow: Ridero, 2020. 460 p.
4. Kubasov A.V. Biographical and literary context of the story by A.P. Chekhov “Gusev” // Culture and text. Ekaterinburg: UGPU, 2022. No. 2 (49). P. 92-102.
5. Alexander and Anton Chekhov. Memories. Correspondence // Edited by I.N. Dry. Comp., preparation of text and commentary. EAT. Gushanskaya, I.S. Kuzmicheva. M.: “Zakharov”, 2012. 960 p.
6. Kyshtymova T.V. Onomastic play in A.P. Chekhov’s letters to his brother (on the example of addresses and self-presentations) / T. Kyshtymova // News of Ural State University 2008. No. 60. P. 221–225.
7. Orlov E.D. Once again (last) about the essay A. Bogemsky “One and a half hundred miles” and his attributions // Chekhov Bulletin / Ed. Col.: V. B. Kataev and others. M.: Publishing house "Literary Museum", 2021. Issue. 41. Pp. 123-124.
8. Ivanov A. Pseudonym as a writing strategy [Electronic resource] Access mode: URL: <https://ivanprodaction.ru/literoturovedenie> (access date 03/10/2023).
9. Around Chekhov. Comp. EAT. Sakharov. M.: Pravda, 1990. 671 p.
10. Belova A.V. Alexander Chekhov. Brother of the famous writer. Kazan: Buk, 2022. P. 60.
11. Masanov I.F. Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures. Moscow: Publishing House of the All-Union Book Chamber, 1956.
12. Chekhov M.A. Diary of Al.P. Chekhov. F 2316 op.2, storage unit. 35. Moscow, RGALI.
13. Chekhov M.A. Literary heritage. In 2 volumes. M.: Art, 1995. T.1. 542 p.
14. Chekhov S.M. About the Chekhov family. Yaroslavl: Verkhne-Volzhskoe Book. Publishing house, 1970. P. 14.

УДК 81'373.611

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.23.26.006

*Московский международный университет
Старший преподаватель кафедры лингвистики
и международной коммуникации*

Северова Н.В.

Россия, Москва, тел. +79096458476

e-mail: natalyseverova1986@mail.ru

Донецкий государственный университет

Зав. кафедрой русского языка

Доктор филологических наук, профессор

Теркулов В.И.

Россия, Донецк, тел. +79819874903

e-mail: terkulov@rambler.ru

Moscow International University

Senior Lecturer, Department of Linguistics and International Communication

Severova N.V.

Russia, Moscow, tel. +79096458476

e-mail: natalyseverova1986@mail.ru

Donetsk State University

Head of the Department of Russian Language

Doctor of Philology, full Professor

Terkulov V.I.

Russia, Donetsk, tel. +79819874903

e-mail: terkulov@rambler.ru

Н.В. Северова, В.И. Теркулов

ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА ГИБРИДНОГО ТИПА В ЭКВИВАЛЕНТНОСТНОЙ ТРАКТОВКЕ

Статья посвящена определению путей описания заимствованных слов, интерпретирующихся носителями русского языка в эквивалентных текстах двояко: как универбализованные композиты, включающие в свой состав конструктор, равный основе слова эквивалентного словосочетания, и как сложносокращённые аппеллятивы – нарицательные лексемы, включающие в свой состав неинициальный аббреконтрукт, то есть конструктор, равный части слова эквивалентного словосочетания. В работе обосновывается отличие в рамках аббревиации сложносокращённых аппеллятивов от инициальных аббревиатур и сложносокращённых онимов. На основе констатации различия между синхронным и диахронным подходами к описанию аббревиатур, композитов и гибридных единиц устанавливается различие между диахронными аббревиатурами и композитами, возникшими реально в результате универбализации словосочетаний, и синхронными аббревиатурами, композитами и гибридными единицами, которые трактуются носителями языка как таковые путём разнонаправленной псевдоунивербализации, то есть вторичного развёртывания эквивалентных словосочетаний. Авторы приходят к выводу о том, что интерпретируемые двояко заимствованные слова могут выступать только в качестве синхронных гибридных образований. Определяются базовые параметры описания единиц данного типа, к которым относятся этимологизация, предполагающая определение слова или словосочетания, выступающего в качестве источника заимствования, составление списка синхронных эквивалентов слова, хронологизация первых употреблений как слова, так и эквивалентных словосочетаний, установление баланса индексов употребления слова и его эквивалентов, а также описание моделей псевдоунивербализационного развёртывания слова и ономастической структуры его трактовок в эквивалентах. Полученные данные используются как информационная база при формировании словарных статей Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка, составляемого в Донецком государственном университете.

Ключевые слова: псевдоунивербализация, гибридные слова, заимствования, аббревиатуры, композиты, универбализация.

N.V. Severova, V.I. Terkulov

BORROWED WORDS OF THE HYBRID TYPE IN THE EQUIVALENCE INTERPRETATION

The article is devoted to the definition of ways to describe borrowed words interpreted by Russian speakers in equivalent texts in two ways: as univerbализованные composites that include a construct equal to the stem of the word of the equivalent phrase, and as complex abbreviated appellatives - common lexemes that include a non-initial abbroconstruct, that is a construct equal to the word part of an equivalent phrase. The paper substantiates the difference within the framework of abbreviation of compound abbreviated appellatives from initial abbreviations and compound abbreviated onyms. Based on the statement of the difference between synchronous and diachronic approaches to the description of abbreviations, composites and hybrid units, a difference is established between diachronic abbreviations and composites that actually arose as a result of the univerbализация of phrases, and synchronous abbreviations, composites and hybrid

units, which are interpreted by native speakers as such by means of multidirectional pseudo-universalization, that is, the secondary expansion of equivalent phrases. The authors come to the conclusion that the interpreted doubly borrowed words can only act as synchronous hybrid formations. The basic parameters of the description of units of this type are determined, which include etymologization, which involves the definition of a word or phrase that acts as a source of borrowing, the definition of a list of synchronous equivalents of a word, the chronologization of the first uses of both a word and equivalent phrases, the establishment of a balance of indexes of the use of a word and its equivalents, as well as a description of the models of the pseudo-universalization deployment of the word and the onomasiological structure of its interpretation in equivalents. The data obtained are used as an information base in compiling dictionary entries of the Explanatory Dictionary of Compound Abbreviated Words of the Russian Language, compiled at Donetsk State University.

Key words: pseudo-universalization, hybrid words, borrowings, abbreviations, composites, universalization.

Цель статьи состоит в определении направлений исследования заимствованных композитов / сложносокращённых апеллятивов гибридного типа путём их синхронной эквивалентностной трактовки. Объектом рассмотрения, таким образом, в статье являются заимствованные слова, содержащие конструкт, который может интерпретироваться на актуальном срезе русского языка как гибридный (мутантный), то есть как «конструкт сложного слова, который совмещает в себе свойства и **аббреконтрукта** (сокращённого эквивалента какого-либо слова – Н.С.) <...>, и **комполитного конструкта** (равного основе эквивалентного слова – Н.С.) <...>, синхронно эквивалентен нескольким словосочетаниям, построенным по разным моделям, а в соединении с базисным компонентом формирует слово, которое может трактоваться и как сложносокращённое, и как композитное» [1, с. 38]. Например, в слове *веган-кафе* (< англ. *vegan cafe*) конструкт *веган* равен основе слова *веган* «радикальный вегетарианец, который исключает из рациона все продукты, связанные с живыми существами» (вернее основе слова, равной словоформе в именительном падеже): *Чем прежде всего отличается **веган** от вегетарианца, так это бескомпромиссным отрицанием всего животного на своей тарелке* [2]. В эквивалентных текстах лексема *веган-кафе* может интерпретироваться:

- как **комполит**, в котором конструкт *веган*- дешифруется в эквивалентных словосочетаниях при помощи словоформы для веганов слова *веган* (= основе), то есть выступает в качестве композитного конструкта, например *Лучшее **веган-кафе** Москвы! – Искала в интернете **кафе** для **веганов** и нашла Зеленого лиса* [3];

- как **аббревиатура**, в которой конструкт *веган*- дешифруется в эквивалентных словосочетаниях при помощи прилагательного *веганский* как часть его основы, то есть выступает в качестве аббреконтрукта, например: *Как вы решились открыть **веганское кафе**? – Изначального плана или мечты открыть **веган-кафе** не было, а было поступательное развитие и движение в этом направлении* [4].

Следует сказать, что несмотря на наличие исследований, с одной стороны, посвящённых описанию заимствованных аббревиатур (см., например, работы Л.А. Барановой [5], А.П. Кононенко [6], М.И. Тибилевой [7] и др.), а с другой, – рассматривающих особенности гибридной (мутантной) аббревиации (работы В.А. Рязановой [8], Е.Н. Михайловой [9] и др.), работ, в которых бы изучались заимствованные слова, получившие в русском языке гибридную аббревиатурно-комполитную трактовку, ещё не было.

Важным теоретическим положением для нашего исследования является предложенная в работах представителей Донецкой дериватологической школы идея разграничения инициальных аббревиатур, сложносокращённых апеллятивов и сложносокращённых онимов как аббревиатур, имеющих фундаментальные различия как в особенностях образования, так и в особенностях функционирования на актуальном срезе языка, а значит, различающихся и в принципах описания, что важно для создаваемого сейчас Экспериментальной лабораторией исследования тенденций аббревиации при кафедре русского языка Донецкого государственного университета Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка (см., например, [10]).

Все типы аббревиатур создаются путём универбализации, то есть «замены расчленённого наименования <...> однословным наименованием» [11, с. 138]. В основе универбализации лежит идиоматизация словосочетания, получающего цельную, не выводимую из значений компонентов семантику, в результате чего возникает ситуация асимметричного дуализма, когда цельное словное значение связывается с многокомпонентным сочетанием слов. Это и является стимулом для замещения такого словосочетания словом. Например, словосочетание *автомобильное кресло* обозначает не просто кресло, находящееся в автомобиле, а «**съёмное кресло в автомобиле, предназначенное для пере-**

возки детей». Как видим, семантика словосочетания в данном случае не выводима из значений составляющих его лексем, что и провоцирует преобразование его в слово *автокресло*.

Сложносокращённые апеллятивы определяются как «нарицательные лексемы, связанные мотивационными отношениями со словосочетаниями и включающие в свой состав эквиваленты не менее двух слов этих словосочетаний, как минимум один из которых является неинициальным абброконструктом» [11, с. 104]. Под абброконструктом при этом понимается «сокращённый неинициальный, то есть включающий в свой состав как минимум две фонемы, компонент сложносокращённого слова, выступающий в качестве эквивалента какой-либо лексемы мотивационно связанного с данным словом словосочетания» [12, с. 29], например абброконструкт *гипно-* в слове *гипномедитация* «самогипноз с элементами медитации», эквивалентный слову гипнотическая словосочетания *гипнотическая медитация: Расслабляющая гипномедитация, помогающая снять спазмы с внутренних органов – Гипнотическая медитация, снимающая стресс и ускоряющая процесс засыпания до 5 минут* [13]. При образовании сложносокращённых апеллятивов происходит замещение абброконструктом его словесного дублета.

Такой же путь образования отмечается и для универбализационных композитов. Например, словосочетание *снабжение водой* трансформируется в *водоснабжение* путём перестановки компонентов, сохранения основы слова *вода* и использования интерфикса. Главное заключается в том, что слово и словосочетание выступают в качестве мотивационно связанных абсолютных синонимов, например: *Снабжение водой осуществляется с помощью систем водоснабжения* [14]. Элемент *водо-* выступает в качестве композитного конструкта. При образовании сложносокращённых апеллятивов происходит замещение абброконструктом его словесного дублета.

Следует сказать о том, что для сложносокращённых апеллятивов и композитов данного типа важным является разграничение двух подходов трактовки аббревиатур: диахронного и синхронного.

При **диахронной** трактовке аббревиатурой или композитом может считаться только слово, возникшее в результате универбализации словосочетания, то есть свёртывания его в слово. Так, например, диахронной аббревиатурой является слово *графоанализ*, возникшее в результате универбализации словосочетания *графический анализ*. Однако вопреки традиционному мнению о том, что единицы, которые сейчас воспринимаются носителями языка как аббревиатуры или композиты, что подтверждается развёртыванием их в текстах в словосочетания, по происхождению являются словесными интерпретациями этих словосочетаний, многие из них возникли иным путём: «вследствие либо прямого присоединения абброконструкта к производящему слову, либо аббревиатурного калькирования иноязычного слова, либо сохранения абброконструкта в сложнопроизводном слове» [14, с. 79]. При этом они являются структурно идентичными «нормативным» сложносокращённым словам или композитам, то есть имеют в своём составе абброконструкт или композитный конструкт и обнаруживают мотивационно связанные с ними синтаксические конструкции. Восприятие их как аббревиатур обусловлено действием процесса псевдоунивербализации, то есть развёртывания вторичного словосочетания на базе слова, содержащего абброконструкт или композитный (подробнее о псевдоунивербализации см.: [15]). Например, слово *дисконт-карта* «документ, дающий возможность получения потребителем скидки в торговых точках» не имеет производящего словосочетания в русском языке, а является полукалькой англ. словосочетания *discount card*, получившего в русском языке статус слова в силу неадекватной оформленности его первого компонента. При этом само собой разумеется, что в основе словообразования здесь лежит не процесс универбализации исходного словосочетания, а калькирование. Существование в русском языке заимствованного ранее самостоятельного слова *дисконт* «скидка, вычет, разница» стимулирует дешифровку данной лексемы как универбализационного композита при помощи словосочетания *карта дисконта* (композитная трактовка обусловлена тем, что компонент *дисконт-* равен основе слова *дисконт*). С другой стороны, то, что от существительного *дисконт* в русском языке вполне закономерно было образовано относительное прилагательное *дисконтный*, мотивировало развёртывание слова *дисконт-карта* в словосочетание *дисконтная карта*, и это показывает восприятие носителями языка элемента *дисконт* как абброконструкта, поскольку в данном случае он равен части основы эквивалентного прилагательного *дисконтный*. Вполне очевидно, что мы здесь также можем говорить об аббревиатурах и композитах, но уже о **синхронных**, то есть таких, которые воспринимаются носителями языка как эквиваленты словосочетаний, независимо от того, реально ли они произошли от этих словосочетаний, или наоборот: словосочетания были развёрнуты на их базе. Определение того, что было первичным – слово или словосочетание, возможно только на основе методик этимологизации, описанных в [14]. Но для носителя языка, разу-

меется, важно не то, как было образовано слово, а то, как его можно развернуть в актуальных текстах.

Отметим в связи с этим один важный момент: все рассмотренные нами слова гибридного типа трактуются в языках-источниках не как слова, а как словосочетания.

Нами установлены пути описания заимствованных синхронных гибридных аббревиатур.

1. Определение источника для слова, получившего синхронную гибридную трактовку. Например, слово *автоаренда* «отдача автомобиля в наём за определённую ренту, наёмную плату» (композиционная трактовка – *аренда авто*, аббревиатурная – *автомобильная аренда*, *аренда автомобиля*) является, скорее всего, полукалькой англ. *auto rent* с тождественным значением.

2. Определение набора эквивалентов заимствованного слова. Например, для слова *интим-переписка* нами обнаружены эквиваленты *переписка интимного содержания*, *интимная переписка*, *переписка об интиме*, *переписка на интимные темы*. Методики поиска эквивалентов описаны в: [16].

3. Установление времени появления в русском языке слова, получившего синхронную гибридную трактовку, а также его псевдоунивербализационных эквивалентов. Для этого используются данные корпуса русского языка и различных *ngramm viewer*'ов. Например, для слова *дизайн-бюро* и словосочетания *дизайнерское бюро* первая фиксация в базе Google *ngramm viewer*'а отмечается в 1961 г.

4. Определение баланса индексов, то есть частного от деления количества включений слова и словосочетания в текст, обнаруженные поисковой машиной Google. При этом если частное от деления меньше 1, это свидетельствует в пользу большей активности словосочетания, а если больше 1 – слова. Например, для эквивалентов лексемы *релакс-видео*, «видео, предназначенное для снятия напряжения» отмечаются такие балансы индексов 10: *видео для релаксации*, *видео для релакса* (эти словосочетания отмечаются в текстах в 10 раз реже слова); 20: *релаксирующее видео* (это словосочетание отмечается в текстах в 20 раз реже слова); 60: *релаксационное видео* (это словосочетание отмечается в текстах в 20 раз реже слова).

5. Описание модели псевдоунивербализационного развёртывания слова, которое использует такие символы: у – базисный компонент, х – признаковый компонент, адъект – адъектив (прилагательное, адъективированное причастие), сущ – существительное, предл – предлог, а – компонент сложного слова, дополняющий стимул х, но не имеющий эквивалента в аббревиатуре, z – слово, входящее в дешифровальный стимул – словосочетание, но не имеющее эквивалента в аббревиатуре. Например, для слова *дизайн-деятельность* обнаруживаются следующие модели развёртывания: (у-z-х) *деятельность в области дизайна*; ◀ 1: (х (адъект)-у) *дизайнерская деятельность*, (у-z-х) *деятельность в сфере дизайна*, (у-х) *деятельность дизайнера*.

6. Описание ономаσιологических моделей построения развёрнутых эквивалентов, дающее представление об особенностях интерпретации заимствованного слова носителями языка. Для определения ономаσιологической характеристики базисного слова используется маркер «тематическая группа наименования», для определения ономаσιологической характеристики признакового слова – маркер «семантический падеж». Например, для слова *дизайн-проект* отмечаются дешифровки *дизайнерский проект* (продукт – квалитатив), *проект дизайна* (продукт – фактитив), *проект дизайнера* (продукт – агент).

Указанные направления описания используются для составления лексикографической карточки для составляемого сейчас Экспериментальной лабораторией исследований тенденций аббревиации при кафедре русского языка Донецкого университета Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка. На основе проведенного с использованием этих параметров исследования составляются словарные статьи словаря. Например, для слова *дизель-генератор* составлена такая словарная статья:

Дизель-генератор, -а, м. (< англ. *diesel generator*, с 1923 г.) Устройство, преобразующее механическую энергию вращения вала *дизель-двигателя* в *электроэнергию* ◀ 0,1: *дизельный генератор* (с 1932 г.); 30: *генератор с дизельным двигателем* (с 1936); 300: *генератор с дизелем* (с 1952).

Таким образом, рассматриваемые нами заимствованные слова интересны уже потому, что, будучи в языках-источниках словосочетаниями, они осваиваются русским языком как слова и получают гибридную, двойственную интерпретацию в эквивалентных текстах благодаря развёртыванию их как в словосочетания с существительным-атрибутом (композиционная трактовка), так и в словосочетания прилагательным-атрибутом (аббревиатурная трактовка). При описании таких лексем осуществляется их этимологизация, поиск эквивалентов, хронологизация первых употреблений, установление балан-

са индексов употребления и описание моделей псевдоунивербализационного развёртывания слова и ономаσιологической трактовки. В дальнейших работах мы предполагаем рассмотреть особенности формирования системы «чистых» композитов и аббревиатур на базе заимствованных словосочетаний.

Библиографический список

1. Рязанова В.А. Дешифровальный стимул как фактор образования мутантной группы // Новые горизонты русистики. 2017. № 2. С. 34–38.
2. Веган и вегетарианец: в чем отличия // Elle. 1 ноября 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elle.ru/stil-zhizni/food/vegan-i-vegetarianets-v-chem-otlichiya/> (дата обращения: 20.04. 2023).
3. Форум // Tripadvisor [Электронный ресурс]. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g298484-d14797775-r694573477-Zeleny_Lis-Moscow_Central_Russia.html (дата обращения: 20.04. 2023).
4. Абаева А. Go vegan! Что есть и куда ходить начинающему вегану // Афиша. Рестораны [Электронный ресурс]. URL: <https://www.afisha.ru/restaurant-news/go-vegan-chto-est-i-kuda-hodit-nachinayuschemu-veganu/> (дата обращения: 20.04. 2023).
5. Баранова Л.А. Словарь аббревиатур иноязычного происхождения. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 320 с.
6. Кононенко А. П. Проникновение заимствованных сокращений во все сферы общества // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015Т. 13. С. 1086–1090.
7. Тибилова М.И. Особенности процесса освоения иноязычных аббревиатур // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 119. С. 242–246.
8. Рязанова В.А. Мутантные аббревиатурно-композиционные группы в словообразовательной системе языка // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 6. С. 108–116.
9. Михайлова Е.Н. Мутантная аббревиатурно-композиционная группа «грузо» // Новые горизонты славистики. Материалы III Международных научных чтений студентов и молодых ученых памяти Г. И. Рихтера. Донецк, 2016. С. 522–527.
10. Теркулов В.И. Сложносокращенные апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур // Русистика. 2020. Т. 18. № 1. С. 97–112.
11. Теркулов В. И. Универбализация: постановка проблемы // Учёные записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2010. № 3. С. 135–142.
12. Смирнова И.Р., Теркулов В.И. Абброконструкт: принципы определения и описания // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 2. 2022. С. 28–42.
13. Разумный детокс: курс Матвея Смирнова [Электронный ресурс]. URL: <https://radetox.top/> (дата обращения: 20.04. 2023).
14. Снабжение холодной и горячей водой. Канализация [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/spravochnik-139-santehnika/38.htm> (дата обращения: 20.04. 2023).
15. Теркулов В. И. Сложносокращенные слова : синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2018. № 6. С. 73–97.
16. Теркулов В. И. Типология псевдоунивербализаций в русском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2013. № 3. С. 55–62.
17. Теркулов В.И. Методика прогнозирования отношений эквивалентности для сложносокращённых слов / В.И. Теркулов // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков: Материалы I Международной научно-методической конференции (21 мая 2018 г.). – Донецк: ДонНТУ, 2018. – С. 69–80.

References

1. Ryazanova V.A. Deciphering stimulus as a factor in the formation of a mutant group // New Horizons of Russian Studies. 2017. No. 2. Pp. 34–38.
2. Vegan and vegetarian: what are the differences // Elle. November 1, 2020 [Electronic resource]. URL: <https://www.elle.ru/stil-zhizni/food/vegan-i-vegetarianets-v-chem-otlichiya/> (accessed 20.04.2023).
3. Forum // Tripadvisor [Electronic resource]. URL: https://www.tripadvisor.ru/ShowUserReviews-g298484-d14797775-r694573477-Zeleny_Lis-Moscow_Central_Russia.html (accessed 20.04.2023).
4. Abaeva A. Go vegan! What to eat and where to go for a beginner vegan // Afisha. Restaurants [Electronic resource]. URL: <https://www.afisha.ru/restaurant-news/go-vegan-chto-est-i-kuda-hodit-nachinayuschemu-veganu/> (Accessed 20.04.2023).
5. Baranova L.A. Dictionary of abbreviations of foreign origin. M.: AST-PRESS KNIGA, 2009. 320 p.
6. Kononenko A. P. Penetration of borrowed abbreviations into all spheres of society // Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2015T. 13. S. 1086–1090.
7. Tibilova M.I. Features of the process of mastering foreign language abbreviations // Izvestiya RGPU im. A. I. Herzen. 2009. No. 119. Pp. 242–246.

8. Ryazanova V.A. Mutant abbreviation-composite groups in the word-formation system of the language // Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology. 2017. No. 6. Pp. 108–116.
9. Mikhailova E.N. Mutant abbreviation-composite group "Grugo" // New horizons of Slavistics. Materials of the III International scientific readings of students and young scientists in memory of G. I. Richter. Donetsk, 2016, Pp. 522–527.
10. Terkulov V.I. Compound abbreviated appellatives as an autonomous variety of abbreviations // Russian Studies. 2020. V. 18. No. 1. Pp. 97–112.
11. Terkulov V. I. Univerbalization: problem statement. Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Philology, history, oriental studies. 2010. No. 3. Pp. 135-142.
12. Smirnova I.R., Terkulov V.I. Abbroconstruct: principles of definition and description // Actual problems of philology and pedagogical linguistics. No. 2. 2022. Pp. 28–42.
13. Reasonable detox: Matvey Smirnov's course [Electronic resource]. URL: <https://radetox.top/> (accessed 20.04.2023).
14. Supply of cold and hot water. Sewerage [Electronic resource]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/spravochnik-139-santehnika/38.htm> (accessed 20.04.2023).
15. Terkulov V. I. Compound words: synchronous and diachronic aspects of description. Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology. 2018. No. 6. Pp. 73–97.
16. Terkulov V. I. Typology of pseudo-univerbalizations in the Russian language // Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics. 2013. No. 3. Pp. 55–62.
17. Terkulov V.I. Method for predicting equivalence relations for compound words / V.I. Terkulov // Linguistic research and their use in the practice of teaching Russian and foreign languages: Proceedings of the I International Scientific and Methodological Conference (May 21, 2018). Donetsk: DonNTU, 2018. Pp. 69-80.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 82:311.2

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.88.49.007

Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

*Профессор, доктор филологических наук
Шаврыгин С.М.*

Россия, г. Москва, тел. +79684554810

e-mail: sshavrygin@gmail.com

Non-state educational private institution of higher education "Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

*Professor Doctor of Philology
Shavrygin S.M.*

Russia, Moscow, tel. +79684554810

e-mail: sshavrygin@gmail.com

С.М. Шаврыгин

«УМ» И «ГЛУПОСТЬ» В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТНОГО СОЗНАНИЯ М.Е. САЛТЫКОВА (ЩЕДРИНА) 1840-Х ГОДОВ

Рассматривается трансформация ценностного сознания М. Е. Салтыкова (Щедрина) в 1840-е годы, нашедшая отражение в первых крупных повестях «Противоречия», «Запутанное дело». В этот начальный период творчества претерпевает коренные изменения система ценностей, воспринятая писателем во время домашнего воспитания. Прагматизм мышления, идеология стяжательства, приоритет делового отношения к жизни уступают место ценностям духовной, творческой природы. Эти процессы аксиологической перестройки сознания приводят к усилению критической, аналитической оценки действительности. Под воздействием реальных впечатлений жизни в творчестве писателя начинают складываться основные аксиологические принципы и поэтические концепты. В повести «Противоречия», развивая идеи просветительской философии, М. Е. Салтыков (Щедрин) сталкивает характерные для эпохи конца XVIII века концепты «природы (натуры)» и «воспитания», используя для этого литературные формы того времени, в частности, форму нравоописательного просветительского очерка Н. М. Карамзина «Чувствительный и холодный». Ограниченность просветительской аксиологии, приводит писателя к необходимости создания новых ценностных концептуальных образов, в ряду которых центральное место начинают занимать образы-концепты «ума» и «глупости», на основе которых постепенно складывается новая система художественных средств, определившая творчество М. Е. Салтыкова (Щедрина) на два десятилетия вперед, вплоть до «Истории одного города», художественная семантика которой целиком определяется в аксиологических концептологических рамках «ума» и «глупости».

Ключевые слова: аксиологический подход, аксиология, система ценностей, ценностное сознание, повесть, образ, концепт.

S.M. Shavrygin

«MIND» AND "STUPIDITY" IN THE SYSTEM OF VALUE CONSCIOUSNESS OF M.E. SALTYKOV (SHCHEDRIN) IN THE 1840S

The article deals with the transformation of the value consciousness of M. E. Saltykov (Shchedrin) in the 1840s, which was reflected in the first major stories «Contradictions» («Protivorechiya»), «A Tangled Case» («Zaputannoye delo»). During this initial period of creativity, the system of values, perceived by the writer during home education, undergoes fundamental changes. The pragmatism of thinking, the ideology of money-grubbing, the priority of a businesslike attitude to life give way to the values of a moral, inward, creative nature. These processes of axiological restructuring of consciousness lead to an increase in the critical, analytical assessment of reality. Under the influence of real-life impressions, the main axiological principles and poetic concepts begin to take shape in the writer's work. In the story «Contradictions» («Protivorechiya»), developing the ideas of enlightenment philosophy, M.E. Saltykov (Shchedrin) confronts the concepts of «nature (nature)» and «education» characteristic of the era of the late 18th century, using for this the literary forms of that time the form of a moralistic educational essay N. M. Karamzin «Sensitive and cold» («Chuvstvitelnyy I Kholodnyy»). The limitations of educational axiology lead the writer to the need to create new valuable conceptual images, in a number of which the images-concepts of «mind» and «stupidity» begin to occupy

a central place, on the basis of which a new system of artistic means is gradually taking shape, which determined the work of M. E. Saltykov (Shchedrin) on two decades ahead, up to the «History of a City» («Istoriya odnogo goroda»), the artistic semantics of which is entirely determined in the axiological conceptual framework of «mind» and «stupidity».

Key words: axiology, system of values, value consciousness, story, image, concept.

Аксиологический подход в литературоведении важен тем, что позволяет осмыслить в целом ценностный характер художественной литературы. «Перспективность его развития определяется <...> тем, что данная методология учитывает ценностный характер искусства, который ввиду своей тривиальности зачастую недостаточно осмысливается теоретически» [1; с. 130]. В то же время подобная методология дает средство научного познания ценностных отношений не только в теории, но и в художественных практиках писателей. Переживание аксиологических смыслов индивидуально и неповторимо, оно порождается первоначальным ценностным полем личности, а затем параллельно в сознании личности и в практике творчества происходит трансформация, обогащение, углубление ценностного поля. Это взаимное пересечение и влияние, усиленное впечатлениями внешних социальных, культурных, религиозных, философских, воздействий, становится импульсом для создания концептуальных смысловых рядов, становящихся основой художественного мира писателя. В каждом конкретном произведении ценностную функцию может выполнять любой элемент эстетического объекта, при этом субъектом ценностного восприятия может становиться любой элемент нарративного дискурса, но прежде всего герой и имплицитный автор, иногда берущий на себя функцию особого персонажа. Пересечение и интерференция этих дискурсов (героя и автора) оказывает решающее влияние на формирование концептуального поля произведения, в фундаменте которого лежат основополагающие ценностные категории.

Анализ творчества М. Е. Салтыкова (Щедрина) редко становится предметом подобного аксиологического изучения несмотря на то, что нравственная и ценностная атмосфера, воспитавшая писателя, хорошо известна и признается всеми исследователями как один из значимых аспектов формирования личности писателя, его судьбы и литературного наследия. В данной статье на примере первых значимых произведений анализируется процесс формирования ценностного сознания писателя, возникновение первых концептуальных образов, определивших ценностное поле произведений Салтыкова (Щедрина).

Домашние ценности.

Первоначальное формирование ценностного сознания писателя происходило в родной семье, в родном доме в Спасе-на-Углу, в духовной атмосфере родного «Пошехонья», в атмосфере «благоприобретательства», «сечения», угроз, экзальтированной чувствительности, но в целом безлюбности и религиозно-моралистических поучений. По словам Салтыкова: «<...> весь тон воспитательной обстановки <...> был необыкновенно суровый и, что всего хуже, в высшей степени низменный» [2; т. 17, с. 54].

Следы этого типа ценностного сознания и отношения ко всему окружающему то и дело проскальзывают в отдельных проявлениях его личности, например, в ранних письмах Салтыкова родителям из Петербурга. «Любезные Родители! ... если вы [не] будете [совсем] в этот год, то приезжайте в Петербург в гостиницу “Париж” в Кирпичном переулке: там по пяти руб. за номер. А там, где мы жили, то поденно не берут, а берут понедельно 35 руб. в неделю, а там, любезные родители, лучше и дешевле нанять квартиру [и платить 200]; потому что в гостинице жить очень дорого и притом только две комнаты, одна для лакеев, а другая так; то вам придется брать два номера, кушанье же в гостинице так дорого, что уж и говорить нечего...» [2; т. 18, кн.1, с. 21]. Тринадцатилетний Михаил Салтыков из Царскосельского лицея писал родителям и о том, что квартиры в Петербурге дороже, чем гостиницы, о том, что в столице все русское дороже иностранного в отличие от Москвы, о своих оценках и поведении, жаловался на подлость своего гувернера «г-на Бегена», советовал, какие журналы стоит брать в соответствии с их стоимостью. Позже уже в начале 1840 годов просил брата Дмитрия оставить ему внаем недорогую обещанную квартиру, посылал ему к именинам в подарок стойку для часов, просил взаймы денег.

Ценностный мир личности, вырисовывающейся в письмах, определяется отношением к жизни, заложенным маменькой и ее деловыми предприятиями. Иерархия ценностных смыслов подрастающей личности здесь полностью зиждется на конвенциональных семейных предпочтениях: приоритете деловой стороны жизни, прагматизме мышления, добродетели бережливого накопления, фетише семьи и достижений на поприще благоприобретательства.

Переживание этих ценностных смыслов нашло свое отражение в первых произведениях Салтыкова, написанных после окончания Лицея: в «повести из повседневной жизни» «Противоречия», в «случае» «Запутанное дело», в «рассказе» «Брусин», в этюде «Глава», в наброске «<Будь добронравен...>».

В повести «Противоречия» автор создает образ помещицы Марьи Ивановны Крошиной, впервые пытаясь осмыслить характер своей матери, Ольги Михайловны Салтыковой (Забелиной): «В последнее время, находясь с нею в беспрестанных сношениях, я пристальнее вглядывался в этот странный характер — и все-таки ничего не могу сказать об нем определительного. Несомненно только одно, что в ней есть все элементы заботливой матери, хорошей хозяйки, даже доброй жены, но все это покрыто какою-то плесенью, все это так далеко зарыто, что нужно долго всматриваться, чтоб из-за этой грубой женщины увидеть мать, из-за женщины-кулака — бережливую хозяйку» [2; т. 1, с. 79–80].

Особенно много внимания уделяет образу отца, Евграфа Васильевича, репрезентируя его в образе Самойлы Петровича Мичулина, напутствовавшего своего отпрыска, недоросля Ванечку такими советами: «Будь ласков с старшими, невысокомерен с подчиненными, не прекословь, не спорь, смирайся — и будешь ты вознесен премного; ибо ласковое теля две матки сосет» [практически буквальное воспроизведение наставлений из писем отца], «Там, говорят, актеры завелись; <...> так ты с ними не водись, с актерками-то, и деньги береги!» [2; т. 1, с. 201].

В наброске «<Будь добронравен...>» ценностные ориентиры, поставленные отцом сыну, «отцовский кодекс житейской мудрости», описаны еще более откровенно, пространно и подробно: «Будь добронравен, старайся угождать начальникам, не прекословь, не спорь, смирайся, будь ласков с равными, не высокомерен с подчиненными, и благо ти будет и будешь ты вознесен премного, ибо ласковое теля две матки сосет». Так говорил Самойло Петрович, отпуская на службу в Петербург единственное свое детище, зеницу своего ока, надежду престарелых лет своих. Супруга Самойла Петровича, Арина Тимофеевна, с своей стороны, надавала сыну тоже много практических советов, но так как они касались более грубых хозяйственных расчетов...» [2; т. 1, с. 371]

До сих пор, по-видимому, дворянский недоросль (а именно таким был Салтыков по окончании лицея и первоначальном вступлении в должность чиновника военной канцелярии) был уверен в родительских наставлениях Евграфа Васильевича и Ольги Михайловны, в уроках домашнего воспитания Салтыкова и его братьев, выраженные в отцовских письмах сыновьям: «Неужели тебе не известен закон божий, повелевающий чтить отца и мать, да благо ти будет и долголетен будешь на земле... Последуй моим тебе спасительным советам все сносить с терпением, великодушием и упованием на бога создателя и производить дивные и благодеянные дела рук своих, и если он и о прочих низших тварях имеет попечение, то кольми о человеке тем паче всего печется и невидимо устраивает ему то благоденствие, какое каждому прилично и свойственно. *Сие я испытал на собственном опыте...*» [выделено нами. — С.Ш.] (об этом дальше расскажем, о сюжете Запутанного дела), «уведомь, каково ты начал свои лекции и не враждуют ли на тебя профессора, с коими как можно обходишься ласковее, по пословице: ласковый теленок две матки сосет, а грубый ни одной не найдет» [выделено автором письма. — С.Ш.], «ради бога, прошу тебя... удалиться от всех злых и коварных твоих сотоварищей» (14 января 1841 года); «с ерниками и мерзавцами, которые уже достаточно тебя обгадили и помогли тебе срезаться в прошлый экзамен, не имей нималого сношения, а бойся как огня пагубного» (12 апреля 1842 года); «я слышал о тебе достоверные известия, что ты опять выбрал себе мерзавцев приятелей... и с такими-то ты имеешь компанию! не больно ли моему родительскому сердцу видеть все труды и попечения наши о твоей нравственности попорченными и презренными твоим безумием...» (22 марта 1841 года) [цит. по: 3; с. 58–62].

Впоследствии Салтыков неоднократно будет возвращаться к теме подобного «губительного» домашнего воспитания дворянских недорослей, внедрения идеалов, мешающих смело «взглянуть в глаза действительности», показывая, что простодушная наивность домашних «духовных» ценностных систем ведет к крайнему скептицизму и разочарованию, «результатом всех этих систем лежит одна и та же венчающая их идея счастья, равносильная смерти» [2; т. 1, с. 73–75].

В первых повестях Салтыкова можно отметить еще одно отражение того ценностного сознания, которое было привито ему с детства. Сюжетной основой второй части повести «Противоречия», где автор рассказывает о жизни Нагибина в Москве и всей повести-«случае» «Запутанное дело» (за исключением финала) помимо гоголевских повестей о маленьком человеке и Некрасовского стихотворения «Еду ли ночью по улице темной», к которым исследователи традиционно возводят отдельные эпизоды «Запутанного дела» [2; т. 1, примечания, с. 419], вероятно могла стать история жизни отца сатирика, Евграфа Васильевича Сал-

тыкова, наверняка известная писателю с детства, хотя бы и в качестве отдельных деталей, но сильно им утрированная и телеологически обработанная для повестей 1840-х годов. Дворянский недоросль, Евграф Васильевич был выходцем из средней дворянской вотчины. Получив неплохое образование под руководством матери, постаравшейся подготовить сына к столичной карьере, вначале он стал делать успехи, но впоследствии его настигла череда неудач и житейских исканий. Он был исключен из военной службы при Павле I и заболел. Желая поправить карьеру уже при Александре I, стал стремиться к офицерскому званию. Живя в доме родственника матери гр. Д. И. Хвостова, закончил курс наук, но все оказывалось безрезультатно. Пытаясь сделать карьеру на поприще гражданском, издал компилятивный перевод из разных источников «Курс военной архитектуры», посвятив его Александру I, но вместо придворной карьеры получил мелкую канцелярскую должность переводчика иностранной коллегии без жалованья, а когда выслужил наконец это ничтожное жалованье, он получил перевод в Москву в коллегию иностранных дел в архив. Поняв, что все его мытарства в столицах ни к чему не ведут, по просьбе матери возвратился в имение и начал заниматься хозяйством, вышел в отставку и окончательно отправился в разорённые имения, где впоследствии и женился на Ольге Михайловне Забелиной. В 1820-е годы он писал прошение о возвращении на службу на имя министра иностранных дел Карла Нессельроде, но безрезультатно. Теперь уже окончательно юношеские увлечения масонским мистицизмом, просвещением сменились ханжеской показной набожностью, которую он старался передать сыновьям.

Возможно, эту историю, приправленную уже собственными петербургскими юношескими впечатлениями, Салтыков и превратил в плутовской сюжет о столичных похождениях Ивана Самойловича Мичулина в погоне за карьерой и успехом и о том, как герой в итоге в силу следования укоренившимся домашним ценностным ориентирам «обрел» «идею счастья, равносильную смерти».

Ценностная катастрофа в Петербурге. Повесть «Противоречия».

Сам Салтыков, оказавшись в Петербурге в конце 1830–начале 1840-х годов, чрезвычайно «остро пережил встречу с новой действительностью. Петербург поразил его резкими контрастами» [3; с.171]. Прежде всего пришел в несогласованное состояние разум самого будущего писателя, оказавшегося в «затруднительном положении» перед открывшейся ему действительностью.

Живя в Петербурге, Салтыков постепенно, но чувствительно для себя начал терять «довольно неестественное состояние», «когда сердце человека, полное трепетных предчувствий, полное неясного и неосознанного еще будущего, ко всему стремится и все приемлет...» [2; т.1, с.72] — и лишает человека энергии «взглянуть в глаза действительности» и объяснить себе все ее противоречия.

Постепенно Салтыков начал осознавать необходимость кардинальной смены ценностных смыслов и «как будто бы сквозь сон, мелькнуло у него в мозгу, что отцовский кодекс житейской мудрости требовал безотлагательного и радикального исправления» [2; т. 1, с. 205]. «Независимость ума», присущая Салтыкову черта личности, привела его к переоценке ценностей.

Возникла необходимость объяснить себе вдруг ясно образовавшийся в его мозгу ценностный диссонанс. Она выразилась прежде всего в виде «вопиющих» заглавий: «Противоречия», «Запутанное дело», а затем и первоначальных попыток объяснить все нестыковки: «Глава», «Брусин».

Первыми аксиологемами, репрезентирующими открывающиеся новые ценностные смыслы, стали ПРИРОДА и ВОСПИТАНИЕ, вернее их противоположение в контексте ценностных констант неостоицизма, теории «естественного состояния», «закона природы» Дж. Локка с одной стороны и просветительского рационализма с другой. Вопросы — что первично в человеке, природа или воспитание, что определяет личность — требовали немедленного ответа.

Не случайно эпиграфом к первой повести «Противоречия» выбрана автором стоическая философская сентенция: «Надо пользоваться и руководствоваться законами Природы: ее созерцает и с нею советуется разум; следовательно: жить счастливо — значит жить сообразно с Природой. Сенека. О счастливой жизни, гл. 8» [2; т. 1, с. 71]. В этой главе своей книги Сенека утверждает, что человеческое существование согласуется с разумной Природой и все устроено по ее законам, что наслаждение и удовольствие от жизни — это не цель, а следствие доброй воли, человеческие способности и дарования должны подчиняться разуму и природе, ограждать человека от растрепанности извне, укреплять дух и душу, тогда «может быть достигнуто в человеке согласное единство сил и способностей, и тогда родится тот разум, который не будет знать внутренних разногласий и колебаний во мнениях, восприятиях и убеждениях; которому достаточно будет раз навсегда себя упорядочить, чтобы его части согласовались друг с другом и, если можно так выразиться, спелись, и он достигнет высшего блага». Достигнув единства сил и способностей, «...смело можешь заявлять, что высшее благо есть душевное согласие» [4; с. 19].

Однако в самом тексте повести Салтыков показывает, как живая жизнь переворачивает эти представления, писатель подчеркивает растерянность и духовное бессилие персонажей перед разверзнувшейся пропастью житейских неурядиц.

Само повествование о реальной жизни и противоречиях человеческого разума на примере героя повести Андрея Павловича Нагибина должно было опровергнуть, либо, по крайней мере, поставить под сомнение воспринятые русским сенсуализмом и сентиментализмом сентенции Сенеки о человеческом счастье и блаженстве. Писатель противопоставляет скептицизм Нагибина юношеской восторженности адресата его писем, г. NN (может быть alter ego самого Салтыкова), используя, на наш взгляд, архетипический сценарий переживания ценностных смыслов, обратившись к модели карамзинского нравственно психологического очерка «Чувствительный и холодный».

Характеры Леонида и Нагибина, Эраста и г. NN настолько близки, что в некоторых эпизодах у Салтыкова слышатся прямые цитаты из очерка Н.М. Карамзина. Общими оказываются и темы человеческих характеров, природы, воспитания, счастья, и их художественное решение в жанре философской повести-столкновения двух психологических типов: благоразумного, прагматичного и чувствительного, пылкого. Однако нравственно-психологический опыт Карамзина остается в рамках стоической философии, и его герои все-таки приобретают счастье и душевное согласие благодаря именно природным качествам их натур: «Одна природа творит и дает: воспитание только образует. Одна природа сеет: искусство или наставление только поливает семя, чтобы оно лучше и совершеннее распустилось. Как ум, так и характер людей есть дело ее: отец, учитель, обстоятельства могут помогать его дальнейшим развитиям, но не более» [5; с. 740]. Салтыков же напротив готов согласиться с тем, что именно воспитание определяет мироощущение человека, в данном случае Нагибина и г. NN, а природа неизбежно вкладывает в человека ту базу противоречий, которые усиливаются в течение жизни под внешним влиянием и приводят личность к «счастью» в виде смерти и гибели.

Так в Нагибине, домашнем учителе в селе Ряплово, имении помещика Крошина, несмотря на его экзальтированное чувство к героине, Тане Крошиной, торжествует скептицизм и разочарование. Но впоследствии, когда Нагибин после смерти Тани оказывается в Москве, и у него завязываются дружеские отношения с товарищем по школе Владимиром Валинским, а любовные — хозяйской дочерью, Машей, в нем проявляются противоположные психологические черты: эмоциональность, чувственность, восторженность. Соединением этих двух типических характеров в одном Салтыков попытался выразить сомнение, разочарование и ироническое отношение одновременно и к идеям стоицизма (ПРИРОДА) и просветительства (ВОСПИТАНИЕ), а в итоге найти новые ценностные смыслы, однако эта попытка осталась неудачной. «Да; есть много таких характеров, которые вдали кажутся и огромными и величественными, а вблизи преобидно умяются... Что было в моей прежней жизни? — сомнения! Что в настоящем моем? — сомнения! Что в будущем? — сомнения!» [2; т. 1, с. 183] Вскоре Салтыков вновь разведет противоположные свойства натуры своего героя в разные стороны, и ряпловский Нагибин превратится в разочарованного Брусина и безнадежного влюбленного Нажимова, а московский Нагибин — в юного «Дон-Кихота» и маленького несчастного человека, Ивана Самойловича Мичулина. Но проблема формирования новых ценностных смыслов как на основе привычной рационалистической просветительской философии, так и на основе сенсуализма и позднего стоицизма останется для Салтыкова на этом этапе жизни нерешенной.

Повесть «Запутанное дело». Новые аксиологические смыслы.

Именно повесть-«случай» «Запутанное дело» стала для Салтыкова новым этапом переживания ценностных смыслов и формирования новых ценностных концептов на рациональном и архетипическом уровнях.

В этом произведении обнаруживается целый спектр литературных традиций, которые усваивал и развивал М. Е. Салтыков (Щедрин) с первых моментов своей жизни в литературе. Как известно, в повести он продолжает темы «Шинели» Н. В. Гоголя, «Кто виноват?» А. И. Герцена и «Бедных людей» Ф. М. Достоевского, использует сюжетную основу стихотворения Н. А. Некрасова «Еду ли ночью по улице темной» [2; т. 1, примечания, с. 419–420].

Однако отчетливее всего в начальных эпизодах, завязывающих фабулу и сюжет, проглядывают сюжетные элементы пушкинского романа «Капитанская дочка». Иван Самойлович Мичулин, двадцатилетний молодой человек, недоросль, «детиче», отправляется из дома родительского на службу в Петербург, сопровождаемый отцовскими наставлениями. Отсылка к Пушкину была еще сильнее в первоначальном тексте повести, известном как фрагмент «Будь добронравен». Там появляется и мать Ванечки, Арина Тимофеевна, со своими заботами и слезами о любимом детиче. Мы ожидаем, что герой, как Петруша Гринев, столкнется с жизнью, впитает ее уроки, уцелеет и будет счастлив. Однако принципиальная разница в том, что «муд-

рый» Самойло Петрович отправляет сына не в «оренбургскую крепость», как Гринев-старший Петрушу, а в Петербург, в самое средоточие греха и порока, противоречий жизни и общества. Завязка пушкинского сюжета безусловно иронически переосмыслена, архетипические мотивы пародийно переакцентированы, и дальнейшая судьба Ивана Самойловича это подтверждает. Но еще важнее, что начало повествования о Мичулине-младшем основано, как в «Капитанской дочке», на модели волшебной сказки, потому важнейшим аксиологическим мотивом и начальной функцией становится отлучка героя из дома в поисках своего счастья, своего места в мире в рамках знаковой сети архаической, а значит универсальной системы ценностей.

Вообще у Салтыкова очень рано проявляется такое качество мышления и эстетического сознания как архетипичность и мифологичность, не в плане предметном и вещественном, а в плане концептуальном, ментальном, в плане умения оперировать особыми структурами сознания и формирования образности. Так, например, сказка «Дикий помещик» структурно основана на травестировании архаичных моделей шумеро-аккадского (а впоследствии древнееврейского) эпоса о богах, принявших решение на совете уничтожить «семя человечества», человеческий род, по причинам нам неизвестным, по всей видимости меркантильным (люди слишком расселились на земле и стали мешать богам), а не моральным, как впоследствии в Ветхом Завете.

Эта скрытая мифологическая концептуальность мышления писателя и его поиски с помощью травестирования архаичных клише и нарративных моделей новых аксиологических концептов, помогающих объяснению действительности, составляет одну из особенностей поэтики Салтыкова.

Это помогает Салтыкову на обыденное смотреть под особым углом, переворачивать привычные представления, прояснять привычное, в том числе, а может быть и в первую очередь, и ценностную систему личности.

Архетипическая культурная ситуация отлучки героя оказалась востребована в творчестве писателя, потому что освобождала его персонажей от системы выхолащенных культурообразующих ценностей и составляла, как в любой пикареске, формировать новую сеть базовых аксиологических смыслов. В этом смысле отлучка героя, где бы она ни совершалась, в начале или в конце сюжета, уход Ивана Самойловича Мичулина или уход Иудушки Головлева, никогда не означает финала, а всегда — начало кардинального изменения иерархии ценностных смыслов личности. Даже если этот процесс не может быть завершен, для Салтыкова важно само начало аксиологического перерождения человека, его способность к этому.

Так и для Ивана Самойлыча эта поездка означала кардинальную перестройку его мироощущения и всей ценностной системы. Все его прежние ценностные культурные константы держались силой обычая, привычки, а главное, тем, что, как и у отца, «ленива была на подъем его умственная сила». В аксиологическом дискурсе повести появляется новая, по сравнению с прежними повестями, аксиологема УМА которая вводится сразу же, как только герой пересекает черту, границу старого и нового мира, и сразу становится стержневой в нарративной стратегии, в развитии сюжета, раскрывающего постепенно нарастающую потребность Ванечки осмыслить свое существование.

Впервые стали рождаться кой-какие «черные и неблагонамеренные» мысли в голове Ивана Самойлыча, когда он после очередных неудачных поисков шел пешком навстречу осеннему петербургскому ветру и буколические картины детства в родительском доме, где он был защищен от всех невзгод, рождали ностальгию в его душе. Пришел домой «и начал думать... На этот раз мыслей оказалось нестерпимо много, и всё такие чудные, одна другой страннее. Они вдруг засуетились в голове его ужасно, с быстротою молнии начали перебегать по всем нервам его мозгового вещества и выковыривать такие античные морщины на лбу его...» [2; т. 1, с. 205]

Герой невольно стремится задать себе важнейшие вопросы: почему он лишний в этой жизни, какова его роль и в чем его назначение. «Да что же я, что же я такое? — повторял он, с бессильною злобой ломая себе руки, — ведь годен же я на что-нибудь, есть же где-нибудь для меня место! где ж это место, где оно?» [2; т. 1, с. 207] В итоге в сознании героя эксплицируются в виде знаменитых видений, фантазий, снов (баловень фортуны, отец семейства, Емеля, пирамида) разнообразные ценностные миры, в которых реализуется умственный потенциал Ивана Самойловича и помогает ему осмысливать экзистенциальные вопросы: что такое жизнь, каково твоё назначение.

В аксиологическом поле УМ оказывается неизбежно связан с аксиологемой ГЛУПОСТИ, образующей в повести собственный дискурс. «Россия — государство обширное, обильное и богатое — да человек-то иной глуп, мрет себе с голоду в обильном государстве!», «Я сам знаю, что глуп, сам это чувствую, милый ты человек, сам вижу... Ну что ж глуп, так глуп... уж такая, видно, слабая моя голова» [2; т. 1, с. 205]. Эта аксиологема реализована в реальных встречах и беседах Ивана Самойло-

вича, которые он ведет прежде всего с обитателями «гарнира». Глупость проявляется в умении приспособляться к жизни, не задавая себе лишних вопросов. Сколько бы ни спрашивал Иван Самойлович совета у окружающих, он его не получит, ему придется самому в одиночестве искать решения возникающих проблем.

В дальнейшем УМ и ГЛУПОСТЬ оказываются сразу же ментально и семантически связаны с аксиологемой ГОЛОВЫ. «От природы ли голова его была так скупно устроена, или обстоятельства кой-какие ее сплюснули и стиснули, но оказывалось, что одна только сфера деятельности и была для него возможною — сфера механического переписыванья, перебеливанья...» [2; т. 1, с. 202] Возникает мотив изуродованной головы и полного отсутствия шевеления ума в ней. Усиливаясь, этот мотив превращается в аксиологему СЛАБОГОЛОВОСТИ: «И захохотал, будто бы и сам от всей души, поздравлял себя с тем, что глуп и слабоголов... дру-уг! да ведь что ж делать, коли голова-то слаба? голова-то, голова, вот что!...» [2; т. 1, с. 251] Слабоголовостью представляются автору все те «ценности», которые проговаривают и пытаются внедрить в сознание Мичулина его сожителю по гарниру, и которые являются только пустыми фразами, обличающими общее неумение разумно обустроить свое существование. Кульминации этот мотив достигает в образе «мифического Мичулина», раздавленного всей тяжестью навалившейся на него пирамиды (действительности): «...голова Ивана Самойлыча была так изуродована тяготевшею над нею тяжестью, что лишилась даже признаков своего человеческого характера, а часть, называемая черепом, даже обратилась в совершенное ничтожество и была окончательно выписана из наличности» [2; т. 1, с. 265–266].

Результатом поисков новых ценностных смыслов для Мичулина стало то, что «он сам теперь <стал> чувствовал, какая страшная тяжесть давила его голову...», и это привело его к гибели.

Для автора впервые найденное в этой повести аксиологическое поле УМ—ГЛУПОСТЬ—ГОЛОВА станет в скором времени важнейшим средством осмысления психологии человека в социальных условиях жизни. Именно эти ценностные понятия будут определять поэтику Салтыкова в 1860-е годы, когда в смысловом поле концептов УМА и ГЛУПОСТИ начнет формироваться трагикомическая гротескная манера писателя, поддержанная опорой на архетипические апокалиптические образы и мотивы, максимально воплотившая новое миропонимание и эстетические идеалы.

Библиографический список

1. Филатов А. В. Аксиология в теории литературы: основные направления ценностного анализа // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4 С. 130–140.
2. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1965–1977. [В тексте указываются том, книга, страницы].
3. Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Т. 1: Биография. 2-е изд., доп. М., 1951. 587 с.
4. Сенека Луций Анней. Философские трактаты. М., 2000. 396 с.
5. Карамзин Н. М. Чувствительный и холодный // Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 740–754.

References

1. Filatov A. V. Axiology in the theory of literature: the main directions of value analysis // Siberian Journal of Philology. 2019. No. 4 P. 130–140.
2. Saltykov-Shchedrin M. E. Collected works: In 20 volumes. M., 1965–1977. T. 1. [The text indicates the volume, book, pages].
3. Makashin S. A. Saltykov-Shchedrin. T. 1: Biography. 2nd ed., add. M., 1951. 587 p.
4. Seneca Lucius Annaeus. Philosophical treatises. M., 2000. 396 p.
5. Karamzin N. M. Sensitive and cold // Karamzin N.M. Selected works in two volumes. M.; L., 1964. Vol. 1, pp. 740–754.

УДК 81

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.85.89.008

Воронежский государственный технический университет – Voronezh State Technical University

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Попова Ю.С.*

Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-226-2368

e-mail: buka1621@rambler.ru

*The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor*

Popova Ju.S.

Russia, Voronezh, tel. +7-920-226-23-68

e-mail: buka1621@rambler.ru

Воронежский государственный технический университет – Voronezh State Technical University

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Сулемина О.В.*

Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-214-62-19

e-mail: may2005@yandex.ru

*The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor*

Sulemina O.V.

Russia, Voronezh, tel. +7-920-214-62-19

e-mail: may2005@yandex.ru

Ю.С. Попова, О.В. Сулемина

СТРАХ И СТРАШНОЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассматривается реализация темы страха в прозаическом наследии Ивана Алексеевича Бунина. Эстетика ужасного всегда интересовала теоретиков и практиков искусства. На современном этапе она по-прежнему находит многочисленный отклик в трудах психологов, философов, литературоведов, историков и многих других. Данная тема рассматривалась исследователями только с точки зрения традиций русской готической литературы, как продолжение вектора религиозно-библейского и апокалиптического страха в творчестве писателя. Авторами статьи для анализа выбран текст, который является малоизученным и в котором данный мотив вынесен в заглавие. В тексте он реализуется на нескольких уровнях. Первый уровень – мотивный. Второй уровень – сюжетообразующий. Третий уровень – композиционный. Само понятие «страх» в тексте не является статичным, претерпевает концептуальные изменения, связанные с реализацией мотива смерти, мотива потери рассудка. На пространственном поле материала также ярко прослеживается реализация данного образа. Для этого автор использует прием контраста, позволяющий усилить оппозицию «прошло»-«настоящее». И.А. Бунин погружает читателя в атмосферу происходящего с помощью яркой цветописы, звукописи, актуализации осязательного компонента, в том числе описания еды. Несмотря на исторический контекст произведения в нем прослеживаются художественные и философские поиски автора, его ориентация на общечеловеческие ценности, которые остаются неизменными несмотря на время и обстоятельства. Данные принципы, ориентиры и убеждения играют ключевую роль во всем творческом наследии писателя, отражая его взгляды на преломления ценностных ориентиров отдельной личности и на всю общественную структуру ценностей, регулирующих отношения человека и общества.

Ключевые слова: мотив, символика, страх, страшное, безумие, смерть, И.А. Бунин.

Ju.S. Popova, O.V. Sulemina

FEAR AND THE TERRIBLE IN RUSSIAN LITERATURE TRADITION

The article deals with the realization of the theme of fear in the prose heritage of Ivan Alekseevich Bunin. The aesthetics of the terrible have always interested art theorists and practitioners. At the present stage, it still finds numerous responses in the works of psychologists, philosophers, literary critics, historians and many others. This topic was considered by researchers only from the point of view of the traditions of Russian Gothic literature, as a continuation of the vector of religious-biblical and apocalyptic fear in the writer's work. The authors of the article have chosen a text for analysis that is poorly studied and in

which this motive is included in the title. In the text, it is implemented on several levels. The first level is motivational. The second level is plot-forming. The third level is compositional. The very concept of "fear" in the text is not static, it undergoes conceptual changes associated with the realization of the motive of death, the motive of loss of reason. The spatial field of the material also clearly shows the realization of this image. To do this, the author uses a contrast technique that allows to strengthen the opposition of "past"- "present". I.A. Bunin immerses the reader in the atmosphere of what is happening with the help of bright color painting, sound recording, actualization of the tactile component, including the description of food. Despite the historical context of the work, it traces the artistic and philosophical searches of the author, his orientation towards universal values, which remain unchanged despite time and circumstances. These principles, guidelines and beliefs play a key role in the entire creative heritage of the writer, reflecting his views on the refraction of the value orientations of an individual and on the entire social structure of values that regulate the relationship between man and society.

Keywords: motive, symbolism, fear, terrible, madness, death, I.A. Bunin.

Мотив страха и страшного является частотным в прозаических произведениях И.А. Бунина. Слово «страх» встречается в текстах более пятидесяти раз, также, как и слово «страшное». Интерес автора к этой теме можно проследить не только на уровне частотности, но и на тематическом уровне: многие тексты посвящены убийству, теме смерти. В публицистике 1920 годов встречается текст, в котором слово «страх» вынесено в заголовочный комплекс.

Произведение «Человек, который умер от страха» опубликовано в 1926 году и описывает действия, происходившие в Париже Тюильрийском дворце 10 августа 1792 года. Хронотоп текста четко обозначен. Действие протекает с 10 августа по 12 августа 1792 года, когда происходило разграбление и уничтожение дворцового комплекса. Время повествования периодически меняется. Оно то возвращает читателя в прошлое (рассказывается о том, что было до этих событий), то показывает ближайшее будущее, то снова идет повествование о событиях 10 августа, затем снова будущее (январь 1793 года). Точные даты указывают на конкретный важный исторический период, воссоздавая реальное течение времени, добавляя хроникальности в повествование. Время идет не линейно, оно отражает ассоциативные и причинно-следственные связи.

Повествование ведется от имени Андре Лентора, который был знаменитым потомственным ландшафтным архитектором при дворе короля Людовика XIV. «Созданные им сады и парки превратились в символы французского величия и рациональности, установив и закрепив моду в ландшафтной архитектуре Европы» [см. 1]. По наследству ему была передана должность главного садовника замка Тюильри. Он был близок королю. Историки отмечают его нравственные качества и нежелание учувствовать в интригах и заговорах. За профессиональные качества архитектор стал доверенным советником Людовика XIV и его возвели в дворянское достоинство. Лентор создавал и реконструировал сады и парки Версаля, который со временем стал главной резиденцией короля. Дворцово-парковый ансамбль Версаля являлся не только резиденцией королей, но получил статус музея, стал местом, где происходили важнейшие исторические события, было подписано множество международных договоров, которые сыграли ключевую роль в мировой истории (например, мирный договор, завершивший Первую мировую войну, Декларация прав человека и гражданина) [см. 2].

Произведение начинается с указания имени повествователя, точного времени и места действия. Реальное историческое лицо, которое рассказывает о событиях, свидетелем которых он сам являлся, вводится автором с целью усиления достоверности и реалистичности происходящего. Окончание текста свидетельствует уже не о конкретном времени. Оно расширяется до бесконечности и в тоже время содержит в себе мотивы завершенности бытия, невозможности вечного расширения и течения.

Текст построен на контрасте. Место действия – Тюильрийский дворец – входил в основополагающую ось Парижа, создавая симметрию пространства. Это было огромное, роскошное, помпезное творение, где проводили время монаршие особы Франции. В произведении И.А. Бунина посетителями дворца становится обезумевшая толпа, которую охватило «безумное любопытство» [3; с.117]. Множество людей заполняют собой все пространство, как стихия. Люди противопоставлены пространству замка. Комната, лестница, галереи, коридоры заполняются телами физически, как захватчики. Стихийность этого действия подобна огню, который в итоге уничтожает замок. Название Тюильри связано с природным началом и со стихией огня. Это было место, где добывали глину, а затем обжигали ее, изготавливая черепицу [2]. С мотивом огня связан образ революции, которая разгорается, подогреваемая яростью. С огнем связан и образ героя. Страх в его душе, в отличие от природной стихии, которая может являться быстрой и всепоглощающей, медленный, сводящий с ума, но также уничтожающий все на своем пути.

Автор отмечает, что цель посещения дворца – достойное празднование победы. И далее перед читателем раскрывается смысл этих страшных слов. Чем дальше продвигается толпа, тем сильнее усиливается контраст: замечательное зрелище – «лужи кровавой грязи» [3; с.117], на парадной лестнице, которая долж-

на являть собой лицо дома и встречать желанных гостей. В данном случае желанные гости – это трупы швейцарцев, находящиеся на самом видном и парадном месте.

Ужас происходящих событий автор освещает на всех уровнях: на акустическом уровне действие сопровождается шлепаньем, хохотом, визгом, криком, песнями, треском, хрустом; на обонятельном уровне аромат духов смешивается с запахом кровавой грязи, пыли и запахом гари; на осязательном уровне встречаются раздетые догола убитые, которым «придают ... смехотворные и бесстыдные позы» [3; с.117], несется пух из подушек и перин; присутствует даже описание еды (вкусовой уровень): «обжираются вареньем» [3; с.117] и пьют драгоценное вино из ночного горшка. Эта сцена называется зрелищем, но важно отметить, что из зрительного поля восприятие при этом полностью исключены цвета. С одной стороны, это акцентирует внимание на происходящих событиях, без отвлечения на созерцание, с другой стороны, подчеркивает весь трагизм происходящего разграбления Тюильрийского дворца. Теперь он потерял не только внешний лоск, но и свою душу. Совокупность сенсорных структур отвечает за восприятие различных сигналов из окружающей среды и позволяет составить полную картину в сознании. Намеренное исключение цветовой палитры усиливает эмоциональную нагрузку. Особенно цветопись важна для признанного мастера детали. В творческом мире И.А. Бунина окружающее пространство всегда красочно и многоцветно.

Образ доносчика на короля пронизан негативными характеристиками. Имя героя - Франсуа – это традиционное мужское французское имя, которое обозначает человека, родившегося во Франции. Фамилия Гамэн с французского переводится как «уличный мальчишка, сорванец» [4]. Это слово становится нарицательным. Со временем оно употребляется для обозначения негативных качеств человека (человек с замашками гамэна). Гамэны встречаются в романе Виктора Гюго «Отверженные»: «Это были мальчуганы от семи до одиннадцати лет. Жили они обычно стайками. Их родители, замученные нищетой и тяжким трудом, не могли, а иногда и не хотели заботиться о них» [5; с. 385]. То есть это были дети лишенные, родительской опеки, заботы и любви. Они все время проводили на улице, бродяжничали. Эти дети были оторваны от своих корней (предков). Также и герой текста И.А. Бунина вместо продолжения династии слесарных работников (отец и дед тоже были слесарями) отрывается от своих корней. Он предает доверие короля, предает свою семью, которая годами работала во дворце. Главное качество, отражающее характер героя и составляющее его сущность, является трусость. Даже перемена статуса (из слесаря в муниципальные офицеры) не смогла изменить главное качество натуры Гамэна. Перемена статуса отразилась на внешнем облике героя. Теперь он «стал разгуливать по Версалью, опоясанный широким трехцветным шарфом, с кокардой на шапке и с дубинкой в руке, производя на встречаемых самое тяжелое впечатление своей худобой и мрачным видом» [3; с.118]. Он по-прежнему не находит себе места. Данная должность не придает ему уверенности и спокойствия, страх заставляет его все время перемещаться в пространстве. Он не ходит, а все время куда-то бежит. Автор описывает его как «высокого, худого, желтолицего и вообще крайне жалкого человека с провалившимися глазами» [3; с.118], «он был полное ничтожество во всех смыслах и невероятный трус» [3; с.118]. Его душевная слабость усиливается с каждым днем его жизни: герой «затрепетал от ужаса» [3; с.118], «не знал покоя ни днем, ни ночью» [3; с.118], «совершенно сошел с ума» [3; с.119], «бедняга умирал от страха» [3; с.119], «истомившись на медленном огне своих тайных мук и страхов» [3; с.119], «затем снова начались его сумасшедшие страхи» [3; с.120]. В описании доносчика Гамэна доминантой становится слово «страх». Это иррациональное, гиперболизированное состояние, при котором отключаются разум и логика. Эмоциональное состояние героя начинается сразу с ужаса, который по силе волнения предшествует самой тяжелой форме – панике. Этот мнимый страх парализует свободу действий и со временем становится шаблоном мышления героя, резко ограничивая его возможности (например, ограничения в еде, социальных контактах). Он не может избавиться от этого навязчивого ощущения, оно полностью подчиняет его себе. Закономерным итогом развития этого состояния является смерть Гамэна. Уход из жизни является таким же растянутым по времени, как и страхи героя. Он промучился целый год, но не смог отпустить или побороть это состояние. Причина трагического финала вынесена в заглавие. И. А. Бунин еще в начале текста настраивает читателя на общий тон повествования и предвосхищает финал. При этом автор отмечает, что страх не был обоснован реальной ситуацией, «но у страха глаза велики» [3; с.120]. Утрата контроля над собственной жизнью, отрыв от реальности и уход в собственные переживания порождают животный страх. Героя пожирает кошмар. При этом данное слово традиционно обозначает пугающее сновидение и состоит оно из двух слов: *caucher* и *mare*. С французского языка данные слова переводятся как «давить» (*caucher*) и «ночное приведение», «дух» (*mare*). В дохристианской мифологии Мара – это божество смерти и зимы [6]. То есть героя в прямом смысле поглотила смерть, которая приняла форму кошмара, перешедшего из грез в явь.

Страх в тексте представлен различными приемами. Во-первых, это волнообразное нагнетание ситуации. От спокойной манеры повествования рассказчика с конкретным временем и местом до лавинообразного описания ситуации, когда сначала человеческая толпа сметает все на своем пути, а затем все переживает в стихийное бедствие, огонь уничтожает то, что еще не уничтожили люди. Далее снова идет волна. От конкретного описания к смене сцены, к безумию и разграблению. От волнения народа, который считал дворец не местом обитания короля, а тюрьмой. То есть дворец – ужасное место, но только в воображении толпы. Во-вторых, страх становится причиной неразумного поведения королевского лакея, который залез в каминную трубу и умирал от голода. Отсутствие здравого рассудка – мотив, реализуемый в тексте многократно. Так, Ролан сошел с ума от желания найти письма. Автор отмечает, что иногда на него «иногда накатывала веселость» [3; с.118], то есть у героя были только два состояния: угрюмое или крайне веселое. Такое же состояние свойственно и Ганему, который «раздумался и затрепетал от ужаса» [3; с.118], далее «заметался в предсмертной тревоге» [3; с.120], то есть с этого момента его судьба предопределена. Герой в прямом смысле умирал от страха. Он с помощью медленных мук отвоевывал разум человека, заставил его «бежать» не раздумывая, хотя реальной угрозы не было. Далее героя вновь посещают сумасшедшие страхи, которые заканчиваются кошмаром, поглотившим героя. Мотив потери рассудка является одной из форм выражения страха. Он охватывает не только отдельных персонажей, но и толпу людей, которые поглощены общим чувством. Они не могут себя контролировать и не быть в едином порыве. Страх становится стихийным. В этом он подобен огню, который невозможно остановить, так как он разрушает все на своем пути и занимает огромные территории, не давая шанс ни единому сантиметру.

Мотив страха в тексте «Человек, который умер от страха» пронизывает все произведение и фактически становится ключевым для развития сюжета. Он реализуется в образе главного героя, который проигрывает борьбу с подсознательными страхами, для него это не естественное состояние, вызванное обстоятельствами, а иррациональное чувство, захватывающее разум и ведущее к физическому разрушению и гибели. Для И.А. Бунина важными являются общечеловеческие ценности. Они должны преобладать несмотря на переменчивость власти и исторические катаклизмы. В тексте представлено два мира: мир прошлого, где были прекрасные сады, дворцы, постоянство, и мир нового, где до основания разрушаются прежние устои, где всем завладевает страх, безумие и уничтожение. Новый мир заполняют символы деструкции. Кровь, пыль, грязь, символы смерти и тления присутствуют в тексте в качестве повторяющихся сюжетных мотивов.

Библиографический список

1. Энциклопедический словарь: в 3-х томах // Гл. ред. Б. А. Введенский. Ленинград, 2-я типография «Печатный двор» им. А. М. Горького, 1954. 720 с. Т. II (К-П) С. 248.
2. Garrigues, Dominique. Jardins et jardiniers de Versailles au Grand Siècle. France: Editions Champ Vallon, 2001. P.3
3. Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общей ред. О.Н. Михайлова. М.: Наследие, 2000. 635 с.
4. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. / Чудинов А.Н., 1910. и [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/13326/GAMEN (дата обращения: 30.07.2023).
5. Гюго В. Отверженные. Москва : Эксмо, 2008. 800 с. Т.1
6. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999 [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/кошмар> (дата обращения: 30.07.2023).

References

1. Encyclopedic dictionary: in 3 volumes // Chief Editor B. A. Vvedensky. Leningrad, 2nd printing house "Printing Yard" named after A.M. Gorky, 1954. 720 p. Vol. II (K-P). P. 248.
2. Garrigues, Dominique. Jardins et jardiniers de Versailles au Grand Siècle. France: Editions Champ Vallon, 2001. P.3
3. Bunin I.A. Journalism of 1918-1953 / Under the general editorship of O.N. Mikhailov. M.: Heritage, 2000. 635 p.
4. Dictionary of foreign words included in the Russian language / Chudinov A.N., 1910. and [Electronic Resource]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/13326/GAMEN (accessed: 30.07.2023).
5. Hugo V. Les Misérables. Moscow : Eksmo, 2008. 800 p. Vol.1
6. Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / RAS, Institute of Linguistics. research; Edited by A. P. Evgenieva. M.: Rus. yaz.; Polygraph Resources, 1999 [Electronic Resource]. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/кошмар> (accessed: 30.07.2023).

УДК 81.13

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.46.96.009

Воронежский государственный технический университет

*старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Сухова К.И.*

*Россия, г. Воронеж, тел. +7(950)778-42-24
e-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru*

Voronezh State Technical University

*The chair of Russian language and cross-cultural communication senior lecturer
Sukhova K.I.*

*Russia, Voronezh, tel. +7(950)778-42-24
e-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru*

К.И. Сухова

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА ВОРОНЕЖСКОЙ ДЕРЕВНИ В РАССКАЗАХ К.Г. ПАУСТОВСКОГО

Для филологической науки, находящейся на современном этапе развития, важными выступают проблемы лингвокультурологии. Неоспоримый интерес для каждого филолога вызывают специфические средства построения художественного образа автором. В статье анализируется художественное пространство рассказа К.Г. Паустовского «Воронежское лето». Выделяются и исследуются лексико-семантические средства, которые служат для вербализации образа деревни. При организации речевыми средствами образа деревни К.Г. Паустовский использует разнообразные указатели, среди которых топонимы, гидронимы и гидролексемы, служащие локальными и темпоральными индикаторами.

Анализ произведения способствует выявлению ключевых доминант при построении образа деревни, к которым относятся особенности речи местных жителей, лексемы, вербализующие растительный мир, объединенные в лексико-семантические подгруппы «Общие наименования флоры», «Наименования трав», «Наименования злаков», «Наименования кустарников», «Наименования деревьев», «Наименования частей растений», «Наименования плодов», животный мир, объединенные в лексико-семантические подгруппы «Общие наименования фауны», «Наименования животных», «Наименования птиц», «Наименования рыб», «Наименования земноводных», «Наименования насекомых», гидролексемы, одоративные лексемы. Названные лексические средства взаимобусловлены и направлены на построение единого органичного образа деревни. Обращение К.Г. Паустовского и изображению локуса Средней полосы России, обладающего незатейливой красотой, сыграло большую роль при выборе выразительных средств: используются метафоры, сравнения, олицетворения, но особое место отведено эпитетам как основной черте идиостиля.

Ключевые слова: образ деревни, К.Г. Паустовский, вербализация, лексико-семантическая подгруппа, топоним, гидроним, флора, фауна.

K.I. Sukhova

VERBALIZATION OF THE IMAGE OF THE VORONEZH VILLAGE IN THE STORIES OF K.G. PAUSTOVSKY

For philological science, which is at the present stage of development, the problems of linguoculturology are important. Indisputable interest for each philologist is caused by specific means of constructing an artistic image by the author. The article analyzes the artistic space of K.G. Paustovsky "Voronezh summer". The lexico-semantic means that serve to verbalize the image of the village are singled out and studied. When organizing the image of the village by speech means, K.G. Paustovsky uses a variety of indicators, including toponyms, hydronyms and hydrolexemes, which serve as local and temporal indicators. Analysis of the work helps to identify key dominants in building the image of the village, which include the features of the speech of local residents, lexemes that verbalize the plant world, combined into lexical-semantic subgroups "Common names of flora", "Names of herbs", "Names of cereals", "Names of shrubs", "Names of trees", "Names of parts of plants", "Names of fruits", fauna, combined into lexical-semantic subgroups "General names of fauna", "Names of animals", "Names of birds", "Names of fish", "Names amphibians", "Names of insects", hydrolexemes, odorative lexemes. These lexical means are interdependent and are aimed at building a single organic image of the village. Message from K.G. Paustovsky and the image of the locus of Central Russia, which has unpretentious beauty, played a big role in the choice of expressive means: metaphors, comparisons, personifications are

used, but a special place is given to epithets as the main feature of the idiostyle.

Key words: image of the village, K.G. Paustovsky, verbalization, lexical-semantic subgroup, toponym, hydronym, flora, fauna.

В последнее время исследование образа малой родины в ряде гуманитарных наук, среди которых особое место занимает лингвистика, вызывает большой интерес. Данной проблематике посвящены работы таких ученых, как И.А. Королева [1, с. 67-73], Г.И. Алиомарова, В.И. Семиляк [2, с. 60-69], Н.А. Белоконов [3, с. 66-73], А.С. Силаков [4, с. 303-306] и проч., которые отмечают, что основным образом в творчестве истинно русского писателя всегда был и останется образ Родины.

Не вызывает сомнений, что К.Г. Паустовский – это масштабная личность, истинный писатель своей Отчизны. Ошибочно было бы говорить о том, что описание малой родины является одним из постоянных мотивов творчества исследуемого автора, однако все его произведения обращены к родной стране, составляющими которой выступают маленькие деревеньки, при их описании прослеживается регулярное обращение к вербализаторам природных богатств – флоры и фауны окружающего мира, что вполне закономерно. Сам автор отмечал, что «природа учит понимать прекрасное. Любовь к родной стране невозможна без любви к ее природе» [5, с. 80]. Так, данное исследование видится нам актуальным, поскольку через вербализацию образа одной из деревень Воронежской области, в которой посчастливилось побывать автору, передано с помощью детального описания окружающего мира чуткое и трепетное отношение ко всей родной России.

Акцентируем: родился К.Г. Паустовский в Москве, а сознательное детство провел в Киеве, поэтому Воронежскую область малой родиной автора в традиционном понимании называть было бы ошибочно, однако, поскольку писатель осознает себя частью русского народа, патриотом своей страны, он не стремится разделять топоры на «свои», где он родился, рос, вырос, и «чужие», которые посещал редко, иногда мимоходом. Каждый квадратный сантиметр земли для него является родным. В связи с этим, на наш взгляд, рассмотрение образа деревни под Воронежем в рассказе «Воронежское лето» К.Г. Паустовского закономерно рассматривать в рамках традиционного подхода к анализу образа малой родины. В качестве рабочей возьмем разработанную нами ранее классификацию средств вербализации образа малой родины в творчестве В.А. Солоухина [6]. Отметим, что названная система в данном исследовании была проработана и расширена в связи с особыми предпочтениями К.Г. Паустовского.

Как известно, заглавие является особым ключевым знаком мастера слова и всегда находится в сильной позиции наряду с эпиграфом, началом и завершением текста [7, с.184-185]. В сильной позиции исследуемого текста находится отсылка к топониму: *Воронежское* – адъектив от города Воронеж, указывающий на принадлежность к этой местности. Кроме того, в заглавии использовано название временного промежутка для обозначения времени действия – *лето*. Так, автор с первых строк текста вводит читателя в летнюю Воронежскую область, определяя при этом точное указание местности – на реке Усмани: «Заповедный лес на реке Усмани под Воронежем – последний на границе донских степей.» [8, с.168]. Кроме того, для указания конкретных локусов и более детального их описания автор, используя прием монтажа – двигаясь от общего (упоминает Россию) к частному (указывает место под Усманию, описывает отдельные дома), выбирает следующие лексемы: *в более северной полосе России, из Москвы, под Воронежем – 2 раза, на курганах, за бугром, из-за бугра, с берегов Усмани, по берегу Каменки, над омутом, заповедный лес – 2 раза, лесная опушка, старый липовый парк, липовый парк, изрытый блиндажами, донская степь, далекая и ветреная степь, пустынная росистая степь, острова старых усадебных садов, небольшой дом отдыха, маленький белый дом, жилище деревенского знахаря*. Так, становится очевидным, что К.Г. Паустовский, признанный певец окружающей природы, где бы ни был, с особым трепетом и любовью относится к тем местам, которые посещает, стараясь их описать настолько точно, чтобы читатель проникся эффектом присутствия, чему способствует авторский арсенал лексических средств, в котором особое место отводится средствам речевой выразительности, а именно, эпитетам, метафорам, сравнениям и олицетворениям. Кроме того, для автора мало единичного упоминания конкретного места, К.Г. Паустовский использует разнообразные локальные указатели, среди которых топонимы, гидронимы и гидролексемы, геолексемы и проч. Отметим, что обозначенные лексемы служат не только локальными, но и темпоральными индикаторами. Так, например, контекст «*липовый парк, изрытый блиндажами*» [8, с.169] свидетельствует о недавно завершившейся войне, и действительно, не только время действия рассказа происходит в эти годы, но и время его написания относится к 1946 году.

Очевидно: невозможно автору построить, а исследователю рассмотреть целостный образ деревни без обращения к людям, растениям и животным, чьи жизнь и существование с ней связаны. Подтверждение этого мы находим в словах самого К.Г. Паустовского: «Я уверен, что для полного овладения русским языком, для того, чтобы не потерять чувство этого языка, нужно не только постоянное общение с простыми русскими людьми, но также общение с пажитями и лесами, водами, старыми ивами, с пересвистом птиц и с каждым цветком, что кивает головой из под куста лещины» [9, с. 97].

Установлено, что одной из основных черт идиостиля К.Г. Паустовского является использование в речи героев с целью отражения местного колорита диалектизмов и просторечных слов. Например, при передаче речи мальчиков, встретившихся герою на реке, автор использует лексемы, с характерными для юга нашей страны фонетическими, лексическими, синтаксическими, стилистическими особенностями: «Дяденька, дай *крючка!*» [8, с.170], «*Не! Все одно мы бы не убегли. Мы большие. А те – махонькие.*» [8, с.171], «*Запрошлое лето*» [8, с.171], «Так дядя Саша *ка-ак* закинет удочку, *ка-ак* у него возьмет, *ка-ак он дерганет, ка-ак* вытащит – вот такого окуня!» [8, с.171], «*Не! Я здешний. Мне тут привольно... Чего-чего я тут не напридумую.*» [8, с.173].

Приведенные контексты – лишь малая часть, свидетельствующая о том, что К.Г. Паустовский стремится изображать своего героя, будь то автобиографический персонаж или маленький мальчик, в момент общения с окружающим миром. Для автора критерием истинного в каждом человеке выступает способность откликаться изменениям, происходящим в природе. Автор стремится донести идею о том, что в настоящей личности должны гармонично сочетаться человеческое, творческое и природное начала. Так, для деревенских мальчишек критерием истинного писательского таланта выступает умение подсекать рыбу: «– Вы кто? *Писатель?* – спросил меня сразу же Федя./– Да, писатель./– А вы давно заступили в писатели?/– Давно./– *Что-то не видно*, – сказал Федя и подозрительно посмотрел на меня./– Почему это не видно?/– *Рыба клюет, а я гляжу, вы все зеваετε.*» [8, с.171], «– Запрошлое лето тут *два писателя* тоже рыбу ловили... Так дядя Саша *ка-ак* закинет удочку, *ка-ак* у него возьмет, *ка-ак он дерганет, ка-ак* вытащит – вот такого окуня! *В локоть! Раз за разом!* А дядя Жора – так тот не мог. У дяди Жоры не получалось. *Сидит-сидит весь день и вытащит плотвичку. Худую, мореную.*// Тоже лезешь!.. Так ведь дядя Жора *вовсе не был писателем. А дядя Саша – так тот писатель.*» [8, с.171].

Как отмечалось выше, каждый персонаж в творчестве исследуемого автора является закономерным элементом природы, наблюдателем, другом. В текстах К.Г. Паустовского природа наделена жизнеутверждающей универсальной силой, поэтому любые ее дети, к которым относятся человек, животное или растение, способны к созиданию. Обратимся к подробному рассмотрению вербализаторов флоры и фауны Воронежской летней деревни.

При исследовании данного рассказа было обнаружено, что К.Г. Паустовский особое внимание уделяет флоре Воронежской местности, все разнообразие которой отражено в ходе исследования было распределено по лексико-семантическим подгруппам. Это лексемы, обладающие предметно-вещественной семантикой, имеют важное значение не только для писателя, но и для всего русского народа.

При анализе произведения были выявлены следующие подгруппы фитолексем:

1. Общие наименования флоры, к которым относятся *травы* – 9 раз, *растение* – 5 раз, *куст* – 3 раза, *хлеба* – 2 раза, *урожай*.
2. Наименования трав: *топтун* – 3 раза.
3. Наименование злаков: *пиеница*.
4. Наименования кустарников: *малина, лозняк*.
5. Наименования деревьев: *липа* – 2 раза,
6. Наименования частей растений: *цветы* – 9 раз, *стебель, ветви, листья, венчики, лепестки, тычинки, колосья, пыльца*.
7. Наименования плодов.

Итак, при построении образа летней деревни К.Г. Паустовский обращается к лексическим средствам, вербализирующим растительный мир. Наиболее употребительными из них выступают вербализаторы с семантикой общих фитонимических наименований, также частотны наименования отдельных частей растений, а именно, *цветы*, среди трав автор отдает предпочтение *топтуну*, среди злаков – *пиенице*, среди кустарников – *малине и лозняку*, среди деревьев – *липе*, в тексте не встрети-

лось ни одной лексемы, служащей для наименования плодов. Словно создавая мир волшебной сказки или ювелирной природной мастерской, К. Г. Паустовский описывает эти растения: «Я погрузился в заманчивый мир разнообразных листьев, венчиков, лепестков, тычинок, колосьев, в мир растительных запахов и чистых красок.» [8, с.172]; «И все это маленькое растение так сверкало у наших ног, будто оно было действительно сделано из хрусталя.» [8, с.174]; «По берегу Каменки цвели крупные цветы топтуна. Они были похожи на маленькие белые звезды.» [8, с.172]. С этими представители растительного мира крепко связаны все Воронежские деревни, что автор мастерски передал в исследуемом произведении.

Здесь, как и во всех художественных текстах, К.Г. Паустовский напоминает о ценности и удивительности каждого растения, к которому необходимо относиться с особым трепетом, важно, не нарушая законов природы, познать и разгадать ее тайны, из этого и складывается постижение человеком всего мира. В связи с чем, на наш взгляд, автор наделяет деревенских мальчишек профессией пастуха: они органично вписываются в природный мир, стремятся изучать законы флоры и фауны, бережно к ним относятся.

Обратимся к фауне Воронежского края, вербализируемой в тексте К.Г. Паустовского. В связи с использованием автором определенных вербализаторов и их частотностью, зоолексемы были разбиты на следующие лексико-семантические подгруппы.

1. Общие наименования фауны, к которым относятся *стадо* – 3 раза, *птицы* – 3 раза, *рыба* – 8 раз.
2. Наименования животных: *корова*.
3. Наименования птиц: *коршун, синица, щегол, малиновка, иволга, чиж*.
4. Наименования рыб: *плотва* – 2 раза, *окунь*.
5. Наименования земноводных: *лягушка*.
6. Наименования насекомых: *водяной паук*.

При обращении к лексическим средствам, вербализирующим животный мир, К.Г. Паустовский наиболее часто использует лексемы с семантикой общих зоонимических наименований, а именно, *стадо, птицы, рыба*. Особым разнообразием отличается лексико-семантическая подгруппа «Наименования птиц», поскольку орнитолексемы употребляются автором в качестве пространственно-временных индикаторов средней полосы России, климатические условия которой особенно привлекательны в летнюю пору, речь о которой ведется в исследуемом произведении. Представители лексико-семантических подгрупп «Наименования земноводных» и «Наименования насекомых» единичны, здесь следует отметить, что они принадлежат к природной сфере *воды*.

Очевидно, что жизнь флоры и фауны невозможно представить без такого природного элемента, как *вода*. В анализируемом тексте вода выступает одной из доминант, о чем свидетельствует разнообразность лексем, ее вербализирующих, и частотность их употребления. Данный природный элемент представлен гидронимами *Дон, Усмань* (встречается 2 раза): «Заповедный лес на реке *Усмани* под Воронежем – последний на границе *донских* степей.» [8, с.168], «Я приносил из степи, с берегов *Усмани*, из заповедного леса охапки разных цветов и трав и определял их.» [8, с.172], *Каменка* (употребляется 6 раз): «В степи, недалеко от старого липового парка, поблескивает в отлогой балке маленькая река *Каменка*.» [8, с.168], «По берегу *Каменки* цвели крупные цветы топтуна.» [8, с.172]. Автор вводит данные наименования водоемов с целью придать достоверность своему повествованию и уточнить локус действия, описанного в рассказе. Кроме того, сама лексема *вода* употребляется в тексте 5 раз в контекстах, связанных с водоемом, что вполне соответствует традиции: русская лексикография среди прочих фиксирует следующую семантику лексемы *вода*: «водная поверхность»; «пространство, покрытое водой: река, озеро, болото» [10, с. 76], будь то чистая прогретая *вода* Каменки; серая *вода*, в которой стоят поплавки, или *вода*, покрывающаяся кругами от упавшей в нее капли. Интересно, что каждый связанный с этим природным явлением контекст, обязательно сопровождается эпитетом. Вероятно, таким образом К.Г. Паустовский стремится привлечь внимание читателя и передать в словах собственное благоговейное отношение.

С особой любовью автор относится к *дождю*, чем и объясняется высокая частотность употребления данной лексемы – 9 раз. Именно это атмосферное явление способствует высокому плодородию воронежского чернозема, способного дать работу крестьянам и пищу жителям деревни. Отражение благодати, ниспосланной с дождем, находим в верованиях древних славян, где лексема *дождь* является видоизмененным от *даждь* – древнеславянского *дай*, которое использовалось при обращении к *Даждь – богу* – самому могущественному древнеславянскому божеству. В исследуемом произведении основная семантика лексемы *дождь* уходит на второй план, для К.Г. Паустовского *дождь* – это

природное явление, которое необходимо созерцать, наслаждаться его красотой, наблюдая за ним, человек способен привести в порядок мысли и чувства, наполниться энергией, добротой: «Ворсистые стебли топтуна были сплошь *покрыты каплями дождя*. И все это маленькое растение *так сверкало* у наших ног, будто оно *было действительно сделано из хрусталя*.» [8, с.174]. Дождь наряду с пшеницей выступает важной составляющей доброго лета в Воронежской деревне: «*Лето было действительно полно неувимой доброты – и в легком шуме дождей, и в запахе зреющей пшеницы – предвестнике урожая*.» [8, с.174].

Важное место при описании деревни К.Г. Паустовский отводит лексемам, вербализующим *запах*. В основном это аромат трав и деревьев: *растительный запах, лекарственный дух степных растений, запах цветущих лип, сильные запахи травы, хлеба и земли, запах зреющей пшеницы*. Однако употреблен единичный, но красноречивый пример – «Сильнее *запахли травы, хлеба и земля*. Из-за бугра потянуло *парным молоком*...» [8, с.174], то есть для автора при построении образа деревни эти запахи составляют одинаковую ценность, кроме того, он акцентирует внимание на их взаимообусловленности: соседствующие предложения, где описываются ароматы травы и парного молока, т.е. возникновение молока невозможно без существования травы. Таков закон деревни – закон природы.

Так, мы можем заключить, что рассказчик, в образ которого автор вписал самого себя – городской писатель, приехавший погостить в деревню Воронежской области, истинный ценитель окружающей природы, для которого образ деревни складывается в органичную систему, в которой все элементы гармонично сосуществуют. Сама же система состоит из жителей деревни с характерными речевыми особенностями, флоры и фауны, соответствующими климатическому поясу, воды – источника не только способствующего зарождению и продлению жизни, но и дарующего красоту тому, что способен ее видеть, ароматов летних растений и парного молока. Обращение К.Г. Паустовского и изображению деревни под Воронежем – локуса Средней полосы нашей страны, обладающего незатейливой красотой, сыграло большую роль при выборе выразительных средств. Автор приходит к мысли о том, что язык должен быть «сроден чистоте и точности окружающих вещей, явлений и красок» [11, с.289], то есть о простом нужно писать ясным языком. В то же время писатель не оставляет своего излюбленного приема – употребления эпитетов при построении образа окружающей природы.

Библиографический список

1. Королева И.А. Образ малой родины в творчестве представителей смоленской поэтической школы. // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. № 2 (45). Воронеж, 2022. С. 67-73.
2. Алиомарова Г.И., Семиляк В.И. Языковая репрезентация образа родины в произведениях А. Абу-Бакара // Современные исследования социальных проблем, № 2(1). 2016. С. 60-69
3. Белоконь Н.А. Образ «Малой родины» и геокультурная самоидентификация писателей в литературе советского периода. Горловка, 2016. С. 66-73.
4. Силаков А.С. Образ малой родины в представлении учащейся молодёжи. М., 2019. С. 303-306.
5. Тихонов А.Н. Словарь афоризмов русских писателей / А.Н. Тихонов, А.В. Королькова, А.Г. Ломов; под рук. А.Н. Тихонова. М.: Рус. яз.-Медиа, 2004. 627 с.
6. Сухова К.И. Вербализация образа малой родины в лирике В.А. Солоухина /канд. дис. // Воронеж, 2022. 196 с.
7. Николина Н.А. Филологический анализ текста. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.
8. Паустовский К.Г. Собрание сочинений в шести томах. Т. 5. М.: государственное издательство художественной литературы, 1958. 663с.
9. Русская литература XX века: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений: В 2 т.- Т.2: 1940 – 1990-е годы /Л.П. Кременцов, Л.Ф. Алексеева, Н.М. Малыгина и др.; Под ред. Л.П. Кременцова. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 464с.
10. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М., 2017. 960 с.
11. Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Художественная литература, 1983, т. 8, С. 289.

References

1. Koroleva I.A. The image of a small homeland in the work of representatives of the Smolensk poetic school. // Topical issues of modern philology and journalism. No. 2 (45). Voronezh, 2022, pp. 67-73.
2. Aliomarova G.I., Semilyak V.I. Language representation of the image of the motherland in the works of A. Abu-Bakar // Modern studies of social problems, No. 2(1). 2016. Pp. 60-69.

3. Belokon N.A. The image of the "Small Motherland" and geocultural self-identification of writers in the literature of the Soviet period. Gorlovka, 2016, pp. 66-73.
4. Silakov A.S. The image of a small homeland in the minds of students. M., 2019. Pp. 303-306.
5. Tikhonov A.N. Dictionary of aphorisms of Russian writers / A.N. Tikhonov, A.V. Korolkova, A.G. Lomov; under the hand A.N. Tikhonov. M.: Rus. yaz.-Media, 2004. 627 p.
6. Sukhova K.I. Verbalization of the image of a small homeland in the lyrics of V.A. Soloukhina /cand. dis. // Voronezh, 2022. 196 p.
7. Nikolina N.A. Philological text analysis / N.A. Nikolina. M.: Publishing Center "Academy", 2003. 256 p.
8. Paustovsky K.G. Collected works in six volumes.- T. 5. M.: State publishing house of fiction, 1958. 663 p.
9. Russian literature of the XX century: Proc. allowance for students. higher ped. textbook institutions: In 2 volumes - V.2: 1940 - 1990s / L.P. Kremontsov, L.F. Alekseeva, N.M. Malygin and others; Ed. L.P. Kremontsov. M.: Publishing Center "Academy", 2005. 464 p.
10. Ushakov D.N. Big explanatory dictionary of the Russian language: modern edition. M., 2017. 960 p.
11. Paustovsky K. G. Collected works: in 9 volumes. M.: Fiction, 1983, vol. 8, p. 289.

УДК 81'37; 81'38

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.88.29.010

*Петрозаводский государственный университет
кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка
Казаковцева О.С.
Россия, г. Петрозаводск, тел. +79602163436
e-mail: olga_danilova90@mail.ru*

*Petrozavodsk State University
The chair of Russian language
Candidate of Philological Sciences, senior lecturer
Kazakovtseva O.S.
Russia, Petrozavodsk, tel. +79602163436
e-mail: olga_danilova90@mail.ru*

О.С. Казаковцева

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭПИТЕТОВ В ЛИРИКЕ А.П. СУМАРОКОВА

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991/>

Статья посвящена анализу функционирования в поэтическом тексте эпитетов как одного из изобразительно-выразительных средств. В данной работе производится морфологический и лексико-семантический анализ эпитетов в одах А. П. Сумарокова, а также определяется их стилистическая функция. Актуальность исследования заключается в отсутствии специальных работ по изучению эпитетов в лирике А. П. Сумарокова, в частности, в одическом жанре. В силу превалирования прилагательного в роли эпитета именно эти слова стали основным объектом лексико-семантического и стилистического анализа. Наряду с полными формами прилагательных и причастий в одах Сумарокова используются и усеченные, характерные для поэтического языка XVIII века. Основным местом эпитета по отношению к главному слову в словосочетании является контактная препозиция. Удлинение эпитетного ряда происходит за счет цепочечного нанизывания красочных определений. В 98 % случаев ряд включает два эпитета, парное соединение с помощью союза *и* для анализируемых текстов не характерно. Торжественный пафос оды обуславливает использование эпитетов с семантикой восхваления и оценочности, а также эпитетов-прилагательных, выраженных превосходной степенью сравнения. Колоративная лексика встречается sporadически и представлена двумя хроматическими цветами: красный и зеленый. С помощью хронотопических эпитетов автор показывает обширные территории своей родины. Использование перифрастических оборотов, античных образов и средств народно-поэтической речи в составе эпитетных словосочетаний помогает А.П. Сумарокову достичь речевой выразительности и большей образности при характеристике лиц и объектов окружающего мира, способствует созданию патетического тона жанра оды.

Ключевые слова: А.П. Сумароков, русская литература XVIII века, эпитет, ода, стилистика художественного текста.

O.S. Kazakovtseva

FUNCTIONING OF EPITHETS IN THE LYRICS OF A. P. SUMAROKOV

*The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991/>

The article is devoted to the analysis of the functioning of epithets in the poetic text as a type of expressive means. In this research we perform a morphological and lexico-semantic analysis of epithets in the odes of A. P. Sumarokov and also determine their stylistic function. The relevance of the study lies in the lack of special works on the study of epithets in the lyrics of A. P. Sumarokov, in particular, in the odes. Due to the prevalence of the adjective in the role of an epithet, these words became the main object of lexico-semantic and stylistic analysis. Along with the full forms of adjectives and participles, A. P. Sumarokov uses truncated forms, characteristic of the poetic language of the 18th century. The main place of the epithet in the phrase is the contact preposition. The lengthening of the epithet series occurs through the chaining of colorful definitions. In 98% of the cases the series includes two epithets, the paired connection with the conjunction "and" is not typical for the analyzed texts. The solemn pathos of the ode determines the use of epithets with the semantics of eulogy and evaluation as well as apply epithet-adjectives in the superlative degree.

The colouratives occurs sporadically, and is represented by two chromatic colors: red and green. Through chronotopic epithets, the author shows the vast territories of his homeland. A. P. Sumarokov uses periphrasis, ancient images and means of popular-poetic speech in epithetical word combinations which help him achieve the speech expressiveness and greater imagery in describing people and objects of the world and create a pathetic tone for the ode.

Keywords: A. P. Sumarokov, Russian literature of the 18th century, epithet, the ode, stylistics of a literary text.

А.П. Сумароков, один из крупных представителей русской литературы XVIII века, оставил после себя большое творческое наследие, отличающееся широтой и разнообразием. В.П. Степанов, высоко оценивая деятельность поэта, отмечает, что «Сумароков создал жанровую систему литературы нового периода, представил образцы практически всех литературных форм (кроме эпоса) и завершил работу по нормированию языка и стиля» [1; с. 198].

Однако, несмотря на литературные заслуги А.П. Сумарокова, творчество его не было по достоинству оценено современниками и последователями. Как пишет П.Н. Берков, спустя полвека после кончины поэта «вспоминали о нем только для того, чтобы повторять традиционные суждения о Сумарокове как о писателе совершенно ничтожном» [2; с. 5]. Переоценку творчества Сумарокова находим в трудах В.Г. Белинского: «Сумароков был не в меру превознесен своими современниками и не в меру унижаем нашим временем. Мы находим, что как ни сильно ошибались современники Сумарокова в его гениальности и несомненности его прав на бессмертие, но они были к нему справедливее, нежели потомство. Сумароков имел у своих современников огромный успех, а без дарования, воля ваша, нельзя иметь никакого успеха ни в какое время» [3; с. 124].

Одним из литературных жанров, в котором воплощал свое творчество А.П. Сумароков, была ода. Ода имеет глубокие корни: в античности это был торжественный жанр поэзии, который прославлял героев или важное событие. Главная функция оды – панегирическая – требовала от жанра особого воплощения. «Похвальные стихи предназначались для устного исполнения в присутствии адресата (монарха или вельможи) и мыслились как часть придворного праздничного ритуала» [4; с. 388]. В XVIII веке устная традиция вытесняется преподношением оды в виде брошюры адресату во время торжественных церемоний. Однако «дальнейшее развитие книгопечатания и зарождающаяся традиция издания поэтических сборников во второй трети XVIII века неизбежно привели к изменению статуса торжественной оды» [4; с. 388].

Первые публикации од А.П. Сумарокова относятся к 1740 году. Большинство из них было опубликовано в виде отдельных брошюр и приурочено к какому-либо важному событию государственной жизни [4; с. 391–396]. Несмотря на имеющиеся научные работы по изучению творчества А.П. Сумарокова, поэтическое наследие поэта все еще нуждается в подробном его изучении, о чем свидетельствует и относительно небольшой ряд статей, посвященных анализу языка писателя.

Целью статьи является морфологический, лексико-семантический анализ эпитетов и определение их стилистической функции в одах А. П. Сумарокова. Материалом для настоящего исследования послужили 34 оды из второго издания Большой серии «Библиотеки поэта», подготовленного П. Н. Берковым [5; с. 49–107]. Методом сплошной выборки из анализируемых текстов нами извлечено порядка 300 словосочетаний с эпитетами. Предметом нашего разыскания являются эпитеты в одах А. П. Сумарокова. Несмотря на давнюю традицию изучения этого тропа, «до сих пор не существует законченной и общепризнанной теории эпитета» [6; с. 42]. Под эпитетом будем понимать «слово, образно определяющее предмет или действие, подчеркивающее характерное их свойство» и выполняющее эстетическую функцию [7; с. 460].

В настоящей статье рассматриваются эпитеты, выраженные именами прилагательными и причастиями. Эпитеты, представленные наречиями, словами категории состояния и деепричастиями, анализу не подвергаются.

Имена прилагательные являются основной формой выражения эпитетов в одах А.П. Сумарокова. Наряду с полными формами встречаем и усеченные формы прилагательных, характерные для языка XVIII века [8; с. 37], к примеру: *любезны чада* (92), *высоки горы* (62), *чисты ключи* (107) (здесь и далее по тексту в скобках указывается номер страницы источника [5], откуда взят пример). Также усеченными формами (реже) представлены причастия: *цветущу младость* (104), *кипяща ярость* (72). Доля усеченных форм прилагательных и причастий в анализируемых текстах равна 10 % от общего числа эпитетов.

Торжественный пафос жанра оды обуславливает использование эпитетов, представленных превосходной степенью имен прилагательных: *в сладчайшем исступлении* (106), *крепчайший мост* (90). Использование данных форм как примету высокого стиля отмечает М. В. Ломоносов: «Словенский

рассудительный и превосходный степень на ший мало употребляется кроме важного и высокого стиля, особенно в стихах: *далечайший, свѣтлѣйшій...*» [9; с. 467]. Также для выражения высокой степени качества объекта используется приставка *пре-*: *прехвальные победы* (56), *в бездну преглубоку* (87), *премудрую Екатерину* (66). Стоит отметить, что такое образование степеней сравнения было зафиксировано в грамматических учениях. Так, в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова находим: «Превосходный степень составляется из положительного и из предлога *пре*: богатый, пребогатый; великий, превеликий; сладкой, пресладкой; сильной, пресильной» [9; с. 466].

Эпитеты в анализируемых текстах располагаются преимущественно (72 % примеров) в препозиции: *от мрачного забвения* (91), *горький стон* (89), *Великого Петра* (63). Несмотря на то, что в поэтическом тексте инверсия – одна из распространенных фигур речи, в одах Сумарокова находим инверсированный порядок в словосочетаниях с эпитетом только в 24 % случаев: *песок бесплодный* (62), *счастья шаткого* (54). Кроме контактной позиции встречаются и немногочисленные примеры «разрывного» расположения эпитетов относительно главного слова (по 2 % случая): дистантное препозитивное (*суровой возгласу трубою* (88), *любезного имея друга* (104) и дистантное постпозитивное положение эпитетов (*крови ты преславной* (78), *день предшествует огромный* (68). В большинстве случаев разрывающий компонент представлен глаголом. Типичной структурной особенностью расположения эпитетов является нахождение одного красочного определения при главном слове. С.А. Губанов применяет для обозначения такого сочетания (определяемое слово + эпитет) термин *эпифраза* [10; с. 9].

Как правило, в одах Сумарокова в состав эпифразы входит простой эпитет. Сложные эпитеты представлены единичными примерами: *благословенны лета* (63), *благоуханных роз* (105), *благополучных дней* (89), *благовонные цветочки* (107). Обращает на себя внимание, что все представленные сложные эпитеты имеют в первой своей части корень старославянского происхождения *-благо-*, используемый автором для придания тексту возвышенности звучания. Также в текстах од встречаем употребление нескольких эпитетов при одном определяемом слове, называемые *эпитетными комплексами* [10; с. 14]. В анализируемых текстах подобные сочетания составляют 4 % от общего числа примеров.

Расширение эпифразы до эпитетного комплекса, согласно С.А. Губанову, может происходить несколькими способами: «расширение эпитета за счет грамматически зависимых от него слов; удлинение эпитетного ряда за счет нанизывания эпитетов (формирование двух-, трех-, четырехлексемной цепочки эпитетов); повтор эпитета при одном определяемом слове и при разных определяемых словах» [11; с. 52].

В текстах од Сумарокова основной тип построения эпитетного комплекса – цепочечное нанизывание эпитетов: *божественный твой трон* (57), *единственный сей громкий глас* (78), *российский славный обладатель* (67), *шумных водных недр* (62), *престрашный смертный час* (86), *ложных сих имен* (57), *глас сей дерзновенный* (57), *смертный сей устав* (87). Стоит отметить, что почти в 98 % случаев цепочка эпитетов формируется из двух лексем. «Парное» объединение лексем в составе эпитетного комплекса применяется автором нечасто (2 % случая): *до возжеланных и долго ожидаемых дней* (81), *мужей толь мудрых и избранных* (75), *щедродюбивая и всемогуща сила* (84). Удлинение эпитетного ряда как стилистический прием позволяет автору создать более объемный образ описываемого объекта и конкретизировать его. Любопытен пример использования рядом стоящих постпозитивных и препозитивных эпифраз в одной строке, например: *подушки мягкие, на мягких муравах* (105), *ея дел славных громкий шум* (59). Благодаря такому чередованию инверсированного и прямого порядка слов в большей мере акцентируется внимание на эпитетном прилагательном.

По семантическому параметру (в настоящей работе семантические группы эпитетов выделяем, основываясь на работы С. А. Губанова [10], [11]) оценочные эпитеты преобладают в анализируемых текстах А. П. Сумарокова (58 % от общего числа эпитетов): *счастливой судьбою* (71), *прославленной победы* (63), *весну прекрасну* (104). Среди них большой пласт занимают метафорические эпитеты: *послушный ветер* (62), *песок бесплодный* (62). Привлекает внимание частое употребление в переносном значении эпитета *гордый*: *башни гордые* (97), *гордый Илион* (55), *гордые валы* (59), *рог гордый* (64), *гордые реки* (94). Прилагательное, имеющее одно из своих значений «возвышенный, высокий» [12] поддерживает соответствующий тон панегирического повествования. Торжественно-прославительное звучание создается, в том числе, благодаря использованию эпитетов при характеристике лица с семантикой восхваления: *Великого Петра* (63), *гордый повелитель* (57), *велику Анну*

(49), *мудрые цари* (79), *храбра дева* (65). Общее число подобных эпитетов составляет 15 % от общего числа красочных определений.

При обозначении лиц А. П. Сумароков использует не только их имена (Петр, Анна), но и перифрастические обороты. Так, вместо имени Петра используются перифразы «*Российский славный обладатель / И града Невского создатель*» (67), вместо имени Екатерины – «*храбра дева, / Диана, иль Петрова дочь*» (65). Употребление перифрастических выражений было свойственно для поэзии классицизма и обуславливалось стремлением автора к «своеобразно понятной красивости, к речевому разнообразию» [13; с. 7]. Среди имен собственных в эпитетных словосочетаниях встречаем имена античных персонажей (*Борей, бесстрашно дерзновенный* (59), *багряная Аврора* (74) и древних деятелей искусства (*сладкому Анакреонту* (103)). Обращение к античности – примета классицистического стиля, позволяющая создать приподнятый тон произведению благодаря использованию подобных имен.

Следующими по частоте своего использования являются «эмпирические эпитеты», обозначающие физические свойства бытия (осязательные, обонятельные, слуховые и зрительные эпитеты), их доля в одах А.П. Сумарокова равна 11 %: *громкий глас* (78), *благовожные цветочки* (107), *на мягких муравах* (65). К данной группе примыкают и цветочные эпитеты, однако случаи их употребления единичны. Колоративы в одах А.П. Сумарокова представлены двумя хроматическими цветами: зеленый и красный (и его оттенки): *луга зелены* (104), *зеленые леса* (105), *красный луч* (60), *багряная Аврора* (74), *лучом багряным* (67). Колоратив *красный* используется автором не только для обозначения цвета (*красный луч* (60), но и как характеристика радостного, счастливого периода [14; с. 240]: *красный день* (106). Для противопоставления светской жизни, от которой хочет убежать лирический герой, автор использует прилагательное темный (*сокроюся в лесах я темных* (92)). Исследователи относят данный колоратив к группе прилагательных, «называющих характеристики, сопутствующие цвету» [15; с. 49]. Еще одна группа колоративов, используемая автором, – «колоративы, соотнесенные с предметами» [15; с. 50], к примеру, абрикосовый, медный. В текстах А.П. Сумарокова находим эпитетное прилагательное в неполногласной форме *златой*: *златые веки* (66). Колоратив используется для обозначения поры блаженства и благоденствия. Образ счастливого времени, по замечанию исследователей, создаваемого сочетанием *златой век*, был характерен для поэтов как XVIII, так XIX века [16; с. 40].

Следующая семантическая группа эпитетов, встречаемая в одах А. П. Сумарокова, – хронотопические, или пространственно-временные эпитеты (в классификации С. А. Губанова [10] они рассматриваются в составе эмпирических эпитетов, мы же выделяем их в отдельную семантическую группу вслед за Н. В. Патроевой [6; с. 40]), составляет 10 % от общего числа красочных определений. Например, *минувший век* (106), *дальний океан* (96). С помощью хронотопических эпитетов автор создает картину обширных территорий России и географических объектов, находящихся на ней: *пространнейшее море* (54), *обширная страна* (69), *высоки горы* (62), *великий океан* (59), *обширна града* (73), *пространные границы* (66). По наблюдениям Н. А. Кожевниковой, «для Сумарокова ... характерно представление о громадных пространствах России» [17; с. 106]. При описании объектов окружающего мира, а также для обозначения определенного периода обнаруживаем использование устойчивых словосочетаний – постоянных эпитетов: *долины чистые и ясны небеса* (105), *высоки горы* (62), *луга зелены* (104), *златые веки* (66). В науке до сих пор нет единого терминологического обозначения данных словосочетаний, о чем свидетельствует ряд исследований [18], [19], [20].

О.П. Лопутько выделяет признаки постоянных эпитетов, среди которых: распространенность в произведениях фольклора; передача эпитетами зрительных впечатлений; серийность реализации эпитетов, употребительность в ряду других подобных сочетаний; точное воспроизведение формульного микроконтекста; закреплённость в мифологии и ритуале [21; с. 81–85]. Использование постоянных эпитетов как элемента народно-поэтической речи используется для словесного украшения повествования. По словам А. П. Евгеньевой, «стилистическая функция постоянного эпитета заключается, таким образом, в том, что в нем с особенной силой должен проявляться тот общий идеальный, «праздничный» план, в котором ведется, по мнению исследователей, эпическое повествование» [22; с. 180].

Также стоит учитывать, что «XVIII век был веком регламентации, нормирования, веком культивирования поэтических клише, штампов, шаблонов», поэтому и в одах А. П. Сумарокова наблюдаем следование поэтической традиции, где «предмет, о котором идет речь, требует для своего изображения тех или иных трафаретных формул» [17; с. 121].

Подводя итог исследованию, отмечаем, что эпитеты как изобразительно-выразительное средство языка активно используются в одах А. П. Сумарокова, поддерживают высокое звучание данного

поэтического жанра. В одах Сумарокова эпитеты (в основном, одиночные прилагательные) располагаются преимущественно препозитивно. Расширение эпифразы происходит за счет цепочечного наизывания красочных определений, благодаря которому создается более объемный образ описываемого объекта. Кроме общезыковых эпитетов находим и постоянные красочные определения, свойственные народно-поэтической речи, что является не только примером следования поэтической традиции XVIII века, но и способом словесного украшения. Торжественно-приподнятый характер оды, несомненно, накладывает отпечаток на выбор атрибутивной лексики, что подтверждается использованием эпитетных прилагательных в форме превосходной степени, употреблением эпитетов с оценочной семантикой как при характеристике лица, так и при определении объектов окружающего мира. В следовании традиций литературного направления и для создания возвышенного слога А. П. Сумароков использует античные образы. Таким образом, эпитет в творчестве А. П. Сумарокова служит важным средством создания торжественного характера одического жанра.

Библиографический список

1. Степанов В. П. Сумароков А. П. // Словарь русских писателей XVIII века. Выпуск 3. Р–Я. СПб: Наука, 2010. С. 184–199.
2. Берков П. Н. Жизненный и литературный путь А. П. Сумарокова // А. П. Сумароков. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 5–46.
3. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М.: Издательство Академии наук СССР. Т. 10. 1956. С. 124–135.
4. Вроон Р. «Оды торжественные» и «Елегии любовные»: история создания, композиция сборников // Сумароков А. П. Оды торжественные. Елегии любовные. Репринтное воспроизведение сборников 1774 года. М.: ОГИ, 2009. С. 387–468.
5. Сумароков А. П. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1957. 606 с.
6. Патроева Н. В. Стилистика художественной речи. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2018. С. 42–46.
7. Котюрова М. П. Стилистические ресурсы лексики (лексическая стилистика) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 456–469.
8. Кулева А. С. Усеченные прилагательные в русской поэзии // Русская речь. 2008. № 3. С. 35–39.
9. Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. Т. 7. С. 460–470.
10. Губанов С. А. Эпитет в творчестве М. И. Цветаевой: семантический и структурный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2009. 24 с.
11. Губанов С. А. Структурные типы эпитетных комплексов в творчестве М. Цветаевой // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 5/2 (64). С. 51–60.
12. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб: Норинт, 1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 20.01.2023).
13. Григорьева А. Д. Поэтическая фразеология конца XVIII – начала XIX века (именные сочетания) // Образование новой стилистики русского языка в Пушкинскую эпоху. М: Наука, 1964. С. 3–121.
14. Красный // Словарь русского языка XVIII века. СПб: Наука. 1998. Вып. 10. Кастальский–Крепостца. С. 237–242.
15. Барина О. В. К проблеме классификации колоративов в лексикографическом аспекте // Sciences of Europe. №3 (3). 2016. С. 49–51.
16. Рожкова А. В. Эпитеты в ранней лирике В. К. Тредиаковского // Libri Magistri. 2022. № 3 (21). С. 35–45.
17. Кожевникова Н. А. «Оды торжественные» А. П. Сумарокова: язык и стиль // А. П. Сумароков: Жизнь и творчество: сб. ст. и материалов. М.: Пашков дом. 2002. С. 98–132.
18. Губанов С. А. Статус постоянного эпитета в эпитетологии: к теории вопроса // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2020. № 2 (17). С. 17–22.
19. Пименова М. В. Устойчивые единицы древнерусского текста: семантика и структура // Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія "Лінгвістика". 2013. Вип 18. С. 45–49.
20. Творогов О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. М., Л.: Издательство Академии наук СССР. 1964. Т. 20. С. 30–40.
21. Лопутько О. П. Постоянные эпитеты и история прилагательных // Русский язык в школе. 2004. № 5. С. 81–85.

22. Евгеньева А. П. О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII–XIX вв. (постоянный эпитет) // Труды Отдела древнерусской литературы. М., Л.: Издательство Академии наук СССР. 1948. Т. VI. С. 154–189.

References

1. Stepanov V. P. Sumarokov A. P. // Dictionary of Russian writers of the XVIII century. Issue 3. R–Ya. St. Petersburg: 2010, p. 184–199.
2. Berkov P. N. Life and Literary Way of A. P. Sumarokov // A. P. Sumarokov. Selected Works. Leningrad. 1957. P. 5–46.
3. Belinsky V. G. The Complete Works. Moscow. Vol. 10. 1956. P. 124–135.
4. Vroon R. Ode solemn and Elegies of Love: History of Creation, Composition of Collections // Sumarokov A. P. Ode solemn. Elegies of Love. A Reprint of the Collected Works of 1774. Moscow, 2009. P. 387–468.
5. Sumarokov A. P. Selected works. Leningrad, 1957. 606 p.
6. Patroeva N. V. Stylistics of artistic speech. Petrozavodsk, 2018. P. 42–46.
7. Kotiurova M. P. Stylistic resources of vocabulary (lexical stylistics) // Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian language. Moscow, 2011. P. 456–469.
8. Kuleva A. S. Truncated adjectives in Russian poetry // Russian speech. 2008. № 3. P. 35–39.
9. Lomonosov M. V. Russian Grammar // Lomonosov M. V. The Complete Works. Moscow, Leningrad, 1952. Vol. 7. C. 460–470.
10. Gubanov S. A. Epithet in the works of M. I. Tsvetaeva: semantic and structural aspects: the abstract of the candidate philology dissertation. Samara, 2009. 24 p.
11. Gubanov S. A. Structural types of epithet complexes in the works of M. Tsvetaeva // Vestnik of Samara State University. 2008. № 5/2 (64). P. 51–60.
12. Big explanatory dictionary of the Russian language. St. Petersburg, 1998. [Electronic Resource]. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (accessed – 20.01.2023).
13. Grigorieva A. D. Poetic phraseology of the late 18th–early 19th century (nominal combinations) // The formation of a new stylistics of the Russian language in the Pushkin era. Moscow, 1964. P. 3–121.
14. Krasny // Dictionary of the Russian language of the 18th century. St. Petersburg, 1998. Vol. 10. Kastalsky-Kreposttsa. P. 237–242.
15. Barinova O. V. To the problem of the classification of coloratives in the lexicographical aspect // Sciences of Europe. №3 (3). 2016. P. 49–51.
16. Rozhkova A. V. Epithets in the early lyrics of V. K. Trediakovsky // Libri Magistri. 2022. № 3 (21). P. 35–45.
17. Kozhevnikova N. A. Sumarokov's Ode solemn: language and style // A. P. Sumarokov: Life and creative work. Moscow, 2002. P. 98–132.
18. Gubanov S. A. The status of the permanent epithet in epithetology: to the question theory // At the crossroads of languages and cultures. Actual questions of humanitarian knowledge. 2020. № 2 (17). P. 17–22.
19. Pimenova M. V. Persistent units of the Old Russian text: semantics and structure // Scientific journal of Kherson State University. Series "Linguistics". 2013. Vol. 18. P. 45–49.
20. Tworogov O. V. Tasks of studying the stable literary formulas of Ancient Rus' // Proceedings of the Department of Old Russian Literature. Moscow, Leningrad, 1964. Vol. 20. P. 30–40.
21. Loputko O. P. Constant epithets and the history of adjectives // Russian language at school. 2004. № 5. P. 81–85.
22. Eugenieva A. P. On some poetic features of the Russian oral epic of the 17th–19th centuries (permanent epithet) // Proceedings of the Department of the Old Russian Literature. Moscow, Leningrad, 1948. Vol. VI. P. 154–189.

УДК: 82

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.37.28.011

*Воронежский государственный
технический университет
Канд. филол. наук, доцент кафедры
русского языка и межкультурной коммуникации
Сулемина О.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +79202146219;
e-mail: may2005@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Sulemina O.V.
Russia, Voronezh, tel. +79202146219
e-mail: may2005@yandex.ru*

*Воронежский государственный
технический университет
Канд. филол. наук, доцент кафедры
русского языка и межкультурной коммуникации
Попова Ю.С.
Россия, г. Воронеж, тел. +79202262368;
e-mail: buka1621@rambler.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Popova Ju.S.
Russia, Voronezh, tel. +79202262368
e-mail: buka1621@rambler.ru*

О.В. Сулемина, Ю.С. Попова

ВАРИАТИВНОСТЬ «УЖАСА СМЕРТИ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Следуя работам А.А. Фаустова, С.В. Савинкова и А.А. Кретьова, мы основываемся на понимании универсальности отдельных культурных, философских и литературных категорий для русской и мировой культуры и литературы. Мы также придерживаемся деления русской литературы на культурно-временные «срезы» и выделяем универсалии, характерные для каждого среза. В данной работе мы говорим об универсалии «ужас/ужасное» и такой ее реализации, как «ужас смерти».

Дается определение «ужасного», анализируется его репрезентация в творчестве русских писателей XVIII-XIX веков. Приводятся иллюстрации из зарубежных работ по философии и культурологии, которые подтверждают универсальность данной категории. При этом стоит отметить, что категория «ужасного» не является наиболее частотной, однако мы относим ее к значимым в связи с другими категориями и ее смысловой нагруженностью.

Действительно, многие ученые сходятся во мнении, что человек проживает свою жизнь под действием осознаваемого или бессознательного страха/ужаса смерти, который обуславливает его поступки и оказывает значительное влияние на формирование личности. В литературных произведениях смерть и отношение к ней героев также играют значительную роль. Мы в своей работе контурно обозначаем типичное для различных «срезов» русской литературы понимание «ужаса смерти» и попытки его преодоления. Особенное внимание уделяется «артистическому» преодолению «ужаса смерти» в творчестве А.С. Пушкина. Показано, как творчество позволяет лирическому субъекту создать собственный художественный мир, в котором он является демиургом и сам влияет на такие категории, как «жизнь» и «смерть». Это позволяет трансформировать ужас смерти в творческую деятельность и таким образом преодолеть его.

Можно сделать выводы о том, что «ужас смерти» воспринимается по-разному в разные эпохи, но во всех случаях является одной из основополагающих категорий в литературе и культуре. Многие авторы в своих произведениях показывают его преодоление с помощью веры, разума, смирения, творчества.

O.V. Sulemina, Ju.S. Popova

VARIATIVITY OF THE «HORROR OF DEATH» IN RUSSIAN LITERATURE

Following the works of A.A. Faustov, S.V. Savinkov and A.A. Kretov, we base ourselves on the understanding of the universality of individual cultural, philosophical and literary categories for Russian and world culture and literature. We also adhere to the division of Russian literature into cultural and temporal "slices" and highlight the universals characteristic of each slice. In this paper we are talking about the universal "horror / terrible" and its

implementation as "the horror of death".

The definition of "terrible" is given, its representation in the works of Russian writers of the XVIII-XIX centuries is analyzed. Illustrations from foreign works on philosophy and cultural studies are given, which confirm the universality of this category. At the same time, it is worth noting that the category of "terrible" is not the most frequent, but we attribute it to significant in connection with other categories and its semantic load.

Indeed, many scientists agree that a person lives his life under the influence of conscious or unconscious fear / horror of death, which determines his actions and has a significant impact on the formation of personality. In literary works, death and the attitude of heroes towards it also play a significant role. In our work, we outline the understanding of the "horror of death" typical for various "sections" of Russian literature and attempts to overcome it. Special attention is paid to the "artistic" overcoming of the "horror of death" in the works of A.S. Pushkin. It is shown how creativity allows a lyrical subject to create his own artistic world in which he is a demiurge and himself influences such categories as "life" and "death". This allows you to transform the horror of death into creative activity and thus overcome it.

It can be concluded that the "horror of death" is perceived differently in different epochs, but in all cases it is one of the fundamental categories in literature and culture. Many authors in their works show its overcoming with the help of faith, reason, humility, creativity.

Исследование категории «ужаса / ужасного», представляющей собой вариацию более общего понятия «страшного» и несущей в этой связи дополнительные коннотации, подразумевает, прежде всего, разрешение некоторых понятийных вопросов. В некоторых работах понятия «ужас» и «страх» употребляются как тождественные: «ужасность, т.е. свойство порождать в живых существах страх...». [1] Можно охарактеризовать «ужас» и как «абсолютный страх», [2] исключающий возможность мыслить и осознавать происходящее. Мы попытаемся контурно наметить основные аспекты бытования «ужасного» и более подробно остановимся на анализе «ужаса смерти», поскольку смерть – один из традиционных и часто встречающихся предметов «ужасания».

Используя статистические данные, полученные с помощью компьютерных программ, можно проследить частотность употребления слов «ужас / ужасный» в русской литературе XVIII – начала XX вв. [3] Выделяются пять культурно-временных срезов исследуемой эпохи и проводится анализ частотности употребления интересующих нас универсальных категорий («ужас/ ужасный», «страх/ страшный») [4]

Частотность «ужасного» не подвергается сильным изменениям при переходе от одной эпохи к другой. Заметим, что она повышается в «романтическую / элегическую» эпоху, что можно объяснить особенностями художественного метода, для которого характерна уникальность, часто выражающаяся в «ужасности» / фантастичности. [5] В «критическую» эпоху частотность «ужасного» снижается; после этого заметных изменений не происходит. Если сравнивать частотность употребления «ужасного» со «страшным», можно заметить, что они почти равны, однако «страшное» превалирует.

Лишь в «модернистский» период «ужасное» употребляется чаще. Случаи, в которых «ужасное» употребляется в значении, близком к «страшному», требуют дополнительного текстологического исследования.

«Ужас / ужасный» могут иметь различные значения: «Нар. Страхъ, страшно, ужасно//очень, въ высшей степени...Ужасный – въ высшей степени страшный...//Чрезвычайный или изумительный, поражающий странностью либо величиною». [6] Можно предположить, что значительная часть обработанного программой «ужасного» имеет именно указанное выше значение усиления. Обратимся к некоторым особенностям «ужасного» в его прямом значении.

Словарь В. Даля характеризует «ужас» как «внезапный и самый сильный страхъ, страсть, испугъ, внутреннее содроганье, трепеть, отъ боязни и отвращения». [6] В данном случае акцент делается не только на масштабах страха, но и на его внезапности. Однако на первый план часто выходит первая из данных характеристик, в то время как вторая редуцируется или исключается. Например, ужас смерти (одного из наиболее частотных объектов) невозможно назвать внезапным, если он осознан и переживаем человеком перманентно. (Заметим, что ужас смерти предстает в исследуемых текстах по-разному: как сильное аффективное переживание внезапно наступающего конца (Напр., у В.Г.Короленко, Г. Успенского, Л.Н. Толстого и др.), как подразумеваемый, но не всегда осознанный страх конца или как состояние, наполняющее всю жизнь человека, заменяя ее). Первым это состояние попытался исследовать и охарактеризовать Л.Н. Толстой в своих философских рассуждениях, говоря о «постоянном ужасе смерти», [7] в котором пребывает человек, лишенный нравственности – духовности. Причем духовность для Толстого – внутреннее свойство человеческого существа, связывающее его с высшим началом. Нравственность разделяется на внешние кодексы,

дающие временное успокоение, но ничего не значащие перед лицом вечности, и духовную работу, самосовершенствование. Жизнь, лишенная духовности, для Толстого становится объектом ужаса. Это сочетание выглядит в некоторой степени оксюморонно: жизнь – самое важное, что есть у любого человека. Часто ужас вызывают именно те явления, которые способны нарушить привычный уклад жизни или саму жизнь. Почему же герои Толстого ужасаются жизни почти так же часто, как и ее завершению? Трактат Л. Н. Толстого «О жизни» [8] разъясняет этот вопрос: «увеличение наслаждений доходит до своего предела...и ужас все ближе и ближе среди одних страданий надвигающейся смерти». Упомянутые здесь наслаждения суетны и греховны; ужас и страдания перед лицом смерти, которая приходит внезапно и неумолимо, выступают в качестве наказания. Но для Толстого неосознанная и греховная жизнь подобна смерти, и по этому принципу они сопоставляются. Ужас возникает при отсутствии нравственного и духовного развития, когда сам процесс жизни теряет свою преобразующую ценность и превращается в обычное движение к смерти (*«ужас жизни людей, не понимающих жизни»*) [8] – это, по сути своей, *ужас смерти*).

Наиболее часто смерть как объект ужаса встречается в начале XX века. Присутствуют описанные выше вариации значения «ужаса смерти» (Андреев, Анненский, Гумилев, Иванов и др.). Интересна характеристика, данная Д. Мережковским в его статье «Пушкин» предшествующей литературе: «Русская литература, которая и в действительности вытекает из Пушкина и сознательно считает его своим родоначальником, изменила главному его завету: "да здравствует солнце, да скроется тьма!" Как это странно! Начатая самым светлым, самым жизнерадостным из новых гениев, русская поэзия сделалась поэзией мрака, самоистязания, жалости, страха смерти. <...> бегство Тургенева от ужаса смерти в красоту, бегство Льва Толстого от ужаса смерти в жалость – только ряд ступеней, по которым мы сходили все ниже и ниже, в "страну тени смертной"». [9] Автор, анализируя плоды литературного труда своих предшественников, делает акцент на том, что в пушкинской поэзии отсутствует «ужас смерти». (Описание категорий «страшного»/ «ужасного» позволяет выявить некоторые характеристики лирического «Я», указывающие на его особое место в пушкинском поэтическом мире. Согласно статистическим данным, частотность «страшное» + «ужасное» в пушкинских текстах близка к средней частотности в рамках «элегической// романтической» эпохи. Попытаемся выяснить, с чем это связано.

Поэтическое пространство пушкинских стихотворений многомерно, и в соответствии с этим, любое явление, существующее в нем, может быть охарактеризовано с различных позиций, в том числе, смерть. Уже в лицейских стихотворениях возникают «варианты» смерти:

– персонификация, способная тем или иным способом воздействовать на человека («откроет гроб ужасный» (Опытность», 1814) [10; т.1; с.41], «погибельным крылом шумела грозно над вселенной» («Принцу Оранскому» (1816)) [10; т.1; с.142] и др.). При этом смерть выступает как внешняя разрушительная сила, действующая на героев пушкинского мира.

– «добрый гений» («Мечтатель», 1815) [10; т.1; с.95] – явление, дружественное поэту. Здесь смерть воспринимается положительно, поскольку соседствует с мечтой и может играть для поэта роль проводника из реального мира в творческое пространство. Для творчества Пушкина периода 1813-1824 гг., когда его лирический субъект осознает и утверждает свое поэтическое амплуа, и взаимодействует с миром именно с этой позиции, характерно наличие мотивного комплекса сна / творчества – смерти.

Смерть поэта для внешнего мира становится актом его полного и окончательного перехода в мир внутренний, созданный воображением:

Хочу я завтра умереть
И в мир волшебный наслажденья,
На тихий берег вод забвенья,
Веселой тенью отлететь... [10; т.1; с.96-97]

Поскольку лирический субъект всегда стремится оказаться в мире собственного творчества, его уход лишен грусти и страха. Таким образом, смерть в поэтическом мире Пушкина предстает многоаспектной, что можно изобразить схематично (*Таблица 1*):

Таблица 1

СМЕРТЬ		
локус	реальность	мир воображения
реципиент	обычный человек, лирический субъект как обычный человек	«артистическая» составляющая лирического «Я»
особенности восприятия	страх, ужас	блаженство, радость, свобода

Погружение в мир творчества становится для поэта знаком вечной жизни, позволяющей преодолеть страх// ужас смерти, который постигает его как одного из представителей человеческого рода.

Обозначим контурно мотивы, связанные со смертью, которые также могут появляться при упоминании категории «ужасного». По своему влиянию на личность ужас близок к мгновенной, «быстрой» и временной смерти - он несет с собой *холод, хлад, мрак, тьму, тишину* (невозможность чувствовать, размытость окружающего мира). Сравним у С. Кьеркегора: «даже все отчаяние, вся мрачность зла, собранные в одном слове, все же не так ужасны, как молчание». Молчание лишает человека ответной реакции, прерывает его связь с миром, усиливая экзистенциальный страх. [11] Видимо, это связано с переходностью подобного состояния, подразумевающего имплицитно «смерть» прежней личности человека при внешнем воздействии и изменении его сознания. В мире пушкинской лирики *тишина* становится необходимым условием вдохновения, которое осознается как приобщение к поэтическому миру (или переход в него). *Хлад, мрак, тьма* – мотивы, часто возникающие при упоминании творчества литературных противников поэта. При этом создается особый инфернальный колорит, [12] связанный с мифопоэтическим осмыслением противостояния «Арзамаса» и «Беседы любителей русского слова». *Холод и мрак*, овладевающие поэтом, могут сопутствовать *лени* как отказу от творчества/ неспособности творить (здесь присутствует и традиционное элегическое «охлаждение»), что в данном случае сопоставимо со смертью. Здесь смерть страшна, поскольку имеет объектом своего воздействия «человеческое Я» поэта. (Считаем уместным выделить в структуре пушкинского лирического «Я» (говоря о периоде его становления) «артистическое Я» (занимающее особое положение по отношению к остальным героям, обусловленное его сопричастностью миру поэтического вдохновения) и «человеческое Я», приравненное к героям и лишенное возможности «выхода» в пространство творчества).

Подводя итог, можно сказать, что многомерность пушкинского лирического «Я» влечет за собой неоднозначность в восприятии такой онтологически важной категории как смерть. Для «артистического Я» смерть оказывается благоприятным, порой желанным исходом, в то время как «человеческое Я» может воспринимать ее как «гроб ужасный» [10; т.1; с.41] и оценивать отрицательно.

Библиографический список

1. Липавский Л. Исследование ужаса. М.: Изд. «Ад Маргинем», 2005. С. 27.
2. Пятигорский А.С. Страх из 2009 года// «Неприкосновенный запас», 2009. №5(67). С.3-16.
3. Универсалии русской литературы / Отв. ред. А. А. Фаустов. Воронеж: Воронежский государственный университет; Издательский дом Алейниковых, 2009. 652 с.
4. Савинков С.В., Фаустов А.А. Аспекты русской литературной характерологии. М.: Intrada, 2010. С. 218.
5. История романтизма в русской литературе: Романтизм в рус. лит. 20-30 гг. XIX в. (1825-1840) / [С.Е. Шаталов, С.В. Тураев, В.И. Сахаров и др.], 1979. 328 с.
6. Даль В. Толковый словарь в четырех томах. М.: Русский язык, 1991. Т. 4. С. 476.
7. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1930–1958. Т. 50-51. С. 18.
8. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 т. М.: Художественная литература, 1978-1985. Т. 17. С. 90.
9. Мережковский Д. С. Пушкин // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX - первая половина XX в. М.: Книга, 1990. С. 103.
10. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 19 т. М.: Воскресенье, 1994.
11. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. С. 158.
12. Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка/ Б. М. Гаспаров. СПб, 1999. С. 130-136.

References

1. Lipavsky L. The study of horror. M.: Ed. "AD Marginem", 2005. p. 27.
2. Pyatigorsky A.S. Fear from 2009//“An inviolable reserve”, 2009. №5(67). Pp.3-16.
3. Universals of Russian literature / Ed. by A. A. Faustov. Voronezh: Voronezh State University; Aleynikov Publishing House, 2009. 652 p.
4. Savinkov S.V., Faustov A.A. Aspects of Russian literary characterology. Moscow: Intrada, 2010. p. 218.
5. History of Romanticism in Russian literature: Romanticism in the Russian lit. 20-30 years of the XIX century (1825-1840) / [S.E. Shatalov, S.V. Turaev, V.I. Sakharov, etc.], 1979. 328 p.
6. Dal V. Explanatory dictionary in four volumes. M.: Russian language, 1991. Vol. 4. p. 476.
7. Tolstoy L.N. Complete works: in 90 V. M.: State Publishing House of Fiction, 1930-1958. Vol. 50-51. P. 18
8. Tolstoy L.N. Collected works in 22 volumes. M.: Fiction, 1978-1985. Vol. 17. P. 90.
9. Merezhkovsky D. S. Pushkin // Pushkin in Russian philosophical criticism: The end of the XIX - the first half of the XX century. M.: Book, 1990. P. 103.
10. Pushkin A.S. Complete works: in 19 V. M.: Sunday, 1994.
11. Kierkegaard S. Fear and trepidation. M.: Republic, 1993. p. 158.
12. Gasparov B. M. Pushkin's poetic language as a fact of the history of the Russian literary language/ B. M. Gasparov. St. Petersburg, 1999. Pp. 130-136.

УДК 821.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.43.37.012

*Воронежский государственный университет
аспирант кафедры общего языкознания и стилистики филологического факультета*

Джамил А.С.

Россия, г. Воронеж, тел. +7-908-144-29-20

e-mail: ahmed_saadwn@yahoo.com

Voronezh State University

Postgraduate Student

Department of General Linguistics and Stylistics

Faculty of Philology

Jamil A.S.

Russia, Voronezh, tel. +7-908-144-29-20

e-mail: ahmed_saadwn@yahoo.com

Ахмед Саадун Джамил

ЭПИТЕТ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ПОРТРЕТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПЕРСОНАЖЕЙ РАССКАЗОВ ВОЕННЫХ ЛЕТ К.Г. ПАУСТОВСКОГО

Статья посвящена исследованию идиостиля К.Г. Паустовского, а именно, анализу места эпитетов в создании портретной характеристики персонажей рассказов, написанных в годы Великой Отечественной войны. Приводится определение термина «портрет», описываются его основные функции, разрабатывается лексико-семантическая классификация портретных эпитетов в творчестве К.Г. Паустовского. К ним относятся, во-первых, эпитеты, характеризующие внешность героя; во-вторых, эпитеты, характеризующие внутренний мир героя. Работа сосредоточена на исследовании языковых средств первой группы, в которую входят эпитеты, характеризующие физиологические особенности человека, а именно, черты лица, части тела, возраст, и эпитеты, описывающие одежду и ее атрибуты.

Автором статьи установлено, что характер и внешность персонажей гармонично связаны: внешняя характеристика полностью соответствует внутреннему миру – описания советского народа наделены положительной семантикой, включающей компонент сострадания, в то время как немецкие солдаты изображаются с резко негативной стороны, что обусловлено обстановкой и временем повествования и написания рассказов.

В ходе исследования выявлено, что в анализируемых текстах портрет каждого персонажа раскрывает его личность и транслирует авторские интенции. К.Г. Паустовский умело использует яркие портретные эпитеты в изображении манеры поведения и описании переживаний, выстраивая так образ реального, одного из многих таких же, как он, представителя тяжелой для всех людей эпохи.

Ключевые слова: К.Г. Паустовский, портрет, эпитет, рассказ военных лет, лексико-семантическая группа, внешность, внутренний мир.

Ahmed Saadoun Jamil

EPITET AS A MEANS OF CREATING PORTRAIT CHARACTERISTICS OF CHARACTERS OF K.G. PAUSTOVSKY

The article is devoted to the study of the idiostyle of K.G. Paustovsky, namely, the place of epithets in the creation of portrait characteristics of characters in stories written during the Great Patriotic War. The definition of the term "portrait" is given, its main functions are described, a lexical-semantic classification of portrait epithets in the works of K.G. Paustovsky. These include, firstly, epithets that characterize the appearance of the hero; secondly, epithets that characterize the inner world of the hero. The work is focused on the study of linguistic means of the first group, which includes epithets that characterize the physiological characteristics of a person, namely, facial features, body parts, age, and epithets that describe clothing and its attributes. The author of the article found that the character and appearance of the characters are harmoniously connected: the external characteristics are fully consistent with the inner world - the descriptions of the Soviet people are endowed with positive semantics, including a component of compassion, while German soldiers are depicted from a sharply negative side, which is due to the situation and the time of narration and writing stories. The study revealed that in the analyzed texts, the portrait of each character reveals his personality and broadcasts the author's intentions. K.G. Paustovsky skillfully uses vivid portrait epithets to depict behavior and describe experiences, thus building the image of a social and historically significant person - a real, one of many like him, a representative of a difficult era for all people.

Key words: K.G. Paustovsky, portrait, epithet, story of the war years, lexical-semantic group, appearance, inner world

Все тексты К.Г. Паустовского проникнуты драматизмом и психологизмом, чему способствует детальная прорисовка портретов его персонажей. Портрет в ткани художественного произведения – важная составляющая художественного образа.

Целью исследования стал анализ специфики функционирования портретных эпитетов в идиостиле К.Г. Паустовского.

Интерес к теме исследования обусловил обращение к работам Г.Г. Байбулатова, А.Н. Веселовского, И.Р. Гальперина, В.Н. Топорова, Л.Н. Виноградова, Г.О. Винокура, Г.И. Богина, Ю.Н. Караулова, Ю.М. Лотмана, А.И. Белецкого, Д.Б. Гудкова, А.Р. Шахбановой, Н.Ф. Алефиренко, Е.Г. Озеровой и др. и выявлением недостаточной изученности этого вопроса.

Анализ литературного портрета как одной из важных составляющих художественного образа берет начало в XX веке. Так, А.И. Белецкий в труде «В мастерской художника слова», датированном 1923 годом, сформулировал сущность проблемы литературного портрета [1]. В работе акцентируется, что с XIX века образ героя реализуется с позиции антропоцентричности, чему способствует тенденция к наделению каждого персонажа индивидуальными чертами. В лингвистическом аспекте значимый вклад в исследование портрета внес В. М. Богуславский, отметивший пробел системной классификации лексем, характеризующих внешность человека: «описание языковых оценок внешности важно и для русской лексикографии, поскольку чрезвычайно развитая и разветвленная совокупность синонимических средств русского языка в сфере экспрессии и эмоций еще не получила четкого системного описания» [2, с.9].

Отметим: несмотря на множество теоретических и практических исследований в этой области, в числе которых труды М.О. Габеля [3], Б.Е. Галанова [4], Г.С. Сырицы [5], М. Г. Уртминцевой [6], Л. Н. Дмитриевской [7], единой классификации единиц, репрезентирующих портрет героя в ткани художественного произведения, разработано не было.

Важность исследования названного феномена, его многоаспектность и многофункциональность очевидны. В данной работе мы остановимся на портретных эпитетах в рассказах военных лет («Кружевница Настя», «Английская бритва», «Белые кролики», «Правая рука», «Пачка папирос», «Робкое сердце») К.Г. Паустовского, так как одна из основных функций эпитета в его творчестве заключается именно в создании портретной характеристики каждого из героев. Материал исследования также неслучаен, поскольку на примере данных произведений представляется возможным проанализировать эпитеты в контрастивном плане, сопоставляя образы противоборствующих сторон.

Придерживаясь мнения Е.Д. Антоновой о том, что «словесный портрет – это одно из средств создания образа персонажа, включающее описание его внешности и психологическую характеристику отдельных частей внешности – черт лица, мимики, фигуры, поз, жестов, движений и одежды» [8], распределим эпитеты на две большие лексико-семантические группы: 1. Эпитеты, характеризующие внешность героя; 2. Эпитеты, характеризующие внутренний мир героя. Данное деление представляется нам вполне закономерным, поскольку в силу своей изобразительности именно эти языковые средства помогают построению ярких образов и заключают в себе авторскую оценку персонажа. В данной работе наиболее детальному исследованию подвергается первая из вышеназванных лексико-семантических групп.

Внутри лексико-семантической группы «Эпитеты, характеризующие внешность героя» выделим две микрогруппы: 1) Эпитеты, описывающие физиологические особенности человека, а именно, черты лица, части тела, возраст; 2) Эпитеты, описывающие одежду и ее атрибуты. Отметим, что в рассказах военных лет К.Г. Паустовского портрет утрачивает функцию индивидуализации персонажа, используемые эпитеты способствуют совмещению общего и частного. Так, при описании внешности русского человека автор использует постоянные эпитеты с положительной семантикой, со значением сочувствия и сопереживания для передачи собственного отношения к защитникам фронта и осажденным мирным жителям: *красивые дети, застенчиво посмотрел, геройский человек, добрый и работающий человек* и др.; эпитеты, описывающие боль и страдания, для более реалистичного изображения картин военного времени: *старик, удрученный несчастьем, горячее и мокрое лицо, один был худой, бледный, другой – весь ободранный колючками ежевики, белобрысый и тоже худой*; в то время как портретные характеристики оппозиции подаются в абсолютно негативном ключе: *все немецкие солдаты, как один, гнилые, толстые, ленивые, вялые, неповоротливые, вишивые, с тусклыми, свинцовыми глазами*. Особенность такого портретирования заключается в том, чтобы изобразить отдельно взятого человека как часть своего народа и показать единение русского и разобщение немец-

кого народа. Это наблюдается и в сюжетах, взятых для анализа рассказов: русские – целый непоколебимый народ, где каждый человек в ответе за всех, в то время как немцы каждый за себя, а зачастую и против своего соотечественника в угоду собственной выгоде. Голосом Тихона, главного героя рассказа «Правая рука», К.Г. Паустовский транслирует мысль целостности русского народа и дает ему объективную характеристику: «Ты *сиротой* между нами не будешь. Наш народ, конечно, *простой*, бывает *грубый*, но *душевный*.» [9, с.25].

Обратимся к более детальному анализу эпитетов, характеризующих портреты персонажей.

1. Эпитеты, описывающие физиологические особенности человека

1) Лицо

При описании автором портретов персонажей на их лицах не сосредоточено особое внимание, выделяются лишь отдельные черты. Упоминание встречается в трех контекстах, причем в одном из них с помощью описательных эпитетов изображается портрет мальчиков, которых немцы подвергли жестоким пыткам: «Парикмахер взял его за подбородок – *лицо* у мальчика было *горячее и мокрое* – и насильно заставил выпить» [9, с.13]; в двух других примерах с целью описания эмоционального состояния персонажей, их переживаний во время и после войны использованы психологические эпитеты: «Тогда мальчик поднял глаза и застенчиво посмотрел на *суровое лицо* Тихона» [9, с.25]; «Шел спокойно, прямо смотрел вперед, но на его лице уже не было того выражения застенчивости, к которому Варвара Яковлевна так привыкла» [9, с.41]. Так, отметим, что при характеристике лиц персонажей К.Г. Паустовский отходит от традиции детальной прорисовки, для него важнее показать психологизм, донести до читателя боль и страдания, испытанные людьми того времени. Заметим, что описаний лиц немецких солдат в текстах выявлено не было, что весьма красноречиво говорит о сугубо отрицательном отношении автора к ним.

2) Глаза

При описании внешности персонажа особое внимание К.Г. Паустовский уделяет словесной характеристике глаз и взглядов, поскольку, как известно, глаза служат отражением внутреннего мира человека и его характера. Неоднократно доказано, что глаза считаются важной составляющей комплекса народной антропологии, выступающего оценочной категорией и носящего прагматический характер. В русском языке лексема «глаз» преимущественно употребляется во множественном числе и обладает следующей семантикой: инструмент зрения, место отражения души, мыслей, настроений и чувств.

В традиционных верованиях славянского народа особое внимание уделено манере смотреть, передавая таким образом эмоции смотрящего, что нашло яркое воплощение в фольклоре. Приведем некоторые примеры: «В кривом глазу и прямое криво. В кривом зеркале и рот набоку» [10, с.113], «Из глаз искры (звезды) посыпались. Небо с овчинку показалось» [10, с.232], «Глаз черный, взгляд бойкий, обычай волчий» [10, с.283] и проч.

Постижение мира и внутреннего «Я» осуществляется путем созерцания окружающего пространства, вглядывания в себя, а когнитивные процессы воображения и эмпатии возможно познать через семиотический код языковой личности. Для характеристики внутреннего мира и переживаний героя К.Г. Паустовский намеренно вводит в произведения описание глаз. Отметим, что автор наделяет абсолютно разными характеристики глаза и взгляды русских и немцев. Так, с помощью эпитетов автор стремится передать все тяготы, лишения и ужасы, которые испытывали люди во время Великой Отечественной войны. Немец не щадил никого: ни солдат, ни гражданских, ни мужчин, ни женщин, ни стариков, ни детей – сквозь душевную боль переносит эти муки в свои тексты К.Г. Паустовский. Он говорит о том, что дети подвергались чудовищным пыткам, от которых их глаза становились *красными, округлыми от ужаса*: «Глаза его *покраснели*. Он сполз со стула и лег на пол» [9, с.14], «Кричал он пронзительно и не отрываясь смотрел на лейтенанта *круглыми от ужаса* глазами» [9, с.14].

Отметим: при описании глаз мирных жителей автор вводит такие эпитеты, как *застенчивый* при характеристике мальчика-сироты: «Тогда мальчик поднял глаза и *застенчиво* посмотрел на суровое лицо Тихона.» [9, с.25], *смеющийся, прищуренный* при характеристике начальника лагеря послевоенного времени: «Тихон промолчал, но назавтра побрился, надел бушлат, бескозырку и пошел в Белокуруху к начальнику пионерского лагеря, высокому человеку со *смеющимися прищуренными* глазами.» [9, с.25], *умоляющий, отчаянный* при характеристике женщины, в последний раз смотрящей на свое дитя: «Она смотрела на него *умоляющими, отчаянными* глазами.» [9, с.42].

Советский народ смелый, справедливый, понимающий и оттого признающий необходимость отвечать жестокостью на жестокость, причиненную не только своим соотечественникам, но и всему человечеству. Так, в рассказах при убийстве немецкого солдата русский не испытывает угрызений совести, он тверд и непоколебим, что передается с помощью эпитета *сухой*: «Чтобы извести их всех до последнего, надо глаз иметь *сухой*.» [9, с.15]. Кроме того, глаза советского летчика наделяются эпитетом *темные*: «Варвара Яковлевна не могла на него наглядеться: синяя куртка летчика, *темные* глаза, голубые петлицы, серебряные крылья на рукавах, а сам весь черный, загорелый, но все такой же застенчивый.» [9, с.40]. Выбор этого колоронима при описании военного человека весьма красноречив, поскольку одно из значений данной лексемы, по Д.Н. Ушакову, «печальный, задумчивый, мрачный, хмурый» [11, с.820]. Портрет военного летчика выстроен с привлечением колоративной лексики, поскольку автору важно прописать каждую деталь советского героя.

Совершенно другими эпитетами награждает К.Г. Паустовский немецких военных. В противопоставление *темным* глазам советского летчика глаза немца – *тусклые*: «Это был вялый, неповоротливый солдат с тусклыми глазами» [9, с.15]. Портрет каждого из немцев наделяется отрицательной семантикой, что неудивительно, ведь количество жизней, ими унесенных, не поддается счету, страдания, ими причиненные, невозможно представить. Итак, их глаза, а иногда глазки – наличествует суффикс субъективной оценки с отрицательной семантикой – *тусклые*: «Это был вялый, неповоротливый солдат с *тусклыми* глазами.» [9, с.16], *свинцовые, внимательные*, свойственные *жестоким и глупым животным*: «Одним словом, это был добротный образчик фашистской расы с ее *свинцовыми внимательными* глазками, *своими жестоким и глупым животным*.» [9, с.16].

Таким образом отметим разнообразие эпитетных средств в рассказах военных лет К.Г. Паустовского при описании соматизма глаза, причем, характеризуя советский народ, автор использует прилагательные, обладающие положительной семантикой, намеренно противопоставляя их описанию глаз и взглядов врага. Названная деталь портрета способствует пониманию эмоциональных переживаний детей, матерей и самих солдат: такие глаза отражают боль, страдания и способствуют поднятию патриотического духа, поскольку в лице каждого героя в рассказах К.Г. Паустовского воплощен весь русский народ.

3) Части тела

Анализ показал: при описании частей тела персонажей в военных рассказах наиболее часто К.Г. Паустовский прибегает к характеристике рук, причем это описание не только героев, имеющих руки, но и тех, кто руки лишился, что вполне объяснимо тематикой взятых для исследования произведений. Так, например, в рассказе «Правая рука» при создании портрета солдата, недавно вернувшегося с фронта, автор использует эпитеты раздробленный «... когда ему отрезали *раздробленную* правую руку, некуда было податься.» [9, с.21]; *тяжелый*: «Тихон положил *тяжелую* руку на его голову и добавил...» [9, с.25] и прилагательное *безрукий*, называя так самого солдата, который реально лишился руки: «*Безрукий*, калека, а радуешься.» [9, с.27].

Отметим, что в данных текстах автор отходит от традиции прозы военного времени и не акцентирует внимание на образе матери, чаще встречаются женщина-няня, воспитательница, бабушка. Так у К.Г. Паустовского возникает собирательный образ женщины, ждущей с фронта своего воспитанника, однако автор наделяет ее *материнскими* руками, поскольку это лингвокультурный компонент, обладающий мощной эмоционально-психологической семантикой. Для описания женских рук в рассказах используются различные языковые приемы, однако наиболее часто автор прибегает к использованию эпитетов-прилагательных с целью описания их важности и нужности для каждого человека и передачи с их помощью собственного отношения к происходящему. Например, эпитетом *дрожащие* были наделены руки Варвары Яковлевны, когда та увидела, что ее воспитанника ведут на расстрел [9, с.37]; также при помощи эпитета *дрожащий* автор передает состояние женщины, не понимающей, какой подвиг совершил ее племянник для Родины, пожертвовав жизнями односельчан: «Первое время она сидела в оцепенении и ничего не понимала, только перебирала *дрожащими* пальцами бахрому старенького серого платка.» [9, с.39].

Среди прочих особенностей идиостиля К.Г. Паустовского отметим, что женские руки становятся у него не только символом нежности, добра, тепла, но и символом труда: «Врачи-учителя Нasti – были поражены ее способностью делать перевязки, ловкостью ее *тонких и сильных* пальцев.» [9, с.10].

Интерес вызывает то, что при изображении фашистов описания рук не обнаружены. В нескольких контекстах встречаются упоминания их пальцев, эпитеты при них редки, но наделены крайне негативной семантикой, усиливая которую используется сравнительный оборот, поскольку этими самыми пальцами немцы совершали различные преступления: крали, разоряли, уносили жизни: «Ходил, грохоча сапогами,

дышал хрипло, *черные* его пальцы были *похожи на клещи для сбрасывания с крыши зажигательных бомб*. Но в военное время эти качества не мешали Вермелю ловить кур и душить их тремя пальцами.» [9, с.16]. Причем враги, не просто убивали русских, они старались нанести вред их здоровью и достоинству, подвергали жестоким пыткам, получая от этого удовольствие, и тем самым совершая преступление против всего человечества.

4) Физическое и психологическое состояния

Эпитеты в военных рассказах К.Г. Паустовского также передают физиологические особенности персонажей, которые, на наш взгляд, затруднительно рассматривать, не обращаясь к эмоциональной составляющей. Подобные прилагательные соотносятся с антропным культурным кодом, характеризуют персонажа с разных сторон, в связи с чем определяемые элементы, многообразные в семантическом аспекте, обозначают возраст и рост:

– *маленький*: «Он спрятался в подвале театра вместе с двумя *маленькими* мальчиками, сыновьями его соседки-еврейки.» [9, с.12], «Они лежали *маленькие* и черные, как будто их спалила молния.» [9, с.14], «Он увидел ее, побледнел, но ни одним движением, ни словом не показал, что он знает эту трясущуюся *маленькую* старушку.» [9, с.42];

– *молодой*: «*Молодые* голосистые бабы сводили к парому упиравшихся лошадей.» [9, с.26], «жалела его – *молодой*, видный человек, а без руки» [9, с.26], «Не втирайте мне очки, *молодой* человек.» [9, с.31], «...Паша и рассказала, что убита какая-то *молодая* женщина около базара...» [9, с.38];

– *старый*: «Настя окончила курсы, ждала отправки на фронт и по ночам думала о Балашове, о *старом* отце» [9, с.10], «На рассвете два бойца, в блестящих от дождя касках, привели в глинобитную хату, где помещался майор, *старого* *низенького* человека» [9, с.12], «Он запрокинул *старшему* мальчику голову и вылил ему водку в рот прямо из бутылки» [9, с.12], причем, от адъектива *старый* частотно употребление в текстах субстантивов *старик* и *старуха*, сопровождаемых эпитетами, передающими их угнетенное эмоциональное состояние – последствие военных будней: «*Удрученный несчастьем*, *старик* послал Настю ухаживать за раненым.» [9, с.8], «*Старик был совсем глухой, подозрительный*, и, когда он ушел, Тихон даже плюнул с досады ему вслед.» [9, с.22], «Как-никак, а он любил эту *беспокойную старуху*.» [9, с.29], «Он увидел ее, побледнел, но ни одним движением, ни словом не показал, что он знает эту *трясущуюся маленькую старушку*.» [9, с.42];

черты характера:

– *робкий*: «Настя *робко* спросила Балашова, когда же он вернется из Ленинграда к ней в деревню.» [9, с.22], «*Робкое* сердце» [9, с.33];

– *решительный*: «женщине шумной, *решительной*, презиравшей мужчин.» [9, с.33];

– *жестокый*: «Одним словом, это был добротный образчик фашистской расы с ее свинцовыми внимательными глазками, свойственными *жестоким* и глупым животным.» [9, с.16];

– *хитрый*: «Он был седой и *хитрый*, этот генерал.» [9, с.19], «Леса горели на свету, будто их выковали из золота хитрые сибирские кузнецы, выковали каждую ветку, листок, каждый малый стебелек.» [9, с.22];

– *тихий*: «Рассказывал белобрысый, а бледный молчал и улыбался, но Тихон понял, что этот мальчик и был в этом деле заводилой, даром что *тихий*.» [9, с.24] – в рассказе повествуется о мальчике-сироте, стремящимся помогать бывалому солдату, лишенному правой руки, особый интерес вызывает антропоним главного героя – Тихон, этимологически восходящий к корню адъектива. Так читатель сразу же осознает единение душ, характеров и судеб солдата и ребенка не только на сюжетном, но и на лексическом уровнях;

эмоциональные состояния:

– *несчастный*: «*Удрученный несчастьем*, старик послал Настю ухаживать за раненым.» [9, с.8], «Свои, кроме чудака Егора Петровича, никогда не простят ей эту убитую женщину, и *несчастливого* старичка провизора...» [9, с.40];

– *грустный*: «Мальчик *грустно* улыбался и смотрел на огонь» [9, с.25];

– *беспокойный*: «Как-никак, а он любил эту *беспокойную* старуху.» [9, с.29], «Больные были почти все из Москвы – народ требовательный и *беспокойный*.» [9, с.33];

– *суровый*: «Тогда мальчик поднял глаза и застенчиво посмотрел на *суровое* лицо Тихона.» [9, с.25], «...*сурово* побормотала Розалия Борисовна. →» [9, с.31];

– *испуганный*: «*Испуганный* громом, большой зеленый кузнечик прыгнул в окно госпиталя и сел на кружевную занавеску.» [9, с.8], «Махоркой он снабжает бойцов, – *испуганно* пробормотал раненый.» [9, с.30].

Использование подобных определительных компонентов способствует созданию особой коннотативной окраски, награждает синтаксические структуры большей экспрессией, наполняет сюжетную линию эмоциональностью. Так, дети и старики у К.Г. Паустовского *маленькие, старые, тихие, несчастные, грустные* – то есть те, кого необходимо защищать, так как в силу своего возраста самостоятельно сделать они этого не могут; мужчины и женщины – *решиительные, суровые, молодые* – то есть те, кто может и должен защищать свою Родину, а фашисты – *жестокие, глупые и хитрые* – то есть те, от кого необходимо защищать всю страну. Все названные эпитеты вполне закономерны, они описывают суровые реалии того времени и акцентируют характерные для советского народа и оппозиции черты, передавая таким образом через слово автора мироощущение происходящего всего народа.

Таким образом заключим, что эпитеты, выражающие физическое и психологическое особенности человека в военных рассказах К.Г. Паустовского, подкреплены коммуникативными намерениями писателя: наделены многими семантико-стилистическими функциями, отражают национально-культурный компонент значения, имеют символический и экспрессивно-оценочный характер.

2. Эпитеты, описывающие одежду и ее атрибуты

Описания одежды и присущих ей атрибутов в военной прозе К.Г. Паустовского, как показывает исследование, несет социальную нагрузку и обладает ценностно-нравственной семантикой. Его персонажи в силу своей социальной принадлежности и обстоятельств военного времени всегда одеты в простые, старые вещи: «Он лез, не раздеваясь, в воду, шарил под камнями, потом выходил на берег, садился отдохнуть, и с его *ветхого* пиджака текла ручьями морская вода.» [9, с.33], «Она накинула *рваную* телогрейку и пошла к столбу.» [9, с.33], «Настя сняла с головы *старенький платок*, подарок матери, и повесила его на перила» [9, с.9], «Первое время она сидела в оцепенении и ничего не понимала, только перебирала дрожащими пальцами бахрому *старенького серого платка*.» [9, с.40], «Обеими руками она комкала *старенькую шелковую сумочку*, где, кроме носового платка и ключа от сарайчика, ничего не было.» [9, с.41], «Варвара Яковлевна дрожала так, что у нее стучали зубы, старалась стиснуть изо всех сил зубами уголок *старенького серого платка*, шептала» [9, с.40] – отметим здесь эпитет *старенький*, который писатель намерено предпочитает прилагательному *старый*, награждая уменьшительно-ласкательным суффиксом, передавая так трепетное, ласковое, бережное отношение обладателей к данной детали; «Его *рабочий* костюм был *забрызган желтой краской*.» [9, с.9] – с помощью используемых прилагательных акцентируется деятельность персонажа. Следует отметить, что в произведениях в контрасте с описанием русских людей представлены описания не только отношения, поведения и характеров фашистов, но и их одежда, награждаемая эпитетом *блестящий*: «На рассвете два бойца, в *блестящих* от дождя касках, привели в глинобитную хату, где помещался майор, старого низенького человека.» [9, с.12]. С помощью этих контекстных антонимов автор показывает, как тяжело было советскому народу и как просто и легко поначалу было немцам. Однако автор не может не передать своего отношения к тем, кто так издевательски и жестоко относился к советским людям, прибегает к употреблению оценочного в данном контексте эпитета *вишневый* при описании верхней одежды вора: «Он убил их тут же, ударяя головой о мраморный стол и унес, завернув в *свою вишневую* куртку.» [9, с.17].

Автор отступает от идеи полного описания одежды, выделяя один наиболее значимых атрибутов, подбирает для него лаконичный эпитет, который становится постоянным в анализируемых рассказах. К числу подобных относится колоритным *серый*: «Старуха в разноцветных валенках: левый – *серый*, а правый – черный...» [9, с.26], «Кричали и металась солдаты в *темных серых* шинелях» [9, с.41], «Первое время она сидела в оцепенении и ничего не понимала, только перебирала дрожащими пальцами бахрому *старенького серого платка*.» [9, с.41], «Среди *серых* шинелей синел комбинезон летчика.» [9, с.41]. Отметим, что в живописи это один из наиболее неброских и незаметных цветов, прибегая к его использованию при описании одежды персонажей, автор передает свои сострадание и боль, стремится вызвать ответные чувства у читателя. Именно этот цвет в русском языковом сознании вызывает стойкие ассоциации с войной, тревогой, смертью.

При анализе было выявлено, что подробное портретное описание встречается лишь однажды, но данный пример весьма красноречив: изображается военный летчик – герой, способствовавший освобождению деревни: «Варвара Яковлевна не могла на него наглядеться: *синяя* куртка летчика, *темные* глаза, *голубые* петлицы, *серебряные* крылья на рукавах, а сам весь *черный, загорелый*, но все такой же застенчивый.» [9, с.35]. Используя данные эпитеты, К.Г. Паустовский усиливает трансляцию витальной энергии, исходящей от Вани, – именно таким должен быть настоящий патриот и герой Великой Державы. Акцентируется внешняя и внутренняя непоколебимость персонажа. Автор намеренно идеализирует его, пока-

зывая, каким необходимо быть истинному бойцу, сражающемуся за свою Родину как большую, так и малую.

Так, заключаем, что идиостилю К.Г. Паустовского свойственны эпитеты-вкрапления, позволяющие описать одну или несколько характерных черт персонажа, наиболее значимых для раскрытия идейного замысла произведения. Анализ показал, что многообразие эпитетов, характеризующих персонажа, заключаются в единую систему, внутри которой дескриптивная, характерологическая, оценочная, идейно-художественная, эстетическая функции взаимодополняются, способствуя построению органичного образа каждого из персонажей, складывающихся в единый народ. Характерная черта паустовских портретов заключается в неразрывном единстве внешности человека и его внутреннего мира, наполненного эмоциями, переживаниями, страданиями и болью. К.Г. Паустовский как истинный мастер слова умело использует яркие портретные эпитеты в изображение манеры поведения и описание переживаний персонажей, выстраивая так образ человека этой непростой эпохи.

Библиографический список

1. Белецкий А. И. Избранные труды по теории литературы. М.: Просвещение, 1964. 476 с.
2. Богуславский В. М. Оценка внешности человека: словарь. М.: АСТ, 2004. 254 с.
3. Габель М. О. Изображение внешности лиц // Вопросы теории и психологии творчества: пособие при изучении теории словесности в высших и средних учебных заведениях: в 8-ми т. / изд.-сост. Б. А. Лезин. Харьков, 1923. Т. 8. С. 191-211.
4. Галанов Б. Е. Живопись словом: портрет, пейзаж, вещь. М.: Советский писатель, 1974. 343 с.
5. Сырица Г. С. Поэтика портрета в романах Ф. М. Достоевского. М.: Гнозис, 2007. 407 с.
6. Уртминцева М. Г. Поэтика портрета в творчестве И. С. Тургенева (цикл «Записки охотника») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Филология», 1999. № 1. С. 117-127.
7. Дмитриевская Л. Н. Пейзаж и портрет: проблема определения и литературного анализа (пейзаж и портрет в творчестве З. Н. Гиппиус). Ярославль: ООО «Литера», 2005. 135 с.
8. Антонова Е.Д. О некоторых особенностях интерпретации художественной детали в тексте словесного портрета // Герценовские чтения. СПб., 2003.
9. Паустовский К.Г. Собрание сочинений в шести томах./ К.Г. Паустовский. Т. 1. М.: государственное издательство художественной литературы, 1958. 665с.
10. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Худож. лит., 1989. 431 с.
11. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М., 2017. 960 с.

References

1. Beletsky A. I. Selected works on the theory of literature. Moscow: Enlightenment, 1964, 476 p.
2. Boguslavsky V. M. Evaluation of a person's appearance: a dictionary. M.: AST, 2004. 254 p.
3. Gabel M. O. The image of the appearance of faces // Questions of the theory and psychology of creativity: a guide to the study of the theory of literature in higher and secondary educational institutions: in 8 volumes / ed. B. A. Lezin. Kharkov, 1923. T. 8. S. 191-211.
4. Galanov B. E. Painting with a word: portrait, landscape, thing. M.: Soviet writer, 1974. 343 p.
5. Syritsa G. S. Poetics of the portrait in the novels of F. M. Dostoevsky. M.: Gnosis, 2007. 407 p.
6. Urtmintseva M. G. Poetics of the portrait in the work of I. S. Turgenev (cycle "Notes of a hunter") // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky. Series "Philology". 1999. No. 1. S. 117-127.
7. Dmitrievskaya L. N. Landscape and portrait: the problem of definition and literary analysis (landscape and portrait in the work of Z. N. Gippius). Yaroslavl: LLC "Litera", 2005. 135 p.
8. Antonova E.D. On some features of the interpretation of the artistic detail in the text of a verbal portrait // Herzen Readings. SPb., 2003.
9. Paustovsky K.G. Collected works in six volumes./ K.G. Paustovsky. T. 1. M.: State publishing house of fiction, 1958. 665 p.
10. Dal V.I. Proverbs of the Russian people. M.: Artist. lit., 1989. 431 p.
11. Ushakov, D.N. Big explanatory dictionary of the Russian language: modern edition. M., 2017. 960 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 81'42:81'373

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.29.92.013

*Кубанский государственный университет
Соискатель кафедры
английской филологии
Гусева С.Э.
Россия, Краснодар
e-mail: konsyelo1986@gmail.com*

*Kuban State University
The chair of English philology
Post-graduate student
Guseva S.E.
Russia, Krasnodar
e-mail: konsyelo1986@gmail.com*

С.Э. Гусева

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ ДИСКУРСА КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Цель настоящего исследования – проанализировать словообразовательный аспект англоязычных неологизмов дискурса компьютерных технологий. Рассматривается вопрос о быстром темпе внедрения неологизмов в связи с развитием информационных технологий в повседневную жизнь общества. Проведен анализ научных статей, диссертаций и учебников ученых-лингвистов. Анализ работ показал, что в исследуемой функционально-стилистической разновидности речи новые лексические единицы, как зарегистрированные в словарях новых слов, так и незарегистрированные лексические новообразования, функционируют практически неограниченно. Большинство терминов в области информационных технологий являются неологизмами. Выявлены способы словообразования научно-технических терминов, отобраны и зарегистрированы, а также описаны новые термины в области информационных и телекоммуникационных технологий. Разработана классификация терминов в области информационных технологий по способу словообразования.

Научная новизна исследования заключается в описании особенностей словообразования и специфики функционирования неологизмов компьютерных технологий. В результате доказано, что основными способами словообразования новой лексики являются словосложение, блендинг, аффиксация, конверсия и аббревиация. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных данных в качестве опорного материала для дальнейших исследований в области лексикологии английского языка новейшего периода.

Ключевые слова: неологизм, компьютерный дискурс, блендинг, аффиксация, аббревиация.

S.E. Guseva

ENGLISH NEOLOGISMS IN THE DISCOURSE OF COMPUTER TECHNOLOGIES: WORD-BUILDING ASPECTS

The purpose of the study is to determine the semantic and word-formation aspects of English-language neologisms of computer technologies. The issue of the rapid pace of the introduction of neologisms in connection with the development of information technology in the daily life of society is considered. The analysis of scientific articles, dissertations and textbooks of linguists was carried out. The analysis of the works showed that in the studied functional-stylistic variety of speech, new lexical units, both registered in the dictionaries of new words and unregistered lexical neoplasms, function almost unlimitedly. Most terms in the field of information technology are neologisms. Methods of word formation of scientific and technical terms are revealed, selected and registered, and new terms in the field of information and telecommunication technologies are described. A classification of terms in the field of information technology has been developed according to the method of word formation.

This article discusses the multifunctional nature of neologisms, which is explained by the multitasking requirements for the terminological system of computer technologies. The scientific novelty of the study lies in the description

of the features of word formation and the specifics of the functioning of computer technology neologisms and the establishment of the nature of the functions performed by the studied lexemes in the process of nomination. As a result, it is proved that the main ways of word formation of new idiomatic terminological vocabulary are word formation, blending, affixation, conversion and abbreviation. The practical significance of the work lies in the possibility of using the obtained data as a reference material for further research in the field of the lexicology of the English language of the newest period.

Key words: neologism, computer discourse, blending, affixation, abbreviation.

Язык, как и любой живой организм, непрерывно эволюционирует, обогащаясь разнообразными средствами. Словарный состав современного английского языка сложился в разные исторические эпохи, в том числе с помощью различных словообразовательных средств. Ведущим процессом в развитии словарного состава английского языка на всех его этапах было словопроизводство, то есть образование новых слов из наличествующего материала с помощью тех словообразовательных средств, которые сложились в языке. Наиболее подвижной и гибкой является, как известно, лексическая система языка, изменяющаяся динамично и постоянно вместе с развитием того или иного языкового коллектива, отражая происходящие в обществе изменения и современные тенденции. «Компьютерная сфера как одно из главных и наиболее быстро развивающихся направлений науки не стала исключением. В настоящее время во всем мире развитию компьютерных технологий уделяется огромное внимание. В связи с этим первой по количеству появляющихся новых слов является именно область компьютерных технологий, где активно развивается новая лексика» [1, с. 1].

Неологизмы наиболее полно отражают «адаптацию социума к изменению условий его существования, становясь средством творческого восприятия реальности. Неологизмы входят в категорию слов, обладающих наибольшей языковой активностью, отраженной в их экспрессивном характере и аксиологическом плане» [2, с. 2].

Изучение неологизмов компьютерного дискурса позволяет нарисовать более полную картину современных тенденций развития языка и говорящего на нем общества. Данному виду научного анализа посвящено довольно много работ и исследований, которые рассматривают новые слова с разных сторон и аспектов (Е.И. Галичкина, М.Ю. Касумова, П.Е. Кондрашов, В.Б. Поповская). Сама специфика изучаемого объекта такова, что тема не исчерпывает себя, а исследовательские работы остаются актуальными, дополняя и уточняя анализируемый феномен.

Компьютерный подязык (иногда в качестве синонима употребляется термин «язык для специальных целей» в русском языке и термин Language for Special/Specific Purposes в английском) постоянно пополняется новыми лексическими единицами, причем из-за быстрого устаревания компьютерных программ и самого оборудования многие слова также быстро исчезают. В наши дни оптимальным является понимание подязыка, данное В.М. Лейчиком: «Это сложный объект современного многогранного коммуникативного процесса, включающий интеллектуальное познание мира и обозначение результатов этого познания всей совокупностью собственных и привлеченных языковых/речевых средств соответствующего национального языка» [3, с. 159]. Появление большого числа новообразований в терминологии данного подязыка обусловлено тем, что неологизм дает название новой реалии – объекту, механизму, инструменту, явлению. Ввиду быстрого развития сферы ИТ-технологий по всему миру новые реалии появляются постоянно и требуют перевода на остальные языки. Однако для верного перевода того или иного понятия переводчику следует проанализировать слово в исходном языке. Аспектом анализа, которому мы посвятили данную статью, стали способы словообразования англоязычных неологизмов. Материалом исследования послужили 114 неологизмов компьютерного подязыка, отобранных на материале электронных словарей неологизмов: Wordspy [4], Macmillan Dictionary [5], Urban Dictionary [6], Cambridge Dictionaries Online Blog [7].

Преобладающим способом словообразования неологизмов в дискурсе компьютерных технологий является **словосложение** (около 70 %). Современная практика словосложения в английском языке со всей очевидностью подтверждает данное положение. Ведущее место среди неологизмов сложных слов принадлежит существительным модели N+N. Причем, если модели типа moonship, которая образует производные путем обычного соположения основ, принадлежит значительная доля неологизмов – сложных существительных типа N+N, то подавляющая их часть – это так называемые нестойкие сложные слова, легко распадающиеся и превращающиеся в словосочетания. Занимая пограничное положение между сложными словами и словосочетаниями, эти неологизмы обладают ярко выраженной семантической цельностью, что проявляется в идиоматизированности их значения, и могут идентифицироваться структурно и функционально как сложные слова. Такая семантическая

спаянность компонентов сложного целого – результат узкоспециального характера значения того или иного неологизма или присутствия в нем семантического приращения [8, с. 156].

Среди основных типов словосложения, а именно видов словосложения, имеющих результатом существительное, прилагательное и глагол, наибольшую эффективность в плане образования неологизмов показало имя существительное.

N+ N (Существительное + существительное).

Некоторые из неологизмов данной модели описывают компьютерное оснащение:

rootkit – *a piece of software that enables secret access to a computer* (**руткит** – часть программного обеспечения, обеспечивающая секретный доступ к компьютеру) [4];

crap technology – *devices that work as intended and are inexpensive but have limited features and are not stylish or fashionable* (**никуда не годные технологии** – устройства, которые работают по назначению и стоят недорого, но имеют ограниченные возможности и не являются стильными или модными) [4];

password wallet – *a piece of software which remembers all your passwords and automatically enters them for you* (**кошелек для паролей** – программа, которая запоминает все ваши пароли и автоматически вводит их за вас) [5].

Выделяются определенные лексемы, обозначающие человека, задействованного в технологическом процессе:

black hat – *someone who engages in criminal activity on the Internet, such as an illegal hacker* (**черная шляпа** – тот, кто занимается преступной деятельностью в Интернете, например, нелегальный хакер) [6];

white hat – *someone who engages in computer security* (**белая шляпа** – тот, кто занимается компьютерной безопасностью) [5];

glasshole – *a person who wears Google Glass and refuses to remove it when directly interacting with other people, private gatherings, or public events* (**очконосец** – человек, который носит очки Google Glass и отказывается снимать их при прямом общении с другими людьми, частных собраниях или публичных мероприятиях) [6].

Однако большая часть неологизмов освещает общие и отвлеченные понятия:

dwell time – *the time spent on a website* (**время пребывания** – время, проведенное на сайте) [7];

zombie account – *a savings account that pays negligible interest* (**счет-зомби** – сберегательный счет, по которому выплачиваются незначительные проценты) [7];

click bait – *to put something on a website that will attract users to click on a link* (**кликбейт** – размещение на сайте того, что заставит пользователей перейти по ссылке) [5];

screen sightedness – *myopia caused by too much time spent indoors staring at small screens* (**экранная близорукость** – близорукость, вызванная тем, что вы слишком много времени проводите в помещении, глядя на маленькие экраны) [6];

gameboy back – *a spinal problem in children caused by overuse of gaming consoles* (**спина игрока** – проблема с позвоночником у детей, вызванная чрезмерным использованием игровых консолей) [7];

digital dementia – *impaired memory and cognitive functioning due to the extended use of digital devices* (**цифровая деменция** – нарушение памяти и когнитивных функций из-за длительного использования цифровых устройств) [4].

Среди всех существительных выделяются неологизмы такой словообразовательной модели, как **N+ Abbreviation** (где одно из составляющих – это **аббревиатура**):

smart TV – *a television that connects to the Internet and can download apps* (**смарт-ТВ** – телевизор, который подключается к Интернету и может загружать приложения) [4];

IP address spoofing – *the use of a fake IP address to carry out a denial-of-service attack* (**IP** – аббревиатура от *Internet Protocol*) (**подмена IP-адреса** – использование поддельного IP-адреса для проведения атаки типа «отказ в обслуживании» (**IP** – аббревиатура от *Internet Protocol*) [6].

Рассуждая об использовании сложных прилагательных в английском языке, можно сделать вывод, что в научно-технической литературе композитные прилагательные используются ввиду их экономичности, компактности и ясности.

Еще одной продуктивной моделью является **Adj+N (Прилагательное + существительное)**.

Неологизмы данной группы составляют около 20 %:

casual game – a very simple, non-specialist video game that can be played by anyone (**повседневная игра** — очень простая, неспециализированная видеоигра, в которую может играть любой) [7];

Big Data – the immense amount of data now available, especially data about the preferences and interests of the public, as a result of social media use (**большие данные** — огромный объем данных, доступных в настоящее время, особенно данных о предпочтениях и интересах общественности, в результате использования социальных сетей) [7];

hybrid camera – a digital camera for which apps are available and which has many of the functions of a smartphone (**гибридная камера** — цифровая камера, для которой доступны приложения и которая обладает многими функциями смартфона) [5];

wearable technology – devices such as headsets intended to be worn about the person (**переносные технологии** — такие устройства, как гарнитуры, предназначенные для ношения на человеке) [4];

endless runner – describes a video game in which a character keeps running, encountering a variety of obstacles (**бесконечный бегун** — описывает видеоигру, в которой персонаж продолжает бежать, сталкиваясь с различными препятствиями) [7];

flat design – a term used to describe a simple screen design which does not feature the drop shadows or textures of a skeuomorphic ally designed screen (**плоский дизайн** — термин, используемый для описания простого дизайна экрана, в котором нет теней или текстур экрана со скевоморфным дизайном) [5];

smartwatch – a watch that can be used as a computer or phone, with a small keyboard (**умные часы** — часы, которые можно использовать как компьютер или телефон, с небольшой клавиатурой) [6].

Несмотря на растущую тенденцию к образованию слов подобным образом, их количество не безгранично. Т.В. Максимова объясняет это тем, что «если словообразование не будет опираться на определённые штампы и близкие ассоциативные связи, то слово не будет понято и принято коллективом говорящих на одном языке людей» [9, с. 7].

В данной словообразовательной модели выделяются частотой появления неологизмы с прилагательным **digital** – showing information in the form of electronic image (цифровой):

digital hangover – feelings of shame and regret caused by social network photos and other online evidence of one's embarrassing behavior (**цифровое похмелье** — чувство стыда и сожаления, вызванное фотографиями в социальных сетях и другими онлайн-свидетельствами своего неловкого поведения);

digital afterlife – what remains of a person online after their death (**цифровая жизнь после смерти** — то, что остается от человека в сети после его смерти);

digital fabrication – the making of an object from a digital model or program, as for example, with a 3-D printer (**цифровое производство** — изготовление объекта по цифровой модели или программе, например, на 3D-принтере);

digital detox – a period in which a person abstains from using electronic devices such as smartphones, usually in an endeavor to lower stress levels and re-engage with the physical world (**цифровая детоксикация** — период, в течение которого человек воздерживается от использования электронных устройств, таких, как смартфоны, обычно в попытке снизить уровень стресса и восстановить связь с физическим миром) [7].

Частотность данного компонента не является случайностью, так как лексема «digital» имеет широкое значение, напрямую относясь к номинации множества явлений, которые имеют отношение к технологиям, Интернету и компьютерам. Английский термин происходит в свою очередь от латинского «digitus» («палец»). Поскольку до появления чисел при расчетах использовались пальцы (для целых чисел), то термин digital стал применяться для технологий, имеющих дело с дискретными значениями.

Прагматический (эмотивный) аспект лексического значения выражает оценку обозначаемого объекта или понятия с помощью стилистически маркированных лексических единиц. Такие единицы не являются стилистически нейтральными. Они составляют оценочный, эмоционально-экспрессивный компонент лексического значения. Следует заметить, что в функциональной лингвистике такие характеристики разграничены и не выступают синонимами. Прагматический аспект лексического значения, как правило, реализуется в метафорическом компоненте содержания новой лексической единицы. Приведенные выше неологизмы-термины в качестве примеров идиоматичности и мотивированности выполняют стилистическую функцию в речи.

Периодическое использование терминов за рамками научного стиля приводит к переориентации их речевого употребления. Термины как средства выражения специальных реалий, категорий и понятий утрачивают свою конкретизацию, границы содержания понятия, именуемого конкретным термином.

ном, расширяются. «Данная лексика превращается из общенаучной терминологии в общенаучную лексику, то есть лексику неспециального содержания, широкого обобщенного значения и книжного по употреблению характера, использование которой уже не ограничивается одним научным стилем. Обсуждение специальных тем, затрагивающих вопросы науки и техники в рамках данного стиля, неизбежно упрощает понятийную сторону данных тем и переводит сообщение на более или менее популярный, неспециализированный уровень» [10, с. 46].

Аффиксация представляет собой достаточно большой процент всех представленных нами неологизмов (около 15%). Аффиксация в современном английском языке выступает как один из наиболее продуктивных способов словообразования. При помощи аффиксации образуются «именные части речи (прилагательные, существительные), наречия и глаголы. «Наибольшей продуктивностью обладают основы прилагательных и существительных. Словообразовательной активностью также обладают полусуффиксы, префиксы и полуаффиксы. Знание семантики суффиксов и префиксов помогает определить значение слов, образованных при помощи них по аффиксации» [11, с. 136].

Популярной для неологизмов компьютерного дискурса выступает модель, в которой существительные, обозначающие части или процессы виртуального общения, с добавлением суффикса **-er** начинают обозначать участника IT-компаний или человека из сферы компьютерных технологий:

modder – *someone who modifies software, often illegally* (**моддер** – тот, кто модифицирует программное обеспечение, часто нелегально) [4];

cracker – *someone who evades security measures to get into a computer or network* (**взломщик** – тот, кто уклоняется от мер безопасности, чтобы проникнуть в компьютер или сеть) [5].

Имеют место и другие суффиксы:

bloggable – *worthy of being written about in a blog* (**блогоугодный** – достойный того, чтобы о нем написали в блоге) [5].

Однако префиксы также занимают существенную часть в словообразовании неологизмов:

nanatechnology – *technology, particularly microchip-based devices, designed to improve the quality of life of the elderly* (**нанатехнологии** – технологии, в частности, устройства на основе микрочипов, предназначенные для улучшения качества жизни пожилых людей) [6];

holopresence – *a proposed new technology, used for instance for teleconferencing, that uses very high quality images and sound to give the impression that people are in the same room, or to give the impression that someone is in a different place* (**полный эффект присутствия** – предложенная новая технология, используемая, например, для видеоконференций, которая использует изображения и звук очень высокого качества, чтобы создать впечатление, что люди находятся в одной комнате, или чтобы создать впечатление, что кто-то находится в другом месте) [7];

iLegacy – *Steve Jobs' contribution to the world of technology, as evinced by all the Apple products* (**и-наследие** – вклад Стива Джобса в мир технологий, о чем свидетельствуют все продукты Apple) [6];

self-tracking – *the practice of using a Smartphone to monitor and record one's health and wellbeing* (**самоотслеживание** – практика использования смартфона для контроля и записи своего здоровья и самочувствия) [5];

techno-fundamentalism – *the unquestioning embracing of all that technology has to offer, believing that it holds the answers to every problem* (**техно-фундаментализм** – безоговорочное принятие всего, что может предложить технология, вера в то, что она содержит ответы на все вопросы) [4];

e-ink – *TRADEMARK a type of technology used to show words on an e-reader* (**интернет-чернила** – торговая марка, тип технологии, используемой для отображения слов на электронных ридерах) [5].

Употребление данных префиксов несет вполне закономерный характер, **techno-, nana-, holo-** (приставка от греческого *ὅλος*, «весь») напрямую указывают на сферу высокотехнологичных разработок. Префикс **e-** отображает ссылку на продукты, связанные с интернетом. Префиксы **i-** и **self-** являются ничем иным, как ссылкой на развитие технологического и аксиологического потенциала мобильных телефонов в XXI веке, в частности iPhone.

Бленды представляют около 10 % всех изученных неологизмов.

Говоря о блендинге как способе словообразования, необходимо рассмотреть глобальность самих слов-слитков или телескопизмов (слов, появляющихся в результате словослияния), так как при образовании слов-слитков форма слов-компонентов является весьма значимым фактором.

«В современном коммуникативном пространстве наблюдается «актуализация блендинга как способа игрового словообразования. Благоприятной средой для создания и распространения блендов

служит интернет-пространство массового лингвокреатива. Исследователи фиксируют количественный и качественный скачок речевых инноваций в сетевой среде» [12, с. 299]. Новизна и оригинальность слов-блендов обуславливает «их принадлежность к основным маркерам лингвокреативности» [13, с. 46].

Появление термина *блендинг* принято связывать с именем Льюиса Кэрролла и его произведением «Алиса в Зазеркалье» (слова-«портмоне»). Но некоторые исследователи утверждают, что единичные бленды существовали в разных языках еще в древние века.

Одной из актуальных научных проблем является «выбор термина из ряда синонимичных: *блендинг, контаминация, словослияние, скорнение, стяжение, паронимическая аттракция, гибридизация, телескопия* и др.» [14, с. 2770]. Если в исследованиях конца XX века чаще употреблялся термин *телескопия*, то в XXI веке наибольшую частотность получили термины *контаминация* и *блендинг*, первый из которых имеет в лингвистике несколько омонимичных значений. Подробно соотношение терминологических вариантов рассмотрено в статье Н.А. Шейфель «Понятие блендинга и его отличие от других смежных способов словообразования в лингвистике» [15, с. 290], где автор не только описывает данные термины, но и проводит их дифференциацию.

В данной работе для анализа эмпирического материала будет использован термин *блендинг*. Приведем несколько примеров блендов компьютерного дискурса.

sofalise – *to stay in and communicate with family and friends via electronic devices* (**диванизироваться** — оставаться дома и общаться с семьей и друзьями через электронные устройства) [7];

hacktivist – *someone who hacks into computer data as a form of activism* (**хактивист** – тот, кто взламывает компьютерные данные в качестве формы активности) [6];

slacktivist – *someone whose activist activities are confined to signing online petitions* (**слабактивист** – человек, чья активистская деятельность ограничивается подписанием онлайн-петиций) [5];

phablet – *a hybrid device that is halfway between a smartphone and a tablet computer* (**телефонопланшет** — гибридное устройство, нечто среднее между смартфоном и планшетным компьютером) [5];

midcore – *describes video games that are midway on the line between hardcore and casual* (**мидкор** – описывает видеоигры, которые находятся на полпути между жесткой и повседневной игрой) [4].

По определению О.А. Хрущевой, «бленд образуется в результате взаимодействия двух или более исходных единиц, которые проходят процесс усечения и объединяются в единую лексему либо имеют сходные фрагменты в своей структуре и объединяются путем наложения» [17, с. 9]. Под блендингом мы понимаем способ словообразования, при котором в результате слияния двух или трех лексем, основ, квазиморфов создается новая лексическая единица, имеющая оригинальное значение.

В нашем исследовании мы отмечаем, что бленды были созданы путем слияния двух лексических единиц, одна из которых может номинировать людей: ***hacktivist*** от ***activist***. Другие бленды используют название гаджетов, напрямую связанных с дискурсом информационных технологий: ***phablet*** от ***tablet***. Некоторые неологизмы представлены с ироничным подтекстом, подчеркивая то, что современная приверженность к использованию социальных сетей и видео связи ведет к все большему общению через экран, нежели в реальности (***sofalise*** – *sofa+ socialise*)

Конверсия наряду с блендами составила также около 9% изученных слов. Конверсию определяют как «тип словообразования, при котором новое слово появляется в языке без изменения основной формы исходного слова, т.е. без изменения или добавления морфем, но в другой части речи. Новое слово включается в другую парадигму, получает новые синтаксические функции и приобретает новое лексико-грамматическое значение» [11, с. 259].

При помощи конверсии образован глагол *to google* – искать в интернете при помощи поисковой системы Google. Глагол образован от имени собственного, изначально обозначавшее только название компании. Глагол *to google* также породил однокоренное прилагательное *ungoogleable*. Эта лексема была использована BBC в значении «того, о чём едва ли можно найти какую-либо информацию в Интернете» [6].

Конверсия – типичное явление для многих функциональных стилей английского языка, в том числе для языка компьютерных технологий. Исходная, производящая и производная основы при конверсии связаны определенными семантическими отношениями. Нами было отмечено, что для сферы высоких технологий наиболее типичны случаи перехода существительного в глагол, когда обе основы связаны агентивными или инструментальными отношениями:

badge – *to put a badge on your personal profile on a social networking website in order to show your support for a cause* (**бейджить** – разместить бейдж в своем личном профиле на веб-сайте социальной сети, чтобы показать свою поддержку какого-либо дела) [7];

pin – *to put an image or video on a virtual moodboard on the website Pinterest* (**запинить** – для размещения изображения или видео на виртуальной доске настроения на сайте Pinterest) [7];

dox – *to release harmful information about a person or company, as a form of online protest* (**докснуть** – распространять вредоносную информацию о человеке или компании в качестве формы онлайн-протеста) [6].

Общая схема семантических изменений при образовании глаголов от неодушевленных существительных может быть представлена как: приглушение семы «предметность» и добавление семы «действовать посредством предмета, которая становится стержнем нового значения.

При образовании глагола от прилагательных на семном уровне происходит приглушение семы «качество» и добавление семы «действовать посредством качества предмета», которая становится центром значения субстантивированной единицы:

favorite – *to mark a web page as a favorite on your browser* (**добавить в избранное** – пометить веб-страницу как избранную в вашем браузере) [4].

Как известно, конвертированные единицы представляют собой особый тип дериватов, так как их производность носит внутренний (семантический) характер. Исходя из тесной связи между семантикой и прагматикой, представляется необходимым предварить прагматический анализ анализом тех семантических процессов, которые сопровождают образование по конверсии.

Не вызывает сомнений, что «причиной широкого распространения конверсии в современном английском языке служит отсутствие морфологических элементов, являющихся индикаторами классов или форм, маркирующих те части речи, к которым принадлежит данное слово» [18, с. 34].

Аббревиация – произвольный процесс сокращения наименования какого-либо объекта, является весьма продуктивным способом обогащения лексической системы компьютерного дискурса. Исходным вариантом сокращенной номинации могут быть узкоспециальные или терминологические слова и словосочетания, речевые высказывания, относящиеся к сфере разговорного языка, а сами аббревиатуры на определенном этапе являются языковыми неологизмами. Использование аббревиатур в сфере IT обеспечивает сочетание высокой информативности, экспрессивности и краткости изложения материала.

4G – *describes the fourth generation of wireless technology, for instance for broadband connections* (описывает беспроводную технологию четвертого поколения, например, для широкополосных соединений);

CD-ROM – *compact disk read only memory* (компакт-диск только для чтения);

CPU – *central processing unit* (центральный процессор);

VGA – *video graphics array* (матрица видеографики);

MIDI – *musical instrument digital interface* (цифровой интерфейс музыкального инструмента);

URL – *uniform resource locator* (унифицированный указатель ресурса);

TTP – *Hyper Text Transfer Protocol* (протокол передачи гипертекста);

FTP – *File transfer protocol* (протокол передачи файлов);

CEO – *Chief Executive Officer* (главный исполнительный директор) [7].

Как показал анализ фактического материала, расстановка знаков препинания в сокращениях не соответствует принятым орфографическим нормам. Исследование аббревиатурной фонетики основывалось на орфоэпическом принципе. Намечены три основные группы сокращений.

1. Аббревиатуры, произносимые как сочетание алфавитных названий входящих в них букв.
2. Аббревиатуры, произносимые как обычные слова, состоящие из данных звуков, согласно произносительной норме языка, т.е. имеющие слитное произношение.
3. Буквенно-звуковые аббревиатуры, в произнесении которых сочетаются оба вышеуказанных способа.

Создание специфического языка пользователей сетевого сообщества характеризуется обилием разнообразных аббревиатур, что в свою очередь обусловлено лаконичностью и информативностью. Сетевое сообщество выработало свой особый стиль общения, так называемый язык **Leet Speak**. Данный язык выступает в форме оппозиции общепринятым нормам литературного языка. Оппозиции проявляются на всех лингвистических уровнях: лексическом, грамматическом, синтаксическом, а

также семантическом. Отсутствие норм языка Leet характеризуется экспрессивностью, иронической окраской лексических единиц.

Аббревиатурные новообразования являются неотъемлемыми элементами компьютерного дискурса. Активизация использования аббревиатур в компьютерном дискурсе обусловлена появлением многокомпонентных номинаций, обозначающих объекты компьютерной индустрии, не получившие еще в общественном сознании строгого понятийного осмысления.

Аббревиация призвана служить «повышению результативности коммуникации, являющейся одной из основных причин развития общества и языка как средства общения. Аббревиация позволяет заполнить лексические или словообразовательные лакуны в узальной лексике, подтверждая потребность общества в назывании новой реалии. Таким образом, аббревиация выполняет не только коммуникативную, когнитивную, но и номинативную функции» [19, с. 140].

В современной науке и обществе тематическая сфера компьютерных технологий представляет собой обширную, быстро развивающуюся и постоянно обновляющуюся понятийную область, требующую системного изучения и описания. В последние десятилетия наблюдается повышенный интерес исследователей не только к компьютерной терминологии и специфике перевода узкоспециальных терминов (в силу того, что большая часть инструкций и технических документов часто не имеет перевода на русский язык), но и к моделированию крупных пластов лексики в системе языка и коммуникации.

В данной работе нами были изучены различные словообразовательные модели, которые являются ключевым механизмом создания неологизмов. Словообразовательный процесс находит непосредственное отражение тех постоянных изменений, которые происходят в составе языка в связи с изменениями деятельности человека. Проведенный анализ англоязычных неологизмов дискурса компьютерных технологий из лексикографических источников показал, что **словосложение** является основным способом образования неологизмов: подобным образом было создано около 70% слов. Вторым по степени значимости способом образования неологизмов является **аффиксация** – 15% слов; третьим по значимости словообразовательным способом стал **блендинг** – 10% слов; далее сокращения, аббревиацию – 5% слов; слова и меньше всего слов было создано при помощи **конверсии** – 9%.

Библиографический список

1. Гусева С.Э. Язык видеоигр: словообразовательный аспект // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сборник научных трудов. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2023. С. 16–24.
2. Катермина В.В. Когнитивно-прагматический аспект английских неологизмов в экологическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. №9(467). С. 84–90.
3. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет. Методы. Структура. М.: КомКнига, 2006. 256 с.
4. Cambridge Dictionaries Online. URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms> (дата обращения: 12.02.2023).
5. Macmillan Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 12.02.2023).
6. Urban Dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 12.02.2023).
7. Wordspy. URL: <http://www.wordspy.com> (дата обращения: 12.02.2023).
8. Мешков О.Д. Семантические аспекты словосложения английского языка. М.: Наука, 1986. 208 с.
9. Максимова Т.В. Современные тенденции развития сокращения как способа словообразования в английском языке // Вестник ВолГУ. 2003. № 10. С. 66–67.
10. Гарифуллина Э.И., Кознова О.А. Особенности использования неологизмов в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 8 (26). Ч. 2. С. 46–49.
11. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1989. 352 с.
12. Радбиль Т.Б. Новые явления в языковой среде русскоязычного интернета: к проблеме семантического и прагматического освоения языковых инноваций в свете «лингвистики креатива» // Лингвистика креатива. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. С. 298–326.
13. Ирисханова О.К. Лингвокреативные основания теории номинализации: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 332 с.
14. Ибраева А. Ф. Блендинг как продуктивный способ словообразования в англоязычных чат-коммуникациях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. С. 2769–2772.
15. Шейфель Н.А. Понятие блендинга и его отличие от других смежных способов словообразования в лингвистике // Современные проблемы языкознания, литературы, межкультурной коммуникации и лингводидактики: материалы II международной научной конференции. Белгород. 2016. С. 290–294.
16. Хрущева О.А. Универсальные и лингвокультурные особенности блендинга: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2011. 23 с.

17. Вишнякова А.В., Савкина А.А. Конверсия как одна из продуктивных моделей образования неологизмов в современном интернет-дискурсе // Журнал «E-Scio». No 4 (55). 021. С. 104–109.

18. Абрамов В.Е., Хуснуллина Ю.А. Коммуникативная аббревиация компьютерного дискурса. Самара: ИУНЛ ПГУТИ, 2012. С. 127–140.

References

1. Guseva S.E. Video game language: word-formation aspect // Interdisciplinary aspects of linguistic research: a collection of scientific studies. Krasnodar: Kuban State University, 2023, P. 16–24.

2. Katermina B.V. Cognitive-pragmatic aspect of English neologisms in ecological discourse // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2022. Vol. 9 (467). P. 84–90.

3. Leichik V.M. Terminology: Subject. Methods. Structure. Moscow, 2006. 256 p.

4. Cambridge Dictionaries Online. URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms> (date of application: 02/12/2023).

5. Macmillan Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com> (date of application: 02/12/2023).

6. Urban Dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com> (date of application: 02/12/2023).

7. Wordspy. URL: <http://www.wordspy.com> (date of application: 02/12/2023).

8. Meshkov O.D. Semantic aspects of the composition of the English language. Moscow, 1986. 208 p.

9. Maksimova T.V. Modern trends in the development of abbreviation as a way of word formation in English // Bulletin of the VolSU. 2003. Vol. 10. P. 66–67.

10. Garifullina E.I., Koznova O.A. Features of the use of neologisms in modern English // Philological Sciences. Issues of theory and practice. 2013. Vol. 8 (26). Part 2. P. 46–49.

11. Arnold I.V. Lexicology of modern English. Moscow, 1989. 352 p.

12. Radbil T.B. New phenomena in the language environment of the Russian-speaking Internet: to the problem of semantic and pragmatic development of language innovations in the light of "linguistics of creativity" // Linguistics of creativity. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2020. P. 298–326.

13. Iriskhanova O.K. Linguistic and creative foundations of the theory of nominalization: thesis... Doctor of Philology. Moscow, 2004. 332 p.

14. Ibraeva A.F. Blending as a productive way of word formation in English chat communications // Philological Sciences. Issues of theory and practice. 2021. P. 2769–2772.

15. Sheifel N.A. The concept of blending and its difference from other related methods of word formation in linguistics // Modern problems of linguistics, literature, intercultural communication and linguodidactics: materials of the II international scientific conference. Belgorod, 2016. P. 290–294.

16. Khrushcheva O.A. Universal and linguocultural features of blending: abstract of the thesis... candidate of philological sciences. Chelyabinsk, 2011. 23 p.

17. Vishnyakova A.V., Savkina A.A. Conversion as one of the productive models for the formation of neologisms in modern Internet discourse // E-Scio. Vol. 4 (55). 2021. P. 104–109.

18. Abramov V.E., Khusnullina Y.A. Communicative abbreviation of computer discourse. Samara, 2012. P. 127–140.

УДК 81'25

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.42.17.014

*Стерлитамакский филиал Уфимского университе-
та науки и технологий*

*Канд. филол. наук, доцент кафедры германских
языков*

Матвеева Н.В.

Россия, Республика Башкортостан,

г. Стерлитамак, тел. +7(917)4175992

e-mail: n.v.matveeva@struust.ru

*Sterlitamak branch of Ufa University of Science
and Technology*

The chair of the Germanic languages

PhD, assistant professor

Matveeva N.V.

Russia, Bashkortostan Republic, Sterlitamak,

tel. +7(917)4175992

e-mail: n.v.matveeva@struust.ru

Магистрант 2 курса

филологического факультета

Абдрахманова В.К.

Россия, Республика Башкортостан,

г. Стерлитамак

The department of Philology

2-nd-year master student

Abdrakhmanova V.K.

Russia, Bashkortostan Republic,

Sterlitamak

Н.В. Матвеева, В.К. Абдрахманова

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОГО ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ АНЕКДОТА)

Данная статья посвящена проблемам изучения языковых особенностей английского юмора на примере текста анекдота. В исследовании раскрывается понятие «юмор» в современной лингвистической науке, рассматривается специфика анекдота как жанра англоязычных юмористических текстов. В процессе теоретического анализа исследуемой проблематики краткий обзор теорий юмора показал, что проявления феномена юмора в лингвистике еще не получили достаточного освещения. Особенностью анекдота является его включенность в речь, в речевую ситуацию на смысловом уровне. Признаками анекдота можно отметить направленность сюжета на смысловое содержание, коммуникативную функцию анекдота, односложную линию мотива.

В данной работе проанализированы языковые особенности английских анекдотов. В ходе анализа было выявлено, что существует множество способов создания в них комического эффекта, среди которых выделяются: каламбур, полисемия, повторы, ирония, преувеличение, антитеза, эффект обманутого ожидания, идиомы, пародия, омофоны, паронимия и другие стилистические средства языка различных уровней (фонетики, лексики, фразеологии, грамматики). На уровне фонетики используются различные приемы звукового оформления, такие, как аллитерация, использование омофонов, логические ударения, паузация. Также применяются особые примеры графического оформления, слитное написание слов, нарушение правил. На уровне морфологии может применяться прием с опущением частей слова, разделением слова, использованием несоответствующих грамматических форм. На уровне синтаксиса используется обрывание предикативных или номинативных использований единиц языка. Также в синтаксисе наблюдается нагромождение синтаксических конструкций, неверное управление словами. На уровне словообразования можно отметить примеры переосмысления частей речи, создание новых слов. На уровне лексики наблюдается нарушение масштаба времени, противопоставление одушевленного неодушевленному, обыгрывание многозначных слов, синонимия, омонимия, наличие идиом, подчеркнутое преуменьшение и преувеличение.

Ключевые слова: юмористический текст, анекдот, языковые особенности, комический эффект, уровни языка.

N.V. Matveeva, V.K. Abdrakhmanova

LINGUISTIC FEATURES OF THE ENGLISH HUMOROUS TEXT (ON THE EXAMPLE OF AN ANECDOTE)

This article is devoted to the problems of studying the linguistic features of English humor by the example of the text of an anecdote. The study reveals the concept of "humor" in modern linguistic science, examines the specifics of anecdote as a genre of English-language humorous texts. In the process of theoretical analysis of the studied problems, a brief review of the theories of humor showed that the manifestations of the phenomenon of humor in linguistics have not yet received sufficient coverage. The peculiarity of the joke is its inclusion in speech, in the speech situation at the

semantic level. The signs of an anecdote can be noted the focus of the plot on the semantic content, the communicative function of the anecdote, the monosyllabic line of the motive.

In this paper, the linguistic features of English jokes are analyzed. During the analysis of it was revealed that there are many ways to create a comic effect in them, among which stand out: pun, polysemy, repetition, irony, exaggeration, antithesis, the effect of deceived expectations, idioms, parody, homophones, paronymy and other stylistic means languages of various levels (phonetics, vocabulary, phraseology, grammar). At the phonetic level, various techniques of sound design are used, such as alliteration, the use of homophones, logical accents, and pausing. Special examples of graphic design, combined spelling of words, violation of rules are also used. At the level of morphology, a technique can be used with the omission of parts of a word, the division of a word, the use of inappropriate grammatical forms. At the syntax level, the use of predicative or nominative uses of language units is used. Also, the syntax implements a pile of syntactic constructions, incorrect word management. At the level of word formation, you can find examples of rethinking parts of speech, creating new words. At the level of vocabulary, destruction of the time scale, the opposition of the animate to the inanimate, the playing of polysemantic words, synonymy, homonymy, the presence of idioms, emphasized understatement and exaggeration can be noticed.

Keywords: humorous text, anecdote, language features, comic effect, language levels.

В условиях современности объектом пристальной заинтересованности лингвистов стала проблема языковых особенностей английского юмора. Данный вопрос предполагается раскрыть на примере юмористического текста – анекдота.

Актуальность исследования обусловлена активным научным интересом к проблеме изучения языковых особенностей английского юмора (на примере анекдота). Важность работы прослеживается и в том, что в настоящее время данная тема недостаточно разработана в науке. Несмотря на то, что исследованием данной проблематики занимались многие ученые, специальной литературы по данному вопросу имеется немного.

Объектом исследования данной работы является анекдот как жанр юмористического текста. Предмет исследования – языковые особенности текста анекдота. Цель работы – исследовать языковые особенности английского юмора (на примере анекдота). Данная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) определить содержание ключевых понятий темы, представленных в теоретических научных источниках;
- 2) исследовать языковые особенности английского юмора (на примере анекдота).

Что касается теоретической стороны вопроса, то научный интерес к феномену юмора имеет давнюю историю. К проблематике комического обращались представители разных наук: психологи, философы, культурологи, социологи, начиная еще с античных времен. Лингвисты обратились к данной проблеме в начале XX века. «Представляя собой сложное историческое, этнокультурное, прагматическое, социальное, психическое явление, юмор занимает особое место и в науке о языке. В последние десятилетия представления о комическом как о лингвистическом феномене расширились благодаря исследованиям ученых в области когнитивной лингвистики, прагмалингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии и других смежных наук. Юмор – неотъемлемая часть жизни человека. Длительное время языковеды стремятся определить содержание понятия «юмор», обозначить причины возникновения юмора в речи, разграничить сатиру, шутку, юмор, выявить составляющие комического акта речи, найти средства достижения комического эффекта» [1; с. 101].

Юмор в лингвистике представляет собой использование разных языковых средств для реализации юмористического эффекта. По определению Ю.П. Королевой в работе «Understanding English Humour», юмор – это «a certain mental ability to discover and appreciate the laughable or incongruous» [2; с. 11]. В словаре «Oxford Advanced Learner's Dictionary» даны следующие значения термина «юмор»: «Humour, noun. 1. Uncountable the quality in something that makes it funny or amusing; the ability to laugh at things that are amusing. 2. Countable, uncountable, (formal) the state of your feelings or mind at a particular time. 3. Countable (old use) one of the four liquids that were thought in the past to be in a person's body and to influence health and character» [3].

Данные определения указывают на то, что юмор определяется как способность шутить, понимать комическое. Кроме этого, юмор в словарях ассоциируется с внутренним состоянием, мыслью, чувством («the state of your feelings or mind»). Так, англичане чувствуют особую гордость за национальное чувство юмора, отличительной чертой которого является его позитивный характер.

Исследуя теории вербального юмора в современной зарубежной лингвистике, мы склоняемся к мысли, что «интерес к юмору в настоящее время актуализируется в связи с необходимостью изучить проблему антропоцентрической лингвистики – «язык и эмоции» – и стремлением исследователей описать эстетику действительности с ее ироничным переосмыслением» [4; с. 77].

Сущность юмора выявляется в процессе вербальной коммуникации. По мнению В.Я. Проппа, число «видов смеха равно числу видов человеческих взаимоотношений. Исследователь выделил приемы, которые отвечают за создание юмористического эффекта: пародирование, осмеивание профессий, физического облика человека, ложь, алогизмы, одурачивание, посрамление воли, комическое преувеличение» [5; с. 120].

Изучая лингвистические средства достижения эффекта юмора, А.Н. Лук пришел к выводу, что «остроумие и чувство юмора – это формы психической деятельности человека. По признаку словесно-речевого поведения человека ученый распределил языковые средства по группам: ложное усиление, ложное противопоставление, остроумие нелепости, доведение до абсурда, намек, смешение стилей, буквализация метафоры, двойное истолкование и др. Ученый относил анекдот, наряду с пародией, эпиграммой и шуткой, к литературному жанру» [6].

Как полагает лингвист В. Раскин, развивавший теорию бисоциации, юмор включает в себя «комбинацию двух семантических сценариев (знание о социальном взаимодействии) и пускового механизма, своеобразного переключателя, представляющего собой структурный элемент, эксплицитно выраженный в юморе. Согласно В. Раскину, переключатель в качестве семантического сценария может быть основан на многозначности и быть двусмысленным, в результате чего юмор нельзя перевести на другой язык, он может быть основан на противоречии одной ситуации другой и быть традиционным, способствующим переводимости юмора» [7; с. 51].

В. Раскин, анализируя юмористические тексты и сущность юмора, противопоставляет спонтанный и неспонтанный юмор (юмор и остроумие). Ученый выделяет «восемь типов юмористических высказываний: 1) мягкое, любящее высказывание; 2) намеренное высмеивание; 3) пренебрежительный смех; 4) смех над самим собой; 5) головоломка с каламбуром; 6) загадка; 7) юмор как сублимация протеста; 8) чистый каламбур» [7; с. 53].

Формальная теория юмора, разработанная лингвистом С. Аттардо, появилась вслед за теорией семантических сценариев В. Раскина. С. Аттардо предложил модель компетенции, учитывающую порождение и восприятие юмора по элементам тех оппозиций, которые выявил В. Раскин. В совместном труде «Общая теория вербального юмора» ученые установили дополнительные параметры, на основе которых «базируется интерпретация юмора» [8].

В.И. Карасик, исследовавший формы отражения культуры в языке, считал, что коммуникативное намерение участников юмористического акта уйти от серьезного разговора является одним из характерных признаков юмористического общения. «Юмористическая тональность общения, по мнению ученого, – это стремление сократить дистанцию при наличии определенных смеховых моделей поведения» [9; с. 41].

Описывая лингвистическую основу юмора, Г.Г. Почепцов отметил, что «языковой юмор доступен лишь для людей с высокими интеллектуальными способностями, присутствуя в особенных социолингвистических условиях получения радости от употребления языка и вступления в коммуникацию» [10; с. 15].

Таким образом, процессы понимания юмора, его функции в речевой деятельности, механизмы восприятия юмористической информации рассмотрены в лингвистических теориях комического, исходящих из идеи разрешения несоответствия и учитывающих когнитивные механизмы продуцирования и восприятия юмора.

В рамках исследования языковых особенностей английского юмора необходимо определить содержание ключевого понятия текста и текста анекдота в частности, представленного в лингвистической литературе.

По мнению И.Р. Гальперина, «текст – особая языковая многоаспектная единица, представляющая собой «произведение речетворческого процесса», которое обладает завершенностью и объективировано в виде письменного документа. Текст состоит из названия и языковых единиц, связанных между собой лексической, грамматической, стилистической связями, имеющих определенную целенаправленность и прагматическую установку» [11; с. 84]. Особыми чертами текста автор называет «интенациональность, семантическую и грамматическую связность, завершенность». Автор указывает на информативность, модальность, содержание, членимость текста. На настоящем этапе развития лингвистики «под текстом понимают реализацию речи не только в письменной форме, но и в устной» [11; с. 86].

Структурное единство текста комической направленности предопределено нормативами порождения комического эффекта. В ситуации языковой игры юмористический текст, формируемый посредством интенции и мотива отправителя, должен иметь комическую направленность. Целью порождения языковой игры предопределено коммуникативное единство текста. В рамках единого текстового пространства комический эффект основывается на противопоставлении вариативного и стереотипного, неожиданного и ожидаемого. К примеру, в тексте «The doctor said he'd have me on my feet in a fortnight». – «And did he?» – «Sure, I've had to sell my car» («Доктор сказал, что через пару недель поставит меня на ноги». – «Правда?» – «Ко-

нечно, мне ведь пришлось продать свою машину») вариативной частью является последнее предложение, а первые два составляют стереотипную часть. Совокупность средств языка, которые участвуют в кодировании языковой игры, являются ее ведущими текстообразующими категориями.

К юмористическим текстам, которые содержат бытовую оценку ситуации или событий, относят анекдоты как фольклорные смеховые тексты, направленные на снижение официальных ценностей, на борьбу с социально опасными качествами в определенной культуре. С древних времен анекдот выражал глубинные мысли народа, считаясь художественной формой протеста против государственных преступлений.

В переводе с греческого языка термин «анекдот» означает «неизданный», «неопубликованный». Первые анекдоты XVIII-XIX вв., пришедшие из Европы, были похожи на поучительные и веселые короткие рассказы познавательного характера, в которых упоминались имена известных и авторитетных людей. Анекдот – это «короткий по объему рассказ о незначительном, но характерном происшествии в жизни исторического лица. Позднее анекдот – короткий злободневный рассказ» [12; с. 69].

Более поздние анекдоты создавались без учета воспитательно-познавательной функции. Значимой чертой анекдота становилась его занимательность. Помимо этого, расширился контингент героев анекдота. В современном словоупотреблении анекдот «значит то, что еще не издано» [12; с. 106]. С середины XIX века анекдот воспринимается как небольшой устный шуточный рассказ с остроумной и неожиданной концовкой.

90-е годы XX столетия – начало изучения анекдота как жанра прозы, внедренного в речевую ситуацию. Под анекдотом стали понимать разновидность городского фольклора, устный жанр. Анекдот строится по законам фольклорных текстов, продуктивный жанр городского фольклора.

Анекдот представляет собой повествование, так как относится к устному виду словесности. В основе данного повествования лежат четкая сюжетная линия и замкнутая концовка. Малый повествовательный жанр анекдота имеет и шуточный характер, и острое содержание, часто политическое. При этом важно было учитывать реакцию слушателя анекдота и игру (поведение) рассказчика анекдота для понимания содержания данного юмористического текста.

С позиции коммуникативных стратегий, по мнению В.И. Тюпы, анекдот как нарративный (сюжетно-повествовательный) текст, находящийся с точки зрения жанровой специфики на границе между письменной и устной речью, имеет субъект и адресат дискурсии [13; с. 106]. «Сжатые по структуре анекдоты строятся как повествование лица, которое переживает определенный опыт. В анекдоте содержатся: начальная стадия развития действия, время и место действия, обмен репликами и языковое взаимодействие героев, нередко этнический фон» [13; с. 108]. Анекдот завершается ударной репликой как результатом или разрешением конфликта для читающих и слушающих. Диалог является сюжетообразующим элементом. Текст анекдота, ориентированный на ответную реакцию, зависит от диалогической ситуации. По мнению Е. Курганова, «анекдотическое повествование моделирует окказиональную картину мира, которая своей карнавальностью осмеивает и отвергает ритуальность человеческих отношений и ожидаемые статусные предписания» [14; с. 13].

Среди жанровых особенностей анекдота можно выделить цельность сюжета анекдота, направленность сюжета анекдота на понимание, единая линия мотива в сюжете анекдота, существование анекдота в качестве «фразы в диалоге», коммуникативность анекдота.

Целью анекдота является создание смешной ситуации. «В анекдоте неожиданная развязка разряжает возникшую в разговоре напряженность. Тем самым реализуется медиативная (посредническая) функция, направленная на вывод говорящих из неловкого положения или из паузы» [15; с. 59]. Для понимания анекдота необходимо иметь чувство юмора, хороший вкус, уметь разбираться во многих жизненных явлениях.

Принципы классификации анекдотов основываются на типологии героев и их речевых портретах. С социолингвистической позиции анекдоты разделяются на: взрослые и детские, мужские и женские, анекдоты для необразованных и образованных людей, анекдоты разных социальных групп.

По критерию структурной организации анекдоты подразделяются на: анекдоты-загадки, анекдоты драматургического типа, анекдоты повествовательного типа. Анекдоты, входящие в первую группу, имеют вопросно-ответную структуру, при этом на простой, по сути, вопрос дается весьма остроумный ответ, причем в таком анекдоте герои отсутствуют. Анекдоты второй группы содержат обмен репликами между героями. Для анекдотов третьей группы, имеющих развитую сюжетную линию, характерно описание ситуации с действующими героями.

Следует отметить, что смешной и остроумный анекдот не всегда повествует о смешных вещах [16; с. 79]. Так как анекдот представляет собой текст из нескольких строчек либо более развернутый текст, он об-

ладает определенной эмоционально-психологической направленностью, которая задается с первых слов. В концовке анекдота эта направленность нарушается, смещается. Совершенно другому эмоционально-психическому измерению принадлежит заключительная реплика анекдота. Начало и конец анекдота сталкиваются согласно принципу композиции данного жанра, что обеспечивает движение.

Использование языковых средств в анекдоте требует особого лингвистического исследования.

Анекдот, выступая в качестве жанра англоязычных юмористических текстов, является отражением современных тенденций развития разговорного языка. С этой позиции анекдот может исследоваться не только с лингвистической, но и с литературоведческой точки зрения. Очень часто лингвистические механизмы порождения юмористического эффекта в англоязычных анекдотических текстах реализуются посредством различных приемов языковой игры, иронии, гротеска, повторов, противоречия, эффекта неожиданности [17; с. 73].

Каламбур – одно из главных стилистических средств в английской речевой культуре. Приведем пример каламбура в английском юморе: «Why couldn't Cinderella be a good soccer player? She lost her shoe, she ran away from the ball, and her coach was a pumpkin» [18; p. 20]. Слово ball имеет значения 1) «мяч» и 2) «бал», слово coach – «1) тренер; 2) экипаж, карета».

В специфично организованных речевых текстах английских анекдотов, относящихся к нарративному (повествовательному) жанру, используется разговорная, общеупотребительная лексика, например, office, job, doctor, teacher, wife.

Примеры английских анекдотов такого типа:

1) Teacher: I killed a person. Convert this sentence into future tense. Student: You will go to jail. (*Учитель: Я убил человека. Поставьте это предложение в будущем времени. Студент: Вы сидите в тюрьму.*)

2) Wife: If a Monster was my husband, I would have been much happier with him than with you... Man: But marriages are not allowed in same blood relation! (*Жена: Если бы я была замужем за Чудовищем, я была бы намного счастливее, чем с тобой! Муж: Браки между родственниками запрещены!*)

3) A man placed an advertisement «Wife wanted». The next day he received hundreds of replies, all saying «You can have mine». (*Мужчина разместил объявление: «Требуется жена». На завтра он получил сотни одинаковых ответов: «Моя подойдет?»*)

4) Teacher to doctor's daughter: Your grades are terrible! I shall send for your father! The doctor's daughter: If I were you, teacher, I wouldn't. Daddy always charges 20 dollars for each visit. (*Учитель говорит дочке доктора: «У тебя очень плохие оценки! Придется вызвать твоего папу!» Она отвечает: «Лучше не надо. Папа берет 20 долларов за визит»*) [9; с. 109].

В большинстве случаев анекдоты англичан основаны на полисемии, что создает трудности иноязычным носителям в процессе перевода английского языка на другой, но является благодатной почвой для создания комического эффекта в анекдотах. К примеру, английское юмористическое выражение «A secretary was fired after she was caught stealing from the company» построена на многозначности слова fire. Первое значение глагола – «to set (something) on fire» (сжечь), второе – «to terminate the employment contract of (an employee), especially for cause (such as misconduct or poor performance)» (уволить).

В анекдоте каламбур может функционировать лишь в соответствующем контексте, иначе нарушается понимание текста, «изолированная от контекста фраза или получает прямой смысл, или превращается в некорректное высказывание [16; с. 121]. Лишь улыбку, а не смех вызывает следующий анекдот с участием двух собеседников: «A: My uncle William has a new cedar chest. B: So! Last time I saw him he just had a wooden leg» [19; с. 112]. Благодаря многозначности существительного chest достигается комический эффект. Оно имеет два значения: 1) «furniture with drawers for keeping clothes» (шкаф); 2) «the front of the trunk from the neck to the abdomen» (грудная клетка). В следующем анекдоте комическое достигается также путем использования приема многозначности слов: «Passenger: - Guard! How long will the next train be? Guard: - About six carriages, sir» (слово long может означать и продолжительность, и длину) [20; с. 36].

В текстах английских анекдотов можно встретить такое явление, как говорящие имена и фамилии. Персонажи таких анекдотов наделены именами, позволяющими выявить комичную ситуацию на игре слов. Так, в анекдотическом тексте «Michael met a boy named Nobody. They had a fight. Michael comes home, the mother asks him: – Who hurt you? He says: Nobody» (*Майкл встретил мальчика по имени Никто. Они подрались. Дома мама спрашивает: «Кто тебя побил?» – «Никто»*) [19; с. 134] говорящим именем является Nobody (Никто). За счет имени мальчика, вовлеченного в словесную игру, обнаруживается комизм анекдота.

На полисемии основан и другой английский анекдот: «A: Do you believe in clubs for young people? B: Only when kindness fails» [19; с. 99]. Слово club является многозначным. Собеседник А использует это слово в значении «сообщество людей с идентичными интересами», а собеседник В употребляет данное слово в другом значении: «палка, используемая для наказания», «дубинка».

На омонимии основан анекдот: «A: When rain falls, does it ever get up again? B: In [dju:] time» [19; с. 25]. Омонимия слов выполняет здесь определенную роль в лексико-семантическом аспекте. Существительное dew означает «water that has condensed on a cool surface overnight from water vapor in the theair» (роса), а существительное due, звучащее также, как и dew, имеет значение: «that which is deserved or owed» (надлежащий). В данном примере есть антонимическая пара fall в значении «падать» – get up в значении «подниматься».

В английском юморе есть шутивная фраза: «You can never bank on a bank to look after your money». Это случай омонимии. Слово bank означает «место хранения денег людьми». Значение to bank on – «делать ставку на что-либо».

Гипербола, основанная на преувеличении, является одним из лексических средств создания комического в английском анекдоте. Приведем пример использования гиперболы: «I had been led to believe of course as everybody in Britain that really there's one nation in the heaven that is in charge and they are the Welsh» (*Меня, как и всех в Британии, заставили поверить, что на самом деле на небесах есть одна нация, которая отвечает за все, и это валлийцы*). В данном случае гипербола помогает создать комический эффект [21; с. 29].

При наличии в юмористическом тексте идиом обычно возникают сложности при восприятии и понимании подобных анекдотов. Об этом свидетельствует анекдот: «When a woman complained to her butcher that his sausages tasted like meat at one end, but like bread crumbs at the other, he replied: «Madam, in times like these no butcher can make both ends meat» (*Женщина жалуется мяснику, что сосиски у него имеют вкус мяса с одного конца и вкус хлеба с другого. Он отвечает: «Мадам, в наше время редкий мясник может свести концы с концами»*) [19; с. 87].

Пример анекдота, основанного на идиоматическом выражении: «A: Why is a crow a brave bird? B: He never shows a white feather» [19; с. 99]. В целях создания комического эффекта необходима интерпретация с заменой образа при передаче смысла текста («show a white feather» – букв. «показывать белое перо»; в переносном смысле – проявлять трусость).

В рамках исследования фонетических средств, используемых в английских анекдотах для создания комического эффекта, можно рассмотреть пример анекдота: «Guest: What is this? Waiter: It's bean soup, sir. Guest: No matter, what it's been, what is it now?» [22; с. 43]. Данная анекдотическая история основывается не только на омонимии, но и, в частности, на омофонах. It's bean, которое может быть расшифровано как: 1) It's bean soup = It is bean soup (настоящее простое время) в значении «это бобовый суп»; 2) It's bean = It has bean soup (настоящее совершенное время) в значении «это было».

Существуют английские непередаваемые анекдоты, в которых текст не представляется возможным перевести на русский язык по причине отсутствия аналогичных омофонов. Пример: «– Why is it so wet in England? – Because many kings and queens have reigned (rained) there» [22; с. 52]. В английском языке лексема reign означает «править», слово rain имеет значение «идет дождь». При произношении слова и выражения могут одинаково звучать, однако воспринять их можно по-разному, отсюда – недопонимание.

Эффект обманутого ожидания как прием создания комического наблюдается на фоне неожиданной развязки. Например: «A: Waiter, waiter, there I a fly in my soup! B: Don't worry, sir, there'll be no extra charge!» [22; с. 38]. Данный пример показывает, что в данной ситуации вместо извинений официант успокаивает клиента тем, что платить за муху в супе не придется.

Одним из типичных видов юмора английского народа является нонсенс («nonsense»). По мнению Дж. Пристли, для англичан характерно наивно-детское отношение к миру. Пример: «– Why is an elephant big, grey and wrinkly? – Because if it was small, white and hard it would be an aspirin» (*Почему слон большой, серый и морщинистый? – Если бы он был маленьким, белым и гладким, то это был бы аспирин*) [23; р. 156].

Англичане также склонны к черному юмору (black humour). У них нет привычки обижаться на шутку. Черный юмор высмеивает трагические, серьезные, грустные события. Цинизм английского юмора можно наблюдать еще у Шекспира в «Ромео и Джульетте», когда Меркуцио говорит: «Ask for me tomorrow, and you'll find me a grave man». Слово «grave» с английского языка переводится не только как «мрачный», но и как «мертвый».

Нетрадиционное словообразование также характерно для английских анекдотов, кроме случаев полисемии, омонимии, антонимии, использования идиом. Пример анекдота, в котором участниками являются английский профессор и студент: «English professor: What is the difference between an active verb and a passive verb? Student: An active verb show action and a passive verb shows passion» [22; с. 67]. Анекдот выстроен на неправильном словообразовании: к глаголу act в значении «действовать» присоединяется суффикс прилагательного

тельного -ive, и образуется прилагательное active; к лексеме act присоединяется суффикс существительного -ion, и образуется лексема действие: action. Схожесть однокоренных слов создает комический эффект.

Затрагивая область синтаксиса английских анекдотов, следует подчеркнуть, что для текстов разговорного типа характерно обилие простых предложений. Простые предложения преобладают и в анекдотах. Однако встречаются и сложные предложения в текстах анекдотического содержания. Сам анекдот может состоять из одного предложения. В качестве примера приведем анекдот, состоящий из одного сложного предложения: «Brain is like Bermuda triangle – information goes in and then it is never found again» (*Мозг человека подобен Бермудскому треугольнику: информация туда попадает и затем исчезает навсегда*) [22; с. 88].

В английских анекдотах встречаются предложения, в которых использована прямая речь персонажей. Реплики героев анекдотов помогают слушателю нагляднее представить происходящую в анекдоте ситуацию. Пример анекдота с прямой речью: «I went out to this restaurant not long ago and met the waitress decided of my dreams. About halfway through dinner I called the waitress over and said, «Ma'am, this potato is bad». She nodded, picked up the potato, and smacked it. Then she put it back on my plate and said, «Sir, if that potato causes any more trouble, you just let me know» (*Недавно я зашел в этот ресторан и встретил официантку своей мечты. Примерно в середине ужина я подозвал официантку и сказал: «Мэм, эта картошка испорчена». Она кивнула, взяла картофелину и чмокнула ее. Затем она положила его обратно на мою тарелку и сказала: «Сэр, если из-за этой картошки возникнут еще какие-нибудь проблемы, просто дайте мне знать»*) [22; с. 93].

В английском языке распространены анекдоты с прямой речью без авторских слов. Это так называемые анекдоты-диалоги. Приведем пример подобных анекдотов: «– Hi, sweetie! How was school today?» – «You can read all about it on my facebook, dad!» (*– Доченька, как у тебя сегодня дела в школе? – Папа, ты можешь прочитать об этом в моем фейсбуке!*) [22; с. 54].

Английским анекдотам свойственно наличие вопросительных предложений. Большинство юмористических текстов анекдотического плана имеют вопросно-ответную структуру, поэтому вопросительные предложения довольно частотны в английских анекдотах. Нелогичностью в содержании анекдота достигается комический эффект. Пример анекдота с вопросительным предложением: «– Why did you leave your last job? – The company relocated and they didn't tell me where» (*– Почему вы ушли с предыдущей работы? – Фирма переехала, и мне не сказали куда*) [22; с. 47].

В английском языке есть анекдоты, в которых смысл меняется в зависимости от постановки в нем логической паузы, как, например, в русской шутливой фразе «Казнить нельзя помиловать». В нижеприведенном примере обыграны разные семантико-грамматические связи между членами предложения посредством пунктуации: «An English teacher wrote these words on the whiteboard: «Woman without her man is nothing». The teacher then asked the students to punctuate the words correctly. The men wrote: «Woman, without her man, is nothing. The women wrote: «Woman! Without her, man is nothing» [22; с. 27].

На синтаксическом уровне языка ярким примером языковой игры является следующий пример: «So you've decided to have a child. You've decided to give up quiet evenings with good books and lazy week-ends with good music, intimate meals during which you finish whole sentences, sweet private times when you've savored the thought that just the two of you and your love are all you will ever need. You've decided to turn your sofas into trampolines, and to abandon the joys of leisurely contemplating reproductions of great art for the joys of frantically coping with reproductions of yourselves. Why?» (*Итак, вы решили завести ребенка. Вы решили отказаться от тихих вечеров с хорошими книгами и ленивых выходных с хорошей музыкой, интимных трапез, во время которых вы заканчиваете целые предложения, приятных моментов наедине, когда вы наслаждаетесь мыслью о том, что только вы двое и ваша любовь – это все, что вам нужно. Вы решили превратить свои диваны в батуты и отказаться от радости неторопливого созерцания репродукций великих произведений искусства ради радостей лихорадочной возни с репродукциями самих себя. Зачем?*) [22; с. 30].

В вышеописанном примере анекдота комическое технически проявляется в повторах: синтаксических – to abandon, to give up, to turn; в лексических – You've decided (2 раза), the joys of (2 раза). Использованы приемы антитезы, иронии: the joys of frantically coping with reproductions of yourselves.

При рассмотрении структуры ранее описанного анекдота: «A: My uncle William has a new cedar chest (I). B: So! (II) Last time I saw him he just had a wooden leg (III)» [22; с. 70]. С синтаксической позиции обнаруживается, что текст включает три предложения: простое (I), предложение из восклицательного междометия «So!» (II), сложноподчиненное предложение, состоящее из двух частей (III). С морфологической точки зрения первое предложение относится к Present Simple tense (простому настоящему времени), глагол to have употреблен в третьем лице единственном числе. Третье предложение релевантно конструкции Past Simple tense (простое прошедшее время).

При анализе другого анекдота: «Guest: «What is this?» Waiter: «It's bean soup, sir». Guest: «No matter, what it's been, what is it now?» можно выявить определенные морфологические показатели понятия «исчисляемый/неисчисляемый» по отношению к лексемам *bean* и *soup*, используемым в тексте с нулевым артиклем. С морфологических позиций так же рассматривается сокращенная форма конструкции «подлежащее – сказуемое». В анекдоте есть видовременные формы английского глагола – Present Simple tense и Present Perfect tense.

В структуре анекдота «When a woman complained to her butcher that his sausages tasted like meat at one end, but like bread crumbs at the other, he replied: «Madam, in times like these no butcher can make both ends meat»» содержится сложносочиненное предложение с прямой речью. При рассмотрении грамматических особенностей слов в данном тексте выявляется, что употреблен модальный глагол *can* с глаголом в простом настоящем времени, использовано простое прошедшее время, которое выражают глаголы *complained*, *tasted*.

Явление синтаксической паронимии имеет место в английских анекдотических текстах. Проанализируем пример использования паронимов в анекдоте: «Ann who? Ann other Easter bunny (Another Easter bunny)». Сочетание имени *Ann* с прилагательным *other* и слово *another* паронимичны. Их графическая и фонетическая близость приводит к смысловому сближению в сознании носителя языка, что ведет к подмене одного компонента высказывания другим.

Таким образом, существует много способов создания юмористического эффекта в английских анекдотах. В результате анализа фактического материала было определено, что комизм проявляется при использовании в анекдотах средств лексики и фразеологии, морфологии, синтаксиса, фонетики, орфографии, пунктуации. К способам проявления языковой игры в анекдотических текстах и выражению комического в анекдотах относятся: каламбур, полисемия, повторы, ирония, преувеличение, антитеза, эффект обманутого ожидания, идиомы, пародия, омофоны, паронимия и другие стилистические средства языка. В анекдотах часто используются простые предложения с прямой речью, наряду с вопросительными и восклицательными предложениями.

В результате исследования языковых особенностей английского юмора (на примере анекдота) было выявлено, что для достижения комического эффекта используются различные средства. На фонетическом уровне используются омофоны, паронимы, пародия, интонация, эффект обманутого ожидания. В пунктуации и орфографии применяются графемы, опущение интервала между словами, намеренное нарушение правил. В морфологии используется прием с опущением частей слова, раздельным написанием слова, использованием несоответствующих видов, форм времени, лиц. На синтаксическом уровне найдено особое использование единиц языка. Также в синтаксисе реализуется нагромождение синтаксических конструкций, намеренно неправильное управление словами. В области словообразования продемонстрировано переосмысление частей речи, создание новых слов. На уровне лексики наблюдается противопоставление одушевленного неодушевленному, подчеркнутое преуменьшение и преувеличение, обыгрывание многозначных слов, синонимия, омонимия, наличие идиом.

Библиографический список

1. Большакова Д.В. Комическое в лингвистике: основные подходы и проблематика исследования // Вестник МГЛУ. 2010. Вып. 5 (584). С. 101-111.
2. Королева Ю.П. Understanding English Humour. М.: Национальный книжный центр, 2014. 64 с.
3. Электронный словарь Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 20.11.2022).
4. Казакова Д.В. Теории вербального юмора в современной зарубежной лингвистике // Филологические науки. 2013. № 8 (26). С. 77-79.
5. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре. М.: Лабиринт, 1999. 287 с.
6. Лук А.Н. О чувстве юмора и остроумии. URL: [http://www.e-reading.by/bookreader.php/1023465/Luk - O chuvstve yumora i ostroumii.html](http://www.e-reading.by/bookreader.php/1023465/Luk_-_O_chuvstve_yumora_i_ostroumii.html) (дата обращения: 01.12.2022).
7. Раскин В. Семантические механизмы юмора. Boston, 1985. 284 с. URL: <http://www.twirpx.com/file/1707788/> (дата обращения: 15.11.2022).
8. Аттардо С., Раскин В. Общая теория вербального, 2016. URL: <http://www.ub.utwente.nl/webdocs/ctit/1/0000009e.pdf> (дата обращения: 26.12.2022).
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 109 с.
10. Почепцов Г.Г. Язык и коммуникация: некоторые понятия // Текст как психолингвистическая реальность. М., 1982. С. 3-7.
11. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. М.: Высш. школа, 2004. 334 с.

12. Майол Э. Тонкий английский юмор. Увлекательный английский. М.: Академ-Проспект, 2006. 278 с.
13. Тюпа В.И. Три стратегии нарративного дискурса // Дискурс. 1997. № 3-4. С. 106-108.
14. Курганов Е. Анекдот как жанр. СПб., 1997. 123 с.
15. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 343 с.
16. Милстед Д. Туманный английский юмор в деталях. М.: Проспект, 2010. 234 с.
17. Синицина А.А., Мусагитова Г.Н. Английский юмор // Материалы научной конференции «Актуальные вопросы лингвистики в профессионально-коммуникативном пространстве». 16-17 апреля 2015 г. Омск: ФГБОУ ВО «СибАДИ», 2016. С. 73-76.
18. Alexander, R. Aspects of Verbal Humour in English. Tübingen, 1997. 217 p.
19. Барский Л. Анатомия английского юмора: Английские шутки с переводом на русский язык. М.: Ленанд, 2016. 256 с.
20. Матвеев С.А. Английские анекдоты. М.: АСТ, 2016. 160 с.
21. Тобис М.О. Анекдот как малый словесный жанр: анализ и использование в преподавании английского языка // Психологическая наука и образование. 2012. № 5. С. 29-37.
22. Гачециладзе А.Д., Пассек К. Английский юмор. СПб: Роспринт, 1991. 81 с.
23. Priestley, J.B. The English. Harmondsworth, 1975. P. 156-180.

References

1. Bolshakova D.V. Comic in linguistics: basic approaches and research problems // Herald of the MGLU. 2010. Iss. 5 (584). P. 101-111.
2. Koroleva Y.P. Understanding English Humor. Moscow, 2014. 64 p.
3. Electronic dictionary Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (date of application: 11/20/2022).
4. Kazakova D.V. Theories of verbal humor in modern foreign linguistics // Philological Sciences. 2013. Iss. 8 (26). P. 77-79.
5. Propp V.Y. Problems of comedy and laughter. Ritual laughter in folklore. Moscow, 1999. 287 p.
6. Luk A.N. About a sense of humor and wit. URL: http://www.e-reading.by/bookreader.php/1023465/Luk_-_O_chuvstve_yumora_i_ostroumii.html (date of application: 01.12.2022).
7. Raskin V. Semantic mechanisms of humor. Boston, 1985. 284 p. URL: <http://www.twirpx.com/file/1707788/> (date of application: 11/15/2022).
8. Attardo S., Raskin V. General theory of verbal, 2016. URL: <http://www.ub.utwente.nl/webdocs/ctit/1/0000009e.pdf> (date of application: 12/26/2022).
9. Karasik V.I. Language circle: personality, concepts, discourse. Moscow, 2004. 109 p.
10. Pocheptsov G.G. Language and communication: some concepts // Text as a psycholinguistic reality. Moscow, 1982. P. 3-7.
11. Galperin I.R. Stylistics of the English language. Moscow, 2004. 334 p.
12. Mayol E. Subtle English humor. Fascinating English. Moscow, 2006. 278 p.
13. Tyupa V.I. Three strategies of narrative discourse // Discourse. 1997. Iss. 3-4. P. 106-108.
14. Kurganov E. Anecdote as a genre. St.-Petersburg, 1997. 123 p.
15. Vlahov C., Florin C. Untranslatable in translation. Moscow, 1980. 343 p.
16. Milsted D. Foggy English humor in detail. Moscow, 2010. 234 p.
17. Sinitsina A.A., Musagitova G.N. English humor // Materials of the scientific conference "Topical issues of linguistics in the professional and communicative space". April 16-17, 2015 Omsk, 2016. P. 73-76.
18. Alexander, R. Aspects of Verbal Humor in English. Tübingen, 1997. 217 p.
19. Barsky L. Anatomy of English humor: English jokes with translation into Russian. Moscow, 2016. 256 p.
20. Matveev S.A. English anecdotes. Moscow, 2016. 160 p.
21. Tobis M.O. Anecdote as a small verbal genre: analysis and use in teaching English // Psychological science and education. 2012. Vol. 5. P. 29-37.
22. Gachechiladze A.D., Passek K. English humor. St.-Petersburg, 1991. 81 p.
23. Priestley, J.B. The English. Harmondsworth, 1975. P. 156-180.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 811.11

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.28.26.015

*Елецкий государственный университет им.
И.А. Бунина
Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры романо-германских языков
и перевода
Трегубова Ю.А.
Россия, г. Елец,
тел. +7(905)-855-74-30
e-mail: tregubova@mail.ru*

*Bunin Yelets State University named after
I.A. Bunin
The chair of Romanic and Germanic languages
and translation
PhD, associate professor
Tregubova Y.A.
Russia, Yelets,
tel. +7(905)-855-74-30
e-mail: tregubova@mail.ru*

Ю.А. Трегубова

АТРИБУТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ВНУТРЕННЕЙ ПРЕДИКАЦИЕЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ОСОБЕННОСТИ И СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматриваются особенности функционирования атрибутивных словосочетаний с внутренней предикацией в англоязычном художественном тексте и переводческие стратегии при их передаче на русский язык. Актуальность данного исследования обуславливается постоянным развитием и изменением синтаксиса английского языка, что проявляется в появлении новых синтаксических конструкций – многокомпонентных атрибутивных словосочетаний, перевод которых на русский язык может сопровождаться некоторыми сложностями. В статье представлен анализ особенностей и типов атрибутивных групп с внутренней предикацией в англоязычной художественной литературе. В результате исследования контекстов употребления изучаемых словосочетаний была выявлена их основная функция в художественном тексте – воздействие на читателя через создание образов героев художественного произведения при помощи языковых средств. Эмпирический материал исследования позволил изучить структурные особенности и семантику многокомпонентных адьюнктов-композигов. В результате анализа материала корпусных данных, полученных из современной англоязычной художественной литературы, определены наиболее распространенные типы адьюнктов с внутренней предикацией, среди которых называются двух- и многокомпонентные композигты-словосочетания. В результате сравнительно-сопоставительного анализа оригиналов атрибутивных словосочетаний с внутренней предикацией и вариантов их перевода были определены основные приемы и переводческие трансформации, использующиеся при передаче изучаемых типов словосочетаний на русский язык, а именно: лексические, грамматические и комплексные. Отмечено, что невозможно использовать одну конкретную трансформацию или способ перевода, поскольку именно полный комплекс переводческих инструментов позволит осуществить адекватную и эквивалентную передачу англоязычных атрибутивных словосочетаний с внутренней предикацией на русский язык.

Ключевые слова: атрибутивные именные словосочетания, внутренняя предикация, адьюнкт, атрибутивные композигты, художественный перевод, комплексные переводческие трансформации.

Y.A. Tregubova

ATTRIBUTIVE PHRASES WITH INNER PREDICATION IN ENGLISH-LANGUAGE FICTION: FEATURES AND TRANSLATION INTO RUSSIAN

The article concerns functioning peculiarities of attributive noun word combinations with inner predication in the English literary text and translation strategies for their transfer into Russian. The relevance of this research is stipulated by the constant development and changes in the syntax of the English language, which is manifested in the appearance

of new syntactic constructions - multi-component attributive phrases, Russian translation of which may be accompanied by some difficulties. The article presents the analysis of the peculiarities and types of attributive groups with inner predication in the English-language fiction. The study of the contexts of usage of the studied word combinations has revealed their main function in a fiction text, which is to influence the reader through creating the characters' images in the work of fiction by means of linguistic resources. The empiric material of the research allowed studying the structural features and semantics of multi-component adjunct-composites. As a result of the analysis of corpus data material obtained from modern English-language fiction, the most common types of adjuncts with internal predication have been identified, among which two- and multi-component word-composites are named. The comparative analysis of the original attributive word combinations with internal predication and their translation versions shows the main techniques and translation transformations used in the translation of the studied types of word combinations into Russian, namely: lexical, grammatical and complex ones. The author notes that it is impossible to use one particular transformation or method of translation, as it is the complete set of translation tools that will allow the adequate and equivalent translation of English-language attributive word combinations with inner predication into Russian.

Keywords: attributive noun phrases, inner predication, adjunct, attributive composites, fiction translation, complex translation transformations.

Атрибутивные словосочетания широко распространены в английском языке, в том числе и в языке художественной литературы. Изучению особенностей атрибутивных словосочетаний в английском языке посвящен ряд работ отечественных и зарубежных лингвистов [1, 2, 3, 4, 5].

В художественном тексте можно встретить различные типы подобных словосочетаний, в том числе и многокомпонентные атрибутивные конструкции, которые имеют особое строение атрибутивной группы – адьюнкты с внутренней предикацией. Подобные атрибутивные композиты могут быть представлены фразеосочетанием или даже целым предложением, т.е. имеют внутреннюю предикативную связь между составными элементами композита. Такие атрибутивные словосочетания представляют интерес с точки зрения изучения их структуры, функций и, особенно, способов перевода на русский язык.

Целью данной статьи является изучение структурных особенностей, функций и способов перевода атрибутивных словосочетаний, а частности атрибутивных конструкций с внутренней предикацией в художественном тексте. Материалом исследования послужил роман «Bridget Jones's Diary» британской писательницы Хелен Филдинг и его перевод на русский язык. Практическим материалом исследования послужили 100 оригинальных атрибутивных словосочетаний указанного типа и варианты их перевода на русский язык.

Атрибутивные словосочетаний с внутренней предикацией представляют собой словосочетаний, атрибутом в которых выступают двух- или многокомпонентные композиты – фразы или целые предложения. Атрибуты-композиты имеют графическую специфику – их компоненты отделяются дефисом и могут быть заключены в кавычки. Благодаря такому графическому оформлению, атрибутивные словосочетаний с внутренней предикацией достаточно заметны в любом тексте.

Как отмечают лингвисты, «подобные конструкции очень интересны и играют важную роль для передачи писателем эмоционального состояния героя, точного описания признака предмета или персонажа без использования осложненных предложений и придаточных. Атрибутивные группы с внутренней предикацией делают речь выразительной и лаконичной» [6; с. 127]. Кроме того, по мнению ученых, «в художественной литературе подобные атрибутивные группы нередко используются для окказиональной эмоционально насыщенной характеристики определяемого: для описания выражения лица, внешности, манеры поведения и т.д. Достаточно часто они указывают на шутливо-ироничное отношение автора к описываемым явлениям» [7; с. 63].

Н.И. Овчинникова отмечает, что «атрибутивные дефисные композиты стали широко использоваться авторами современных художественных произведений для передачи индивидуальных особенностей персонажа, лаконичного уточнения разнообразных оттенков значений» [3; с. 78]. Т.А. Чекулаева пишет, что «в произведениях художественной литературы препозитивные атрибутивные конструкции с внутренней предикацией чаще всего носят непостоянный характер и являются продуктом индивидуального словотворчества автора. Они, как правило, выступают в качестве особого рода эпитета и передают различные эмоциональные значения» [5].

В изучаемом художественном произведении атрибутивные словосочетания с внутренней предикацией несут особую стилистическую нагрузку, так как являются характеристикой главной героини – Бриджит Джонс, которая любит иронизировать, используя в своей речи подобные конструкции. Таким образом, одной из главных функций атрибутивных словосочетаний с внутренней предикацией в художественном тексте, наряду с функцией экономии языковых средств, можно назвать функцию

воздействия на читателя через создание при помощи определенных стилистически окрашенных лексических средств художественного образа персонажа.

Мы проанализировали структурные характеристики отобранных в изучаемом художественном произведении лексических единиц и пришли к следующим выводам. Анализ исследуемых атрибутов показал, что практически все композиты являются препозитивными адьюнктами к определяемому существительному. Нам встретился только один пример употребления атрибута с внутренней предикацией в качестве адьюнкта в постпозиции: «*Mrs. Smug Married-at-twenty-two*» [8].

Структурный анализ изучаемых лексических единиц показал, что словосочетания выступают в качестве атрибутивной группы гораздо чаще (93%) и только 7 % композитов с внутренней предикацией представлены предложениями. Большая часть атрибутов (60%) представлены двучленными адьюнктами, трех- и более элементные композиты составляют 40% от изученных вариантов словосочетаний.

Приведем примеры: «*entire-tune-of-town-hallclock-style doorbell*» [8]. Атрибутивная конструкция представлена сочетанием «словосочетание+существительное».

В другом примере мы видим использование конструкции «вопросительное предложение+существительное» в функции атрибутивного композита: «*isn't-everything-super voice*» [8].

Следует отметить, что адьюнкты-предложения в изученном произведении, являясь по сути графическим отражением прямой речи главной героини, представлены во всех случаях вопросительными типами предложений.

Тематическая классификация изученных атрибутивных конструкций показывает, что только 18 % лексических единиц используется для характеристики людей, 82 % - для характеристики вещей, предметов и ситуаций.

Семантика атрибутов-словосочетаний, характеризующих неодушевленные существительные, довольно разнообразна. Так, мы можем выделить, к примеру:

1. Темпоральные характеристики: «*end-of-Christmas denial*» [8]. Хелен Филдинг изображает главную героиню Бриджит в момент окончания рождественских праздников, с чем та не хотела смириться. Таким образом, читатель может представить определенный временной период, описываемый автором.

2. Компаративные характеристики: «*a St. Paul-on-road-to-Damascus-type blinding flash*» [13]. Автор сравнивает озарение мамы Бриджит по поводу местного викария, сравнивая ситуацию с исторической ситуацией - видением апостола Петру на пути в Дамаск.

3. Идентифицирующие характеристики: «*in chauffeur-driven car*» [8]. В данном эпизоде книги, Бриджит описывает свои привычки, упоминая о том, что привыкла ездить на машине с водителем, что считается ею показателем определенного статуса в обществе, признаком роскошной жизни.

4. Локативные характеристики: «*historic country-house-hotel courtyards*» [8]. В примере упоминается место, где в мечтах Бриджит, она и Дэниел ужинают, а именно, внутренний дворик старинного загородного отеля.

5. Композитивные характеристики: «*salmon-paste sandwiches*» [8]. Бриджит рассказывает об одном из рождественских блюд – бутербродах, главным ингредиентом которых является паштет из лосося.

6. Характеристики материала, цвета и формы вещи или предмета. К примеру, описывая наряд для конкурса красоты, Бриджит использует фразу «*a fluid sheath of shot-silk-effect Yves Klein blue*» [8], подчеркивая материал и необычный цвет платья – переливчатый шелк синего цвета. Такой цвет использовал в своем творчестве художник Ив Кляйн. В другом примере Бриджит говорит о рождественских подарках, которые она получала, когда работала в издательстве. Героиня подчёркивает, что все вещи были выполнены в форме книг: «*book-shaped clothes-brushes, shoehorns and hair ornaments*» [8].

Отметим одну интересную особенность компаративных композитов в составе атрибутивного словосочетания в романе Х. Филдинг – использование адьюнкта-антропонима, являющегося национально- или универсально-прецедентным феноменом. К примеру, в атрибутивной конструкции «*post-Portuguese-holiday Shirley-Valentine-style scenario*» [8] используется национально-прецедентное имя Ширли Валентайн – героини одноименного фильма, которая, устав быть простой домохозяйкой, решает отправиться на курорт, оставив мужа и детей. В следующем примере «*Arnold Palmer-style*

diamond-patterned sweater» [8] Бриджит упоминает известного американского спортсмена, гольфиста Арнольда Палмера, который отличался сдержанным стилем в одежде. Еще одно прецедентное имя используется для образования композитного адьюнкта «**Calvin Klein-style mother figure»** [8]. Кельвин Кляйн – известный американский модельер.

Отдельно стоит отметить использование в качестве одного из композитов адьюнкта с предикативной связью универсально-прецедентного антропонима, а именно имени знаменитого военачальника, основателя Монгольской империи Чингисхана: «**Genghis-Khan-at-height-of-evil voice»** [8].

Атрибуты, характеризующие людей, передают разнообразные черты внешности, манеры поведения и даже род занятий человека. К примеру, в одном из эпизодов книги Бриджит, сравнивая себя с продавщицей косметики, которая торгует, разнося косметику по домам, использует атрибутивную конструкцию «**a door-to-door cosmetics saleswoman»** [8].

В другой ситуации, главная героиня дает характеристику другому персонажу романа, Марку Дарси, отмечая факт его развода с женой (давая при этом и характеристику бывшей жене персонажа, называя ее жестокой, бесчеловечной): «**the rich, divorced-by-cruel-wife Mark»** [8].

Кроме того, словосочетания с внутренней предикацией могут использоваться и для описания рода занятий человека, его профессии. Так, в одной из глав Бриджит называет Марка Дарси «**the human-right guy»**, т.е. профессионалом, работа которого связана с защитой прав человека.

Передача атрибутивных конструкций с внутренней предикацией на русский язык представляет для переводчиков сложную задачу, поскольку «основная проблема заключается в том, как доподлинно передать смысл определения, сохранив оттенок разговорности и многообразие компонентов, входящих в его состав» [3; с. 78]. Лингвисты, изучая переводы многочленных композитных атрибутивных словосочетаний, отмечают определенных сложности передачи подобных конструкций английского языка на русский язык [6, 9, 10, 11, 12].

Для изучения способов перевода английских атрибутивных словосочетаний с внутренней предикацией на русский язык мы проанализировали русскоязычный перевод романа «Дневник Бриджит Джонс» (пер. М. Зориной), изданный в 2016 г. издательством «Э». Проведенный анализ русскоязычного перевода романа позволяет определить основные способы и приемы, которые можно использовать при передаче подобных конструкций английского языка. Следует отметить, что при переводе часто используются грамматические, лексические и комплексные трансформации, которые могут включать объединение и членение предложения, замены, перестановки и опущение многокомпонентного оригинального композита, описательный перевод, целостное преобразование и др.

Обратимся к примерам. В предложении: «*But there's always this aggrieved air that I'm some sort of ghastly Harvey Nichols-obsessed lady who lunches while he earns all the money*» [8]. Автор упоминает британскую сеть дорогих универмагов Harvey Nichols. В переводе название было опущено и передано описательным переводом с использованием придаточного определительного предложения: «*Но от Джереми всегда исходит такое чувство обиды, будто я легкомысленная дамочка, которая только и делает, что ходит по шикарным магазинам да ресторанам, пока он вкалывает, не разгибая спины*» [13; с. 139-140]. Фоновая информация о статусе универсама, которую передавало название, была частично компенсирована путем добавления определения «шикарный», что позволило передать мысль автора.

Опущение в переводе части атрибутивной конструкции объясняется семантической избыточностью оригинального контекста. Так, в предложении «*Probably overwhelmed by too many Tiffany's boxes from love-sick suitors and TV presenter job offers from rival production companies*» [8] переводчик опускает атрибут **love-sick** (томящиеся от любви), поскольку семантика существительного **suitors** уже передает значение «влюбленный человек»: «*Наверное, утомилась от осыпавших ее бриллиантами «Тиффани» поклонников и назойливых агентов конкурирующих телекомпаний, предлагающих ей работу*» [13; с. 126].

В ряде случаев в переводе оригинальные многочленные атрибутивные словосочетания были опущены полностью. К примеру, в предложении: «*Now I have missed the news and she has gone off to a Cheese and Wine party, leaving me looking like a door-to-door cosmetics saleswoman in a bright blue suit with slithery green blouse underneath and blue eyeshadow right up to my eyebrows*» [8] сравнение главной героини с продавщицей косметики было полностью опущено: «*И вот, я пропустила новости, мама побежала к кому-то в гости на вино и сыр, оставив меня стоять, в ярко-голубом костюме, зеленой блузке, с размазанными аж до самых бровей синими тенями на веках*» [13; с. 198]. Возможно, в данном случае указанное словосочетание было опущено в целях прагматической адаптации текста, для того, чтобы не перегружать текст информацией о специфической британской реалии, которая для

русскоязычного читателя не несет большой смысловой нагрузки. Переведенная часть предложения позволяет представить образ Бриджит в описываемой ситуации без утраты какой-либо существенной информации.

Кроме того, в некоторых случаях применяется и прием целостного преобразования. Обратимся к примеру: «*One minute they were **stocking filler-type items** which cost £9.99 next minute they have to be fancy velvet and cost as much as a television*» [8] - «Что творится с шарфами? То они **миленькие и простенькие** и стоят по девяносто девять штука, а то, не успеешь глазом моргнуть, превращаются в роскошные бархатные и ценой не уступают телевизору» [13; с. 297]. Выражение **stocking filler-type** (небольшой недорогой подарок), который обычно кладут в рождественский носок – известная традиция в католических странах. В переводе мы видим, что трансформации подвергается целый смысловой комплекс, при этом присутствует полное несовпадение семантических компонентов английской и русской лексических единиц.

Передача оригинальной атрибутивной конструкции при помощи приема целостного преобразования отмечается еще в одном случае, когда при переводе на русский язык происходит замена атрибутивного словосочетания *vixen-from-hell fury*, означающего «быть очень злым» сходным по смыслу русским фразеологизмом: «*In physically disastrous state but emotionally v. much cheered up by night out. Jude arrived in **vixen-from-hell fury** because Vile Richard had stood her up for the Relationship Counseling*» [8] - «Физическое состояние хуже некуда, но зато душевно чувствую себя после вчерашнего куда лучше. Джуд пришла злая, как собака, потому что Подлец подвел ее и на прием не явился» [13; 192].

Для передачи атрибутивных словосочетаний с внутренней предикацией на русский язык используются и другие грамматические трансформации, к примеру, членение предложения. Обратимся к примеру: «*The last remaining tiny bathmat of security has been pulled from under my feet. Magnanimous offer to pay caring surprise visit met by **odd-sounding Dad on end of phone***» [8] - «Последний островок твердой почвы уплыл у меня из-под ног. Великодушное предложение любящей дочери приехать к дорогим родителям с незапланированным визитом было встречено без энтузиазма. **Папин голос в трубке звучал странно**» [13; 48]. В данном случае мы можем отметить перевод атрибутивной конструкции отдельным самостоятельным предложением.

Также встречается вариант перевода атрибутивной конструкции отдельным предложением, выделенным кавычками или дефисами, к примеру: «*Now, are you going to come into the lounge and say hello to Auntie Una and Uncle Geoffrey before you change?' she said in the special bright, breathy **isn't-everything-super voice** that means, 'Do what I say or I'll Magimix your face.'*» [8] - «Так, иди в гостиную и поздоровайся с тетей Юной и дядей Джеффри, а потом переоденься, хорошо? – пропела она своим особым светлым голосом с придыханием, **который звучит как «все просто чудесно»**. Но означает «делай что говорю, или твое лицо познакомится с миксером»» [13; 309].

Преобразование оригинальных атрибутивных словосочетаний в различные синтаксические конструкции русского языка также является распространенным приемом перевода изучаемых лексических единиц. Сравним следующее оригинальное предложение и его перевод: «*When I got to the Alconburys' and rang their **entire-tune-of-town-hallclock-style doorbell** I was still in a strange world of my own — pauseous, vile-headed, acidic*» [8] - «К тому моменту как я добралась до дома Олконбери и нажала на кнопку звонка, **проигравшего мне целиком мелодию башенных часов**, все признаки похмелья по-прежнему сохранялись: тошнота, головная боль, кислый привкус во рту» [13; 14]. Многокомпонентный адьюнкт «**entire-tune-of-town-hallclock-style**», состоящий из пяти элементов, представляет собой атрибутивный композит, который в переводе был передан при помощи причастного оборота.

В другом примере: «*Mum had been to church and suddenly realized in a **St Paul-on-road-to-Damascus-type blinding flash** that the vicar is gay*» [8] - «Утром она ходила в церковь, где **над ней воспробили ангелы и на нее снизошло откровение**: она поняла, vicarий – голубой» [13; 42] многочленная атрибутивная группа передана придаточным предложением места. Анализируемая атрибутивная группа является отсылкой к ситуации с апостолом Павлом, которому на пути в Дамаск явилось видение, после чего он ослеп, но был исцелен по прибытии в город. В переносном значении выражение «Путь в Дамаск» означает событие, которое повлекло за собой какую-либо важную перемену в жизни.

Следует отметить, что в части случаев в переводе удалось сохранить конструкцию атрибутивных словосочетаний при помощи перестановки, добавления и/или замены элементов оригинальных словосочетаний. В русскоязычном переводе романа используются следующие варианты словосочетаний:

1. «существительное + предлог + существительное»: словосочетание **salmon-paste sandwiches** структурного типа N-N+N было переведено конструкцией **бутерброды с лососевым паштетом** («существительное + предлог + существительное»);
2. «прилагательное + существительное»: словосочетание **an end-of-life crisis** структурного типа N-Prep-N+N было передано словосочетанием «прилагательное + существительное» - **возрастной кризис**. Можно отметить вариант перевода оригинального атрибутивного сочетания указанной конструкцией русского языка, который был выполнен при помощи замены частей речи. Так, словосочетание **«heart-shaped chocolates»** (типа N-PartII + N) в русской версии романа передано вариантом **«шоколадные сердечки»**.

Подводя итог нашего исследования, подчеркнем, что широкое распространение атрибутивных словосочетаний с внутренней предикацией в англоязычной художественной литературе объясняется специфическими характеристиками изучаемых конструкций – их выразительной и оригинальной синтаксической структурой, способностью экономить языковые средства языка. Таким образом, использование словосочетаний многокомпонентным адьюнктом с предикативной связью придает художественному тексту эмоционально-экспрессивную окраску. В тексте изучаемого произведения атрибутивные словосочетания с внутренней предикацией являются выражением эмоциональной оценки главной героиней романа происходящих с ней событий, окружающих ее людей и ее самой. Автор передает через подобные конструкции ироничную натуру Бриджит Джонс, ее чувство юмора.

Структурный анализ изученные атрибутивных словосочетаний показал, что атрибуты-композицы представлены в большей степени двух- и многокомпонентными словосочетаниями, передающими различные семантические характеристики. Атрибуты-предложения используются реже, они представлены вопросительным типом предложения.

Перевод словосочетаний с внутренней предикацией в художественном тексте, которые в большинстве случаев представляют авторские окказионализмы, представляет для переводчика значительные трудности. Для достижения адекватного перевода необходимо пользоваться всеми имеющимися переводческими трансформациями. Невозможно сказать, какой конкретный прием необходимо использовать при передаче атрибутивной многочленной конструкции с внутренней предикацией. Выбор приема перевода, переводческой трансформации зависит во многом от нескольких факторов: структуры атрибутивного словосочетания, синтаксических связей между элементами атрибутивного композита, а также от контекста, в котором используется данная лексическая единица. Немаловажную роль играет и прагматическая адаптация художественного текста, целью которой является восприятие текста носителем другой культуры. Используя весь набор переводческих стратегий, переводчик при помощи комплексных преобразований адекватно и эквивалентно интерпретирует авторское произведение, что обеспечивает полноценную замену оригинала в той языковой ситуации, для которой предназначается перевод художественного текста.

Библиографический список

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков: учеб. пособие. Изд-е 3-е. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. 232 с
2. Дроздов А.М. Многокомпонентные субстантивные словосочетания как проявление тенденции языковой экономии в современном английском языке // Вестник Ставропольского государственного университета. 2007. № 50. С. 154-158.
3. Овчинникова Н.И. Фразеологические и сентенциональные атрибуты в современном английском языке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 77–81.
4. Ткаченко А.В. Атрибутивное словосочетание в традиционном и когнитивном аспектах изучения (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 4. С. 80-86.
5. Чекулаева Т.А. Атрибутивные конструкции с внутренней предикацией в современном английском языке [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/10_NPE_2009/Philologia/43964.doc.htm (дата обращения: 23.01.2023)

6. Пилявских Ю.А., Баскакова Е.С. Особенности перевода атрибутивных групп с английского языка на русский язык // Интерактивная наука. 2016. № 3. С. 126-128.
7. Васильева Ю.З., Шарапова И.В. Важность навыка перевода атрибутивных групп для переводчика научно-технической литературы // Лингвистические и культурологические традиции и инновации. Сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции. Национальный исследовательский Томский политехнический университет; под ред. В.М. Ростовцевой. 2014. С. 60-66.
8. Fielding H. Bridget Jones's Diary. URL: <https://www.kkoworld.com/kitablar/Helen%20Fielding%20-%20Bridget%20Jones's%20Diary.pdf> (дата обращения – 21.01.23)
9. Давыдова И.В., Шешукова С.В. Особенности перевода атрибутивных словосочетаний с русского языка на английский язык (на примере научно-технических текстов) // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2021. № 4(157). С. 192-196.
10. Лукьянченко Е.А. Феномен фразеологических биномов в английском языке и их передача на русский язык // Филологические науки в МГИМО. 2011. № 45 (60). С. 92–94.
11. Харабадзе Л.Д. Особенности передачи значений многочленных атрибутивных словосочетаний с английского языка на русский // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 2 (22). С. 186-190.
12. Хромых А.А., Жучкова Е.В. Перевод препозитивных атрибутивных конструкций с предикативной связью (на материалах англоязычной художественной литературы) // Молодой ученый. 2016. № 16 (120). С. 513-518.
13. Филдинг Х. Дневник Бриджит Джонс / пер. М. Зорина. Москва: Издательство «Э», 2016. 320 с.

References

1. Arakin V.D. Comparative typology of English and Russian: a textbook for universities. 3d ed. Moscow, 2005. 232 p.
2. Drozdov A.M. Multi-components substantive word-combinations as the manifestation of the linguistic economy tendency in the modern English language // Bulletin of Stavropol State University. 2007. Vol. 50. P. 154-158.
3. Ovchinnikova N.I. Phrase and sentence premodifiers in modern English. // Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2020. Vol. 1. P. 77–81.
4. [Tkachenko A.V. Attributive Word Combinations from the Viewpoints of Traditional and Cognitive Approaches \(by the Material of the English Language\) // Philology. Theory & Practice. 2020. Vol. 13. Iss. 4. P. 80-86.](#)
5. Chekulaeva T.A. Attributive constructions with internal predication in modern English. URL: http://www.rusnauka.com/10_NPE_2009/Philologia/43964.doc.htm (date of application: 23.01.2023).
6. Pilyavskikh Y.A., Baskakova E.S. Translation of attribute groups from English into Russian // Interactive science. 2016. Vol. 3. P. 126-128.
7. Vasilieva Y.Z., Sharapova I.V. Importance of the attributive groups translating skill of scientific and technical literature // Linguistic and culturological traditions and innovations. Proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference. National Research Tomsk Polytechnic University; ed. by V.M. Rostovtseva. 2014. P. 60-66.
8. Fielding H. Bridget Jones's Diary. URL: <https://www.kkoworld.com/kitablar/Helen%20Fielding%20-%20Bridget%20Jones's%20Diary.pdf> (date of application: 21.01.23)
9. Davydova I.V., Sheshukova S.V. Specific features of the translation of the attributive phrases from Russian into English (based on the scientific technical texts) // Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. 2021. № 4(157). P. 192-196.
10. Lukyanchenko E. A. The phenomenon of phraseological binomials in English and their transmission into Russian // Philological Sciences at MGIMO. 2011. Vol. 45 (60). P. 92–94.
11. Kharabadze Lia D. Difficulties in translating polynomial attribute word combinations from English into Russian // Economic and Social Research. 2019. Vol. 2 (22). P. 186-190.
12. Khromykh A. A., Zhuchkova E. V. Translation of prepositional attributive constructions with predicative conjunction // Young Scientist. 2016. Vol. 16 (120). P. 513-518.
13. Fielding H. Bridget Jones's Diary / translated by M. Zorin. Moscow, 2016. 320 p.

ЖУРНАЛИСТИКА В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 070.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.44.79.016

*Елецкий государственный
университет им. Бунина
доктор филологических наук, доцент
Дякина А.А.
Россия, Елец;
e-mail: anjeloprof@mail.ru
Елецкий государственный университет
им. Бунина;
Аспирант кафедры литературоведения и
журналистики;
Белоусов К.И.
Россия, Елец
e-mail: belousoff.kirill2010@yandex.ru*

*Bunin Yelets State University;
Doctor of Philology, associate Professor
Dyakina A.A.
Russia, Yelets
e-mail: anjeloprof@mail.ru*

*Bunin Yelets State University;
Postgraduate student of the Department of Lit-
erary Studies and Journalism;
Belousov K.I.
Russia, Yelets
e-mail: belousoff.kirill2010@yandex.ru*

А.А. Дякина, К.И. Белоусов

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ОСНОВА МЕДИАОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ

Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с медиаобразовательной деятельностью СМИ. Подчеркивается ее актуальность в условиях цифровизации жизни и постоянно возрастающего насыщения информационно-коммуникационного пространства. Особое значение в процессе массового медиаобразования приобретают детские издания. Современная медиареальность обусловлена технологически, но должна обретать гуманистическую стратегию развития на основе отечественных духовных традиций. Медиapedагогика рассматривается в качестве одного из средств ее освоения и формирования грамотного отношения к медиа. Сделан акцент на том, что региональная детская печать всегда находилась в русле традиционных нравственных ценностей. В этом контексте рассматривается медиаобразовательная деятельность детского журнала «Золотой ключик», ориентированная на решение просветительских и воспитательных задач. Приводятся примеры многообразных форм взаимодействия редакции с юными читателями. В процессе конвергенции печати произошли позитивные перемены в ее медиаобразовательной деятельности. Редакция направляет усилия на свое представительство в интернет-пространстве: продвигает контент в электронной версии и в социальных сетях. Это позволяет устанавливать интерактивные связи с читательской аудиторией, содействовать повышению ее медиакультуры. Наряду с положительными примерами медиаобразовательной деятельности журнала «Золотой ключик» отмечены недостатки в освоении редакцией мультимедийных возможностей различных цифровых платформ. Данный момент снижает потенциал издания как медиаобразовательного ресурса, направленного на новое цифровое поколение пользователей. Работа редакции в цифровых форматах отмечена как неизбежность, которая должна быть воспринята и тактически верно использована. При этом гуманистическая основа медиаобразовательной деятельности детского журнала как издания качественного, имеющего изначально верные профессионально-творческие ориентиры и деонтологические установки, не должна пострадать.

Ключевые слова: детская периодика, региональная печать, медиаобразовательная деятельность, гуманистическая основа журналистики.

А.А. Dyakina, K.I. Belousov

HUMANISTIC BASIS OF MEDIA EDUCATIONAL ACTIVITY OF CHILDREN'S REGIONAL PRESS

The article is devoted to the consideration of issues related to the media educational activities of the media. Its

relevance is emphasized in the conditions of digitalization of life and the ever-increasing saturation of the information and communication space. Of particular importance in the process of mass media education are children's publications. Modern media reality is technologically conditioned, but it should acquire a humanistic development strategy based on domestic spiritual traditions. Media pedagogy is considered as one of the means of mastering it and forming a competent attitude to the media. The emphasis is placed on the fact that the regional children's press has always been in line with traditional moral values. In this context, the media educational activity of the children's magazine "Golden Key" is considered, focused on solving educational and educational tasks. Examples of diverse forms of interaction between the editorial office and young readers are given. In the process of convergence of the press, positive changes have taken place in its media education activities. The editorial board directs efforts to its representation in the Internet space; promotes content in the electronic version and in social networks. This makes it possible to establish interactive connections with the readership, to contribute to the improvement of its media culture. Along with positive examples of media educational activities of the Golden Key magazine, shortcomings in the development of multimedia capabilities of various digital platforms by the editorial staff were noted. This moment reduces the potential of the publication as a media educational resource aimed at a new digital generation of users. The work of the editorial office in digital formats is marked as an inevitability that must be perceived and tactically correctly used. At the same time, the humanistic basis of the media educational activity of the children's magazine as a high-quality publication, having initially correct professional and creative guidelines and deontological attitudes, should not suffer.

Keywords: children's periodicals, regional press, media educational activity, humanistic basis of journalism.

Детские издания в России с момента своего зарождения были адресованы «сердцу и разуму» юных читателей, а потому преследовали и образовательные, и воспитательные цели. Такая традиция сохранялась на протяжении двух столетий. В конце XX века кардинально изменились духовные ориентиры общества; побеждающая рыночная экономика поставила СМИ в условия выживания, вынудила принять чуждые прежде установки на первостепенность экономической выгоды, в том числе и в работе с детской аудиторией. В наши дни происходит долгожданное возвращение «на круги своя»: ускоренное развитие масс-медиа привело к возникновению «особой медиареальности», которая, по справедливому замечанию философа А.Н. Фортунатова «несмотря на свою технологическую детерминированность, может и должна обрести гуманистическую стратегию развития» [1]. В числе возможных способов формирования нового отношения к медиареальности исследователь со всем основанием называет медиapedагогику, которая «кроме образовательных задач должна подразумевать и ряд воспитательных функций [1, с. 10]. Заметим, что в современных условиях перспективной представляется такая ситуация, при которой в качестве медиapedагогов выступают журналисты, прежде всего те, чья творческая деятельность связана с детскими СМИ. В этой связи трудно не согласиться с утверждением о том, что «не вестернизация отечественной культуры, а выявление ее огромного гуманистического потенциала, способного укрепить духовное благополучие российского и мирового пространства, должно стать основой реформирования СМИ» [1, с. 36]. Более того, реформы не должны обойти вопрос включения медиаобразовательной деятельности в систему работы редакционных коллективов с аудиторией.

Только целенаправленное, осознанное и социально ответственное участие российских средства массовой информации и коммуникации может стать гарантом «формирования культуры общения с медиа, творческих, коммуникативных способностей, критического мышления, умений полноценного восприятия, интерпретации, анализа и оценки медиатекстов, обучения различным формам самовыражения при помощи медиатехники» [2, с. 107]. Другими словами, именно медиа, в первую очередь, способны обеспечить подготовку молодого поколения к полноценной жизни в условиях стремительно уплотняющегося информационного пространства. Особая степень ответственности в этом контексте ложится на детские издания, в каком бы современном формате они не выходили.

Медиаобразовательная деятельность региональной детской печати, по сути, никогда не отходила от своего исконного назначения и духовно-нравственных гуманистических основ. В силу типологических характеристик пресса регионов всегда была ближе к читателю, а потому связь и постоянная работа с ним считалась важнейшим направлением творческой деятельности коллектива. Примером тому может служить детский журнал «Золотой ключик» Липецкой области.

Основанное в ноябре 1993 года как газета, издание сразу успешно заявило о себе и заняло достойное место в сегменте региональной печати. Уровень тиража в 10.000 экземпляров, достигнутый на раннем этапе развития, никогда не снижался. В настоящее время он составляет 15 тысяч единиц. Теперь «Золотой ключик» – журнал, выходящий 2 раза в месяц на 32 полосах формата А4. Он постоянный участник всероссийских и международных профессиональных и педагогических конкурсов, по-

лучивший за всю историю существования более 60 наград. Почти 130 его юных авторов поступили на факультеты журналистики Воронежского государственного университета, МГУ им. М.В. Ломоносова, МГИМО, РУДН и других вузов страны.

Такие показатели – следствие грамотно организованной медиаобразовательной, профориентационной деятельности, маркетинговой политики, выстроенной изданием в отношении детей и родителей. В первую очередь, это касается контента, который составляют не только события регионального уровня значимости, но и общероссийского, соотнесенного с национальными интересами государства. При этом никакой излишней пафосности в содержании журнала нет. Рубрики «Замечательная школа», «Учитель на 5+», «НаКормИли», «Спортсмены-рекордсмены», акция «Путешествие по Земле Русского Языка», начатые в 2011 году и в своих наименованиях напоминающие что-то далекое, «советское», продолжают до сих пор, сохраняя интерес к себе со стороны читателей. Секрет успеха, думается, в основополагающих принципах деятельности редакции: «Детям – детское» и «Удивительное – рядом». Сведения для детей подаются с учетом возраста и «на вырост», а удивительное замечается в непосредственном окружении. Такой подход формирует у юных читателей внимательное и бережное отношение к человеку, миру вокруг него, позволяет понять ценность «малого» в «большом».

Аудитория «Золотого ключика» – дети от 7 до 15 лет, а их в Липецкой области порядка 105 тысяч. Столь широкий возрастной диапазон стимулирует разнообразие тематического наполнения издания. Вовлекая первоклассников в информационно-коммуникационное взаимодействие, журналисты проходят с ними все этапы социальной адаптации и развития, укрепляют уверенность в своих индивидуально-творческих, общественно-значимых способностях. Журнал дает установку только на позитив. Здесь нет материалов о наркомании, игровой зависимости или детской преступности, зато много положительных примеров здоровых жизненных установок в рубриках: «Какими бывают девочки», «Какими бывают мальчишки», «Таланты и поклонники», «Умники и умницы», «Интервью из будущего», «Шаг в будущее», «Кванториум», «На вырост».

Одна из педагогических удач редакционного коллектива – мягкий, доброжелательный тон в общении с читателями, отсутствие менторской дидактики. В такой по настоящему партнерской коммуникации помогают ведущие рубрик – персонажи, созданные по принципам детского воображения: Славик Словарик, Театрал Театралыч, госпожа Пунктуация, Кнопочка и Кноп («Уроки умелкиных»), дед Наум, любящий наставлять на ум (игра «Семь пядей»), Борис Барбарис (рубрика «НаКормИли», посвященная питанию школьников) и другие.

Позиционируя себя как издание «для детей и самих детей», «Золотой ключик» постоянно инициирует участие читателей в подготовке номеров. Только юные авторы заполняют рубрики «Моя новость», «Расскажу я о себе», «Дереvenька моя», «Сами себе поэты», «Сказки пишем сами». В жанровом отношении такие материалы представляют собой «обыкновенные истории» о родителях, друзьях, о школе, домашних питомцах или пробы пера в области поэзии и прозы. Практически ежегодно журнал публикует несколько циклов сочинений на заданные им темы. К примеру, «Я – будущая мама», «Мой самый лучший папа», «Сын. Отец. Отечество», «История страны – в истории моей семьи», «Мой Лермонтов», «Дома и люди», «Легенды нашего края», «Жалобная книга природы», «Моё кино».

Принимая во внимание заметный спад интереса нынешних детей к чтению, редакция в каждом номере предлагает интеллектуальные задания, которые стимулируют потребность обращения к первоисточнику: литературному произведению, энциклопедии, словарю, справочнику. По итогам конкурсов – публичное объявление результатов и награждение лучших. За год «Золотой ключик» отмечает наградами до 400 детей. Поощрение стимулирует самооценку участников и позволяет воспитывать успешных в будущем людей.

Коллектив издания активно использует возможность живого общения со своими читателями путем многочисленных творческих встреч во дворцах культуры Липецка и районов, областном художественном музее, городских и сельских школах. В основе сценариев встреч – придуманная журналистами театрализованная игра, в ходе которой награждаются юные участники и победители прошедших конкурсов, акций, викторин, а также их взрослые помощники. Особенность праздников под названием «Золотой ключик собирает друзей» в том, что к программе привлечены герои и авторы публикаций.

Постоянным направлением медиаобразовательной деятельности редакции по праву считается переписка с читателями. Ежегодно в «Золотой ключик» согласно регистрационному журналу поступает более трех тысяч писем, в которых содержатся ответы на вопросы викторин, конкурсов, выпол-

ненные задания и материалы, претендующие на публикацию в журнале. Все детские послания непременно анализируются, а тексты до их полной готовности дорабатываются совместно с юными авторами.

С недавних пор при редакции функционирует очно-заочная Школа журналист. В роли медиапедагогов выступают опытные профессионалы, цель которых заключается в том, чтобы научить детей 3 – 6-х классов самостоятельно отбирать необходимую информацию, анализировать и интерпретировать ее и самое главное – создавать собственные тексты разных жанров. Все работы «журналист» публикуются в специальном выпуске «ЖМУРки» (журналистика – маленькие уроки), выходящем ежемесячно в качестве приложения к «Золотому ключику». Важно, что онлайн-формат позволяет существенно расширить рамки медиазанятий, привлечь к прямому взаимодействию и сотрудничеству детей из отдаленных районов области.

Все приведенные выше формы взаимодействия редакции с читательской аудиторией по сути своей не новы, они в той или иной мере традиционно присутствовали в работе детских изданий в разные исторические периоды. Начало XXI столетия дало толчок активным конвергентным процессам СМИ. На организационно-управленческом уровне для периодики Липецкой области они вылились в создание медиаобъединения «Издательский дом «Липецкая газета», в состав которого вошло и детское издание «Золотой ключик». Наравне с другими будущий журнал получил свою страницу в пределах общего портала и стал учиться продуктивно использовать возможности электронной версии для взаимодействия с обновленной детской аудиторией – цифровыми потребителями. Для журналистов важно было определить стратегии присутствия и творческого развития в иной информационно-коммуникационной среде. Заметим, что задача эта оказалась настолько непростой, что потребовала перманентного внимания и усилий. Сегодняшняя аудитория сайта «Золотого ключика» составляет 21.600 человек в неделю и 686 человек в день. Посетителей и того больше: 36.600 и 1.130 соответственно. По итогам подписной кампании 2022 года электронную версию журнала выбрали 400 пользователей.

В настоящее время исследователи отмечают: «Существенная особенность цифрового поколения: дети и подростки не просто пользуются интернетом, они живут посредством него. Интернет-сеть и в целом информационное пространство являются продолжением, усилением личностного и группового социального пространства» [3]. Сознывая, что «за последние годы сложилось новое, цифровое поколение с иным входом в мир знаний и человеческих отношений» [3, с. 58], редакция «Золотого ключика» стала выходить на те площадки, которые представляются наиболее перспективными в плане интерактивной связи с юной аудиторией *homo mediatas* (определение Е.Л. Вартановой) [4].

Творческий коллектив издания прекрасно понимает, что «нужно идти к аудитории (туда, где она бывает постоянно и в «концентрированном» виде). Такими местами концентрации аудитории, «местами силы», стали социальные сети и блоги» [5]. Журнал представлен в социальных сетях «ВКонтакте» (число подписчиков 6580) и «Одноклассники» (180 подписчиков). Показатели популярности страниц издания налицо. Можно сказать, что продвижение журнала идет только «ВКонтакте», где предлагаются видео от «Золотого ключика», игры, конкурсы, встречи с творческими людьми, включая редакторов детских изданий, журналистов. Максимальное число просмотров в последние несколько месяцев составило 4862 (видео от 27.07.2023 о Федоре Душине, ученике школы № 63 г. Липецка). Материалы обновляются ежедневно. Интересны мастер-классы и рекламные ролики собственной продукции. Редакция, к примеру, представляет школьные тетради с разработанным ею уникальным дизайном, приобрести которые можно перейдя по ссылке. В подобных приемах взаимодействия с детской аудиторией и родителями тоже есть элемент медиаобразования: дети развивают способности цифровой коммуникации, учатся работать с гипертекстом, получают возможность предложить собственные креативные решения.

Многочисленные наработки в образовательной медиадеятельности открывают журналу «Золотой ключик» широкие перспективы, связанные, прежде всего, с технологической конвергенцией, прямым проявлением которой выступает мультимедийность, обеспечивающая, как минимум, два важнейших преимущества в сравнении с традиционными формами. Первое заключается в том, что аудиовизуальное представление контента дает более полное его понимание, чем классические массивы текста. Второе – определяется одновременным использованием разных видов информации, положительно влияющее на психо-физиологические факторы ее восприятия.

К базовым мультимедийным элементам исследователи относят: изображения (фото, иллюстрации, графические объекты), видео (видеоматериалы, схожие с традиционными ТВ-жанрами; анимация, слайд-шоу), инфографику (графические представления статистических данных). Кроме того, широкое распространение получили «синтетические» формы, основанные на сочетании нескольких базовых элементов, и формы, ориентированные на геймификацию [6]. На официальном сайте журнала «Золотой ключик», на его страницах в социальных сетях используются лишь некоторые мультимедийные элементы. В числе наиболее употребимых вместе с традиционным текстом следует назвать фото и видеоматериалы. Что же касается анимации, аудиоиллюстраций, другого потенциала мультимедиа, то он практически не представлен. Разумеется, стратегия развития издания определяется его редакционной политикой, финансовыми и технологическими возможностями, однако журналу следует ориентироваться на передовые отечественные тренды. В этом отношении хороши были бы мультимедийные проекты – сторителлинги, которые активно осваиваются федеральными СМИ, и вполне возможны в детском издании. Особенно, если речь идет о культурно-исторических, научно-популярных публикациях, предполагающих пролонгированность.

В условиях массового функционирования «нового поколения игрушек», которые «выпускаются тематическими сериями» и «подталкивают детей не столько играть, сколько коллекционировать их и обмениваться ими» [7], в детской журналистике необходимы технологии геймификации в подаче материалов. Ведь повсеместность распространения, а также «сюжетный сплав фильма – компьютерные и электронные игры – игрушки – комиксы – наклейки всех видов» позволяют говорить об активном участии нового «игрового массива» в коммуникативном и познавательном процессе детей. И если во «взрослой» журналистике инфотеймент и геймификация, в том числе, расценивается лишь как «суррогат реальности» [8], явление, искажающее политическую сферу жизни [9], то в детском издании при верном соблюдении баланса между «информацией» и «развлечением», игровые начала могут давать положительные результаты с точки зрения восприятия юными читателями. Неслучайно Е.Л. Вартанова [10] и О. Лушинская [11] оценивают инфотеймент как перспективно развивающийся интегративный жанр, возникший вследствие конвергенции и возможности подготовки единого медиапродукта для разных технологических платформ. Геймификация, использующая игровые механики с целью вовлечения пользователей в интерактивное пространство, ориентирована на поколение визуалов, живо принимающее новые форматы, направленные на эмоциональный отклик. Игровые технологии просты и понятны детской аудитории, имеют большую вероятность распространения между сетевыми пользователями, требуют от читателя вовлечения и создают искусственное напряжение за счет соревновательных элементов. К игровым материалам можно отнести игровые новости, тесты, опросы, flash-игры, интерактивные фильмы. Геймифицированная журналистика в России пока не нашла широкого распространения, но, коль скоро это явление существует в мировой практике, не за горами его более масштабное представительство и в отечественном медиапространстве. Думается, детская журналистика, включая региональную, не отступая от своих гуманистических принципов, в этом плане могла быть на передовой линии.

Работа региональных детских изданий, подобных «Золотому ключику», в цифровом пространстве не только экономически значимое направление их деятельности, позволяющее поддерживать конкурентоспособность на информационном рынке, но и важнейшая медиаобразовательная цель, достижение которой жизненно важно для российского общества. Она актуализируется еще и тем, что «в сети представлены журналы сугубо развлекательного характера, не ставящие перед собой ни воспитательных, ни образовательных задач, приравливающиеся к вкусам ребёнка или подростка, сформированным современной рекламой и худшими традициями коммерческих печатных изданий» [12]. Отсюда – повышение уровня технологической конвергенции как ключевая потребность качественных детских СМИ, способных на основе гуманистических ценностей полноценно осуществлять процесс массового медиаобразования, как в традиционном, так и цифровом формате.

Библиографический список

1. Фортунатов А.Н. Взаимодействие субъектов социальной коммуникации в медиареальности: автореф. дис. ... д-ра философ. наук. Н.Новгород, 2009. 45 с.
2. Федоров А.В. Модель развития медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогического вуза на занятиях медиаобразовательного цикла // Инновации в образовании. 2007. № 7. С. 107-116.
3. Цымбаленко С.Б., Макеев П.С. Медийный портрет подростка: пособие. М.: Изд-во РУДН, 2015. 87 с.
4. Вартанова Е.Л. СМИ и журналистика в пространстве постиндустриального общества // Медиаскоп. 2009. Вып. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/352>.

5. Магера Т. О «бардах XXI века», евангелистах и НеФоруме блогеров // Какие медиа – такое и общество / под ред. В. Юкечева. Новосибирск: ИРП-Сибирь, 2013. С. 63.
6. Баранова Е.А. Особенности развития газетных редакций в условиях медиаконвергенции: дис. ... канд. фил. наук. М., 2011. 245 с.
7. Сорокина В.В. Детские игры и игрушки как форма массовой коммуникации // Человек как субъект и объект медиапсихологии. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова / Ин-т человека, 2011. С. 707.
8. Жуков А. С. Тексты в формате инфотейнмента в прессе // Молодой учёный. 2014. № 4 (63). С. 131-133.
9. Цаплин А. Ю. Проблемы политических коммуникаций в информационном общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2013. № 4. С. 77-81.
10. Вартанова Е. Л. Глобализация СМИ и масс-медиа России // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. С. 9-24.
11. Лушинская О. В. Жанры в конвергентных средствах массовой коммуникации: структурно-содержательные характеристики // Журналистика – Медиалогия – Наставничество: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию проф. Б. В. Стрельцова и 100-летию Белорус. гос. ун-та, 2021. С. 175-181.
12. Петрова С.А. Детский сетевой журнал и его роль в современном медиаобразовании // MIG. Медиа. Информация. Коммуникация. 2015. № 12. С. 60.

References

1. Fortunatov A.N. Interaction of subjects of social communication in media reality: abstract. dis. ... Doctor of Philosophy. sciences. N.Novgorod, 2009. 45 p.
2. Fedorov A.V. Model of development of media competence and critical thinking of pedagogical university students in the classes of the media education cycle // Innovations in education. 2007. No. 7. pp. 107-116.
3. Tsymbalenko S.B., Makeev P.S. Media portrait of a teenager: manual. M.: Publishing House of RUDN, 2015. 87 p.
4. Vartanova E.L. Mass media and journalism in the space of post-industrial society // Mediascope. 2009. Issue URL: <http://www.mediascope.ru/node/352>.
5. Magera T. About the "bards of the XXI century", evangelists and NoNforum bloggers // What media is and society / edited by V. Yukecheva. Novosibirsk: IRP-Siberia, 2013. p. 63.
6. Baranova E.A. Features of the development of newspaper editorial offices in the conditions of media convergence: dis. ... Candidate of Phil. sciences. M., 2011. 245 p.
7. Sorokina V.V. Children's games and toys as a form of mass communication // Man as a subject and object of media psychology. Moscow: Lomonosov Moscow State University / Human Institute, 2011. p. 707.
8. Zhukov A. S. Texts in the format of infotainment in the press // Young Scientist. 2014. No. 4 (63). pp. 131-133.
9. Tsaplin A. Yu. Problems of political communications in the information society // News of Saratov University. A new series. Series: Sociology. Political science. 2013. No. 4. pp. 77-81.
10. Vartanova E. L. Globalization of mass media and mass media of Russia // Bulletin of the Moscow University. Ser. 10. Journalism. Moscow: Publishing House of Moscow. unita, 2005. pp. 9-24.
11. Lushchinskaya O. V. Genres in convergent mass communication media: structural and content characteristics // Journalism – Medialogy – Mentoring: materials of International Scientific Practice. conf., dedicated. To the 95th anniversary of prof. B. V. Streltsov and the 100th anniversary of the Belarusian State University, 2021. pp. 175-181.
12. Petrova S.A. Children's online magazine and its role in modern media education // MIG. Media. Information. Communication. 2015. No. 12. p. 60.

УДК 81'115

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.51.21.017

Орловский государственный институт культуры

кандидат филологических наук, доцент

зав. кафедрой русской и иностранной филологии

Пастухов А.Г.

Россия, г. Орёл, тел. +7(910)307-88-11

e-mail: alexander.pastukhov@yandex.ru

Orel State Institute of Culture

Candidate of Philology, Associate Professor,

Head of Department Russian and Foreign Philology

Pastukhov A.G.

Russia, Orel, tel. +7(910)307-88-11

e-mail: alexander.pastukhov@yandex.ru

А.Г. Пастухов

ПРОТОТИПИЗАЦИЯ ЖАНРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДИНАМИЧЕСКИХ СВОЙСТВ МЕДИАТЕКСТА

Философское и предметно-логическое осмысление медиатекста требует обновленных описаний и в лингвистических исследованиях. Одну из таких возможностей представляет собой методология, позволяющая изучать медиатексты как актуальный феномен, трансформирующий информационные пространства и в своём естественном продолжении выявляющий динамические принципы организации. Сложность и многоаспектность представления информации в медиатексте в интегративном плане ограничивает возможности прежних текстовых концепций и в ряде случаев допускает неточности в понимании сути реально функционирующих структур медиатекста. Процесс выявления особенностей функционирования и интерпретации медиатекста ставит вопрос прежде всего о необходимости многомерных классификаций и концентрации внимания на прототипизации их свойств, которая становится ключевой медиалингвистической проблемой, т.е. выяснения и объяснения множественного и избирательного характера каналов коммуникации, их взаимного влияния. Существенным при этом будет действие содержательных моделей, означающее приобретение медиажанрами новых качеств. Будучи моделью медиатекстов, жанры имеют устойчивый и регулярный характер. Медиажанр как условная прототипизация медиатекста изменяет не только подходы к их классификации, но и предполагает дополнение прагматической контекстуальной модели, моделью когнитивно-лингвистической. Обработка динамических процессов применительно к медиажанрам в большинстве случаев связано с регулярными изменениями в языке и речи, а также с необходимостью тех эмпирических обобщений, которые касаются процессов исторического изменения языка. Строго детерминистский взгляд и отказ от дедуктивных процедур приводит к некоторому застою в теории, однако в известной мере он же устанавливает перспективы и необходимость изучения лингвистической динамики, включая те её аспекты, которые касаются динамики медиажанров.

Ключевые слова: медиатекст, медиажанр, динамизация, динамические свойства текста, прототипизация, текстовый шаблон, текстовый формат, эволюция языка

A.G. Pastukhov

GENRE PROTOTYPING AND DYNAMIC PROPERTIES OF MEDIA TEXT

Philosophical and subject-logical understanding of the media text requires updated descriptions in applied linguistic research. One of these possibilities is a methodology that allows linguists to study media texts as a specific phenomenon that transforms information spaces and, in its natural continuation, seeks to identify the dynamic principles of media text organization. The complexity and multidimensionality of presenting information in a media text in its integrative way limits the possibilities of previous textual concepts and assumes some inaccuracies in understanding the essence of actually functioning of media texts. The process of identifying the features of the structures and interpretation of media texts introduces the multidimensional classifications and concentration on the properties prototyping, which at the same time becomes a key media linguistic problem, i.e. the clarifying and explaining the multiple and selective nature of communication channels, incl. mutual influence. In this case, the interpenetration of content models will be essential, which means first of all the acquisition of new qualities by media genres. Being a model of media texts that are the most stable and regular, conditional prototyping of media genres arises. The mostly change in conditions and approaches to text classification suggest new approaches to the text typology. The typology of media texts is based

on a pragmlinguistic contextual model, which is complemented by a cognitive model. The development of dynamic approaches to media genres is related primarily to changes in language and speech, as well as to some empirical generalizations regarding the actual processes of historical language change. A strictly deterministic view and a simultaneous rejection of deductive procedures lead to some stagnation, which establishes the prospects and needs for constant reference to the linguistic dynamics, including those aspects that currently relate to the dynamics of media genres.

Keywords: media text, media genre, dynamization, text dynamic properties, prototyping, text template, text format, language evolution

В теории «массовая коммуникация», хотя и дефинируется часто только технически и формально (через характер доступа, специфику конкретного медиа, позицию адресата и т.п.), всё больше обнаруживает связанность с «формой», при которой происходит публичная трансляция информации, опосредованная техническими средствами и направленная широкой аудитории. Очевидно, что это отражает «действенную связь по производству общественно значимых высказываний», с особым акцентом на способе их производства и том историко-общественном контексте, в котором они существуют в условиях «массового общества» и как форма организации общественного сосуществования [1; с. 250-251]. Реальностью становится т.н. медийная конвергенция, означающая объединение в одном медиа или на одной платформе: текста, видео, звука и т.п. При этом границы между персонифицированной и массовой коммуникацией, т.е. между коммуникацией, нацеленной на конкретного индивидуума и/или на всех, становятся всё более размытыми [2; с. 95].

Действие данных тенденций отмечается и в функционировании жанров печатных медиа, что определяет границы и содержательное поле данного исследования [2; с. 97]. С учётом известной преддетерминированности медиажанров возрастает роль медиатекста практически во всех видах коммуникации, прежде всего, как диффузных образований, которые могут быть сгруппированы в «типы или классы, обладающие сходными внутренними и внешними свойствами, а также как репрезентанты разнообразных внешних форм текста. Можно предположить, что одновременно они являются моделью, которая в условиях медийной коммуникации носит достаточно устойчивый и регулярный характер. Гипотетически ощущаемая исследователями потребность в **прототипизации жанров текста** формирует условия их классификации, тогда как прагмалингвистическая контекстуальная модель, всё активнее дополняется когнитивно-лингвистической моделью» [3; с. 43].

Практическое изучение медиатекста обростаёт таким образом целым рядом важных теоретических констант, а также актуальных рефлексий, имеющих проскриптивный характер. Их можно расценивать как генеральное требование цельнооформленности текста, но и как реализацию актуального речевого материала в виде комбинации контекстов. Примеры реального медийного употребления вполне показательны, т.к., сами по себе, являются не только речевыми по своей природе, но и способны дать объективную картину их функционирования (проверка экспликации фактуального содержания, специфики словоупотребления, использования стилистических регистров, грамматических средств и т.п.).

Без преувеличения можно сказать, что внутри системы жанров современных печатных медиа интуитивно ощущается необходимость выработки обновленного отношения и особой рефлексии в отношении упорядочивающего и обобщенного знания, а также собственно «текстового чутья» (*Textmusterwissen*) [4; с. 142]. Вот почему одной из предпосылок нашего анализа будут обобщенный опыт рецепции немецкого медийного текста, который можно рассматривать как ответ на новые вызовы модернизации, как срез традиций медиатекста в Германии, включая различные виды политической, научной и медийной коммуникации.

Таким образом, именно многомерность медиатекста становится главной медиалингвистической константой, заключающейся в выяснении и объяснении множественного и избирательного характера каналов коммуникации, их взаимного влияния и взаимопроникновения, действия содержательных моделей, обретения медиажанрами новых свойств.

Провозглашение культурной маркированности в качестве динамического свойства медиатекста требует своего уточнения в определении понятия «культура». Культура – это процесс социального кропанья, делающий социальное взаимодействие возможным на длительный срок, с определёнными надындивидуальными моделями конструирования действительности и ориентации в ней. Культура и коммуникация находятся в теснейшей взаимозависимости, в произвольной, но порождаемой ими упорядоченности [5; с. 214].

Тексты с идеокультурной спецификой, равно как и тексты культурно-универсальные, в зависимо-

сти от того, «куда они относятся», содержат локальные или глобальные культурно сформированные образцы, что в немалой мере предопределяет *динамическое изменение* практически всех свойств медиатекста. Сколько изменений может выдержать текст, прежде чем состоится его переход в новый медиажанр, зависит от того, как быстро произойдёт конвенциональное изменение свойств текста, насколько активно будут действовать факторы появления и «умирания» старых текстов. Важно учитывать также и сложившееся предложение медиатекстов, вызванных к жизни действием и идеологией «новых медиа» и тех, что модифицируются из «старых» [6; с. 32-33]. При этом традиционные медиажанры активно приспосабливаются к новым условиям, но всё же сохраняют статус и характеристики «исходного» текста.

Разработка динамических подходов в языкознании насчитывает более ста лет. Еще в XIX в. лингвисты много внимания уделяли изменениям в языке, и их работа привела к важным эмпирическим обобщениям, касающимся процессов *исторического* изменения языка. Их строго детерминистский взгляд и одновременно отказ от дедуктивных процедур, характерный для современной лингвистики, привели к некоторому застою, в т.ч. что касается первого приближения в изучении лингвистической динамики.

Аксиологическое моделирование в медиа может рассматриваться в качестве ключевой функции, если считать, что глобальная задача медиадискурса (и практической журналистики) – создание параллельной реальности. В то же время исключительно инструментальный статус аксиологического моделирования, предполагающий, что функции медиатекста (конструирование реальности, информирование, воздействие, манипуляция, регулирование, оценка) подчинены исключительно борьбе за власть, также вызывает вопросы.

Целевой, или инструментальный характер аксиологического моделирования медиатекста зависит, по мнению В.А. Марьянич, от интерпретационной концепции адресата и/или исследователя [7; с. 151]. Медиатекст, как вербальная и понятийная категория, представляет собой сложный феномен, данный субъекту познания в ощущениях и отражающий «всю совокупность семиотического материала, продуцируемого медийными комплексами и служащими для осуществления медиумического прагматического действия. Оно более масштабно, чем простая коммуникация, включая также массовую, т.к. предполагает экспликацию нравственного и духовного, а порой и сакрального аспектов, корреляции двух или более субъектов» [8; с. 60].

Вообще разработка вопросов нормы в отношении медиатекста охватывает понимание совокупности коллективных действий, принятых обществом на определённом этапе его развития и осознаваемых им как корректные и образцовые. Но как это относится к медиатекстам, отличающимся своей собственной динамикой? Динамическая норма, включающая в себя признаки потенциальных возможностей языка, понимается как норма именно в своём динамическом аспекте, т.е. как социально-исторический результат речевой деятельности, закрепляющей традиционные реализации системы или творящей речевые феномены в условиях их полиинтенциональной связи с возможностями системы языка, с одной стороны, и с реализационными образцами – с другой. Данный подход позволяет в одинаковой мере учитывать, как статические (систему языковых единиц), так и динамические (функционирование языка) аспекты коммуникативной деятельности. На передний план выходит существенный (для медиалингвистики) принцип коммуникативной целесообразности, означающий соответствие нормы ситуации целям общения [9; с. 81].

Учитывая соображения о возможности конструирования средствами медиатекста аксиологического контекста, на фоне которого адресат воспринимает сообщаемые сведения, целесообразно выявить средства и способы создания такого контекста через анализ конкретных публикаций [10; с. 88]. Согласно идее Л.И. Гришаевой, медиатекст детализирует, комментирует и дополняет сведения, активизированные заголовком [11; с. 206-208]). ... В этом случае степень воздействия на реципиента в разных типах текста будет различной; сравн. изначальный аксиологический потенциал типов текста [10; с. 89]. Целесообразность разграничения способов конструирования аксиологического контекста в рамках одной и той же понятийной сферы или в одном издании за определённый промежуток времени позволяет установить, какие языковые средства использует адресант с очевидной аксиологической доминантой [10; с. 91-92].

Но учёт лишь аксиологической составляющей должен быть дополнен социальной стороной, в ситуации, когда индивиды прибегают к тем формам общения, понимание которых максимально соответствует условиям социальных контекстов, интерперсональных или групповых взаимодействий. Этим во многом определяется не только социальная, но и речевая динамика, подчёркивающая индивидуальность конкретного автора медиатекста. В этом случае на второй план уходит представление о жанрах, как о структурах, подлежащих автоматической редукации [12; с. 61].

Позиционирование медиатекста, как устойчивой и строгой структуры даёт важные ключи к его пониманию в плане нарративной (информационной) практики. Между медиатекстом как структурой и медиатекстом как деятельностью, кажется, существует неплохая возможность обоюдного приближения.

При этом медиатекст может квалифицироваться как форма, которая информирует о предмете или процессе, вовлечённом в коммуникативное действие. Сравн. рис. 1.

Рис. 1. Медиатекст как коммуникативное действие

Как видим, медиатекст «реагирует» на коммуникативные действия как на обычный предмет. В иных случаях при «прочтении» текста учитываются «правила игры» и их интерпретация. Действие же рассматривается скорее в контексте среды обитания медиатекста, в то время как его структура обеспечивает упорядочение действия с точки зрения информирования, повествования.

В теории медиатекста нередко можно видеть его противопоставление разветвлённой и дифференцированной теоретической перспективе. Но всё же медиатекст более важен с позиций его структуры. При этом нельзя забывать и о медиальной составляющей: медийный дискурс в этом случае как бы опирается на медиатекст. Вот почему важно разобраться, как медиатекст связан (зависим vs. не зависим) с «рассказывающим» медиумом.

Аспекты и правила медиадискурсивных порядков последовательно и целенаправленно «отчуждают» процессуальный элемент медиатекста и фиксируют его в какой-либо структуре. Истинное *использование* структур медиатекста в их «завязанности» на структуру действия ни в коем случае не исключают первоначальных представлений реципиента, которые следует дополнить пониманием, что такое медиатекст, о чём он повествует, кто участвует в информационном действии. Исследовательская перспектива, обособленная от конкретного медиа, равно как и неполная соотнесённость медиатекста с субъектами медиапроцесса или окружающими предметами, в которых заключено это взаимодействие, не могут в полной мере удовлетворить вдумчивого исследователя. Границы медиатекста оказываются в этом случае слабо очерченными, прежде всего, в отношении ситуации, средств коммуникации и т.п. В подобном пересечении мы наблюдаем новое рождение медиатекста, при котором между рассказчиком (автором), медиа и иными техническими средствами возникают особые структурные состояния (*Bedingungsgefüge*), с помощью которых реализуется целенаправленное коммуникативное действие медиатекста, находящегося в «зазоре» между реципиентом и его интерпретациями [13; с. 14].

Помимо сложности определения места медиатекста и значимости непосредственных коммуникативных выходов (*Outputs*) в плане сочетания внешних и внутренних факторов, историчности (сформированные vs. нестабильные), условности (динамично изменяющийся инструментарий), концепция медиажанров, в свою очередь, выделяется своей центристемностью, прежде всего, в отношении повторяющихся задач коммуникации и соответственно выбора приемлемой схемы репрезентации (оформления) медиатекста. Повторим также, что медиажанр представляет собой культурно сформированную и культурно-специфическую конструкцию, включающую в себя лингвистические, структурные, функционально-прагматические, когнитивные и социальные или социокультурные аспекты [14; с. 1110-1111].

Применяемые в начале – середине XX в. статичные подходы Ф. де Соссюра, К. Пайка, З. Харриса и т.д. достаточно завоевали прикладные области лингвистики. Ф. де Соссюру удалось исключить из научного оборота категорию «времени» и, соответственно, динамики и сосредоточиться только на статических отношениях внутри языка, т.е. синхронных, данных в определённый «момент» исторического развития. Это, наряду с детерминистским взглядом, привело не только к аномалиям, которые в конце концов привели к краху структурализма, но и помешали объяснению языковых явлений, когда, например, исходные условия, как важные объяснительные возможности оказывались незамеченными. Отсутствие такой связи вело к исключительности статических описаний, по причине чего лингвистика того времени была чисто описательной наукой.

С течением времени в науке о языке произошли изменения, которые были направлены на то, чтобы зафиксировать его «онтологию» с помощью вновь вводимых понятий, что привело к быстрому росту тер-

минологии. Так, исследования Дж. К. Ципфа [15, 16] долгое время оставались без должного внимания. Но существует другое мнение, подтверждающее, что изыскания учёного могут стать отправной точкой для обновленной теории языка, а его Закон Ципфа по праву может считаться фундаментом *динамической лингвистики* [17; с. 181]. Он учитывал революционную по тем временам диспозицию сил, равновесий и принципов, управляющих человеческим поведением и обосновывал роль структуры в этих процессах. «Ципф в своём определении статистического анализа языка придерживался взгляда на язык, как биологического, психологического и социального процесса» (см. предисловие Г.А. Миллера к книге [15]). Спустя годы грандиозный научный вклад Дж.К. Ципфа получает должное признание в том смысле, что «даже его ошибки стали значить больше, чем все его научные победы» [18; с. VIII].

Одновременно с интенсивным распространением генеративной парадигмы (*сравн.*: переиздание книг Дж.К. Ципфа в 1965 и 1968 гг. также не получило, к сожалению, широкого резонанса), лишь психолингвистика взяла их в качестве источника для новых идей и объяснения накопившихся проблем. В таких науках, как: социология, экономика, биология, география, культурная антропология и т.п. «ципфианские» исследования использовались довольно давно и успешно [16]. Новые науки, такие как музыковедение, теория изобразительного искусства и математика и др. живо подхватили эти идеи. В СССР, например, рядом математиков [19] было показано, что Закон Ципфа-Мандельброта динамически контролирует не только построение вербальных текстов, но и музыкальных и художественных произведений, которые порождаются человеческим организмом в процессе рецепции и обработки информации [17; с. 184-185].

В наше время эмпирические и симптоматические процедуры Ципфа получают новые теоретические запросы так, что динамическая лингвистика становится всё более и более фундируемой наукой. Может показаться, что динамические процессы и подходы уже вполне «узаконены» в лингвистике и серьёзно конкурируют со статическими методами. Но наибольшую перспективу обретают безусловно динамические процессы в речи, поскольку «существование структуры оптимально прослеживается только при подходе с динамической точки зрения» [20].

Динамический аспект эволюции языка очевиден, поэтому нет необходимости особо подчеркивать и доказывать его. Если кто-то пытается понять чисто исторические особенности (звуковые изменения, изменения правил, заимствования, аналогии и т.д.), то законы динамики не будут ограничены одним языком, в которых переменная «время» присутствует, по крайней мере, имплицитно. Однако, жизнь языка – это прежде всего его использование, применение. Язык культивируется его пользователями, и создание текстов – это живой процесс. Поскольку он не является ни полностью детерминированным, ни, напротив, хаотичным, можно предположить, что он управляется различными стохастическими (*случайный, вероятностный, беспорядочный, непредсказуемый*. – Прим. авт.) законами, которые имеют форму установления условий для оптимизации функций языка по отношению к говорящему и слушающему. Подобный эффект был бы ограниченным и эфемерным, если бы эти две «парадигмы» индизировали указанные аномалии и показывали бы неспособность к развитию. Единственным и всё возрастающим можно считать оказываемое динамической лингвистикой влияние, вытекающее из «динамической филологии Ципфа». Поэтому некоторые неудачи лингвистики, отмеченные, в частности, Т. Балмером [20; с. 2], в значительной степени объясняются именно непризнанностью «динамической лингвистики», т.к. Ципф не занимался ею столь интенсивно, как это того заслуживало бы.

Основные черты динамического подхода (ДП) и его отличия от статического подхода (СП) в лингвистике можно резюмировать следующим образом.

(1) СП использует в основном качественные понятия, ДП – количественные. Этот аргумент интересен прежде всего с точки зрения качества и структуры, а не количества, поэтому его необходимость в квантитативной лингвистике не всегда оправдана и поэтому не востребована в полной мере.

(2) В природе нет универсальных качеств, ни идеальных количеств, которые бы позволили её всесторонний анализ [21; с. 65]. Говоря онтогенетически, качественные понятия появляются в естественном языке раньше количественных, и поэтому они первичны. Потребности повседневной жизни могут быть удовлетворены ориентацией человека с помощью качественных понятий, т.к. весь мир имеет качественную структуру. Эта позиция, перенесенная на лингвистический анализ, до сих пор поддерживается некоторыми лингвистами (равно как и другими науками) Она была названа Р. Карнапом '*мифической концепцией языка*' [22]. Следует заметить, что количественные понятия более подходят для научной практики, и на их основе можно добиться больших, чем при использовании качественных результатов [Цит. по: 23; с. 98-105]. «Как только мы осознаем, что предметом количественной оценки является не предмет, а наши представления о нём, для количественной оценки не остается непреодолимых препятствий» [24; II: с. 204].

(3) ДП способствует нахождению множественных инвариантных сущностей, которые неизменны и которые не поддаются изучению, т.к. управляют действиями говорящего, а также структурой и собственно

динамикой языка [17; с. 183].

(4) В попытке выяснения, что на самом деле является «динамическим» по отношению к языку и что можно анализировать с помощью этого подхода (язык – есть система), заключается саморегулируемость системы в том смысле, что она стремится к коммуникативному равновесию на перспективу. Эта система компенсирует нарушения с помощью функциональных эквивалентов и/или создает новые в случае, если такая необходимость возникает. Язык достаточно эффективно передаёт информацию и по уровню моделирования не отличается принципиально от биологических, экологических, экономических или других социальных систем. Таким образом, логично предположить, что языка – это живая (под)система, имеющая свою эволюцию, изменчивость, поведение и структуру.

Библиографический список

1. Пастухов А.Г. Ресурсы информационного доминирования: анализ 'формата' новостных сообщений // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. вып. 7 / отв. ред. А.Г. Пастухов. Орёл: ОГИИК, 2009. С. 248-263.
2. Пастухов А.Г. Медiateкст в гипертекстовом представлении (о некоторых способах выражения отношения к действительности) // Гипертекст как объект лингвистического исследования: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. / отв.ред. С.А. Стройков. Самара: Поволжск. гос. соц.-пед. акад., 2010. С. 95-102.
3. Roelcke, Th.: Fachsprachen. 2., durchges. Aufl. Berlin: Erich Schmidt, 2005. 253 S.
4. Venohr, E.: Textmusterkompetenz im Unterricht des Deutschen als Fremdsprache am Beispiel des Märchens. In: K. Adamzik & W.-D. Krause (Hrsg.) Text-Arbeiten. Textsorten im fremd- und muttersprachlichen Unterricht an Schule und Hochschule. Tübingen: Narr, 2005. S. 137-153. (Europäische Schriften zur Textlinguistik 1).
5. Пастухов А.Г. О культурной маркированности медiateкстов // Формирование региональной культурной политики в контексте модернизации образования: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Орёл, 24-28 марта 2014 г.) / ред. колл.: В.М. Гапоненко, Н.А. Меркурьева, Г.Н. Харитонов. Орёл: Орловский гос. ин-т искусств и культуры, 2014. С. 214-216.
6. Fix, U.: Aktuelle Tendenzen des Textsortenwandels. Thesenpapier. In: Hauser, Stefan/ Kleinberger, Ulla/ Roth, Kersten Sven (Hrsg.): Musterwandel – Sortenwandel. Aktuelle Tendenzen der diachronen Text(sorten)linguistik. Bern, 2014. S. 15-48.
7. Марьянчик В.А. Аксиологический потенциал формы медиаполитического текста // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. вып. 6. С. 151-156.
8. Мисонжников Б.Я. Эпистема как предмет герменевтического отождествления медiateкста // Век информации. 2016. №1. С. 58-66.
9. Пастухов А.Г. Медiateкст: стилистическое разнообразие или диффузность свойств? // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. вып. 14 / отв. ред. А.Г. Пастухов. Орёл: ОГИК, ООО «Горизонт», 2016. С. 75-98.
10. Гришаева Л.И. Средства и способы создания аксиологического контекста // Медiateкст: стратегии – функции – стиль: коллективная монография / Л.И. Гришаева, А.Г. Пастухов, Т.В. Чернышова (отв. ред.) Орёл: Орловский гос. институт искусств и культуры, ООО «Горизонт», 2010. С. 80-100.
11. Гришаева Л.И. Языковые средства конструирования имиджа субъекта в политической коммуникации / Л.И. Гришаева, Е.Н. Катанова, О.В. Кашкина, М.А. Бойко. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2009. 319 с.
12. Пастухов А.Г. Систематика и динамика жанра: от матрицы к формату // Антропологический поворот: теории и практики: сборник трудов междунар. науч. конф. в 2 ч. Ч.2 / (отв. ред.) А.В. Овсянников, А.Г. Пастухов, Т.В. Струкова. Орёл: Орловский гос. ин-т культуры, 2021. С. 56-75.
13. Neitzel, B.: Gespielte Geschichten. Struktur- und prozeßanalytische Untersuchungen der Narrativität von Videospielen. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades. Weimar: Bauhaus-Universität, 2000. 269 S.
14. Пастухов А.Г. Медиажанры и композиционно-речевые формы журналистики: связи и отношения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 4. С. 1107-1115.
15. Zipf, G. K.: The Psychobiology of Language. Cambridge, Mass. 1965, 1968. (Original 1935)
16. Zipf, G. K.: Human Behavior and the Principle of Least Effort. New York: Hafner, 1972. (Original 1949)
17. Altmann, G.: On the Dynamic Approach to Language. In: Linguistic Dynamics: Discourses, Procedures and Evolution / ed. by Thomas T Ballmer. Berlin; New York: de Gruyter, 1985. pp. 181-189 (Research in Text Theory; Vol. 9)
18. Miller, G.A. Introduction. In: Zipf, G. K.: The Psychobiology of Language. Cambridge, Mass. 1968.
19. Orlov, Ju. K., Boroda, M. G., Nadarejvili, I. S.: Sprache, Text, Kunst. Quantitative Analysen. Bochum: Brockmeyer, 1982.
20. Ballmer, Th. T.: Linguistic Dynamics. A physio-phenomenologic Treatise of Linguistic Theory. In: Rieger B. B. (Ed.) Empirical Semantics I. Brockmeyer: Bochum, 1981. pp. 2-58.
21. Essler, W. K.: Wissenschaftstheorie II. Alber: Freiburg, 1971.

22. Carnap, R.: Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache. In: Erkenntnis. Jg. 2, 1931/1932. S. 219-241.
23. Stegmüller, W.: Theorie und Erfahrung. Springer: Berlin, 1970.
24. Bunge, M.: Scientific Research II. Berlin: Springer, 1967.

References

1. Pastukhov A.G. Resources of Information Dominance: Analysis of the News 'Format' // Genres and Types of Text in Scientific and Media Discourse: Collected Papers (eds.) A.G. Pastukhov. Vol. 7. Orel: OGIK, 2009. pp. 248-263.
2. Pastukhov A.G. Media Text in Hypertext Representation (on some Ways of Expressing Attitudes to Reality) // Hypertext as an Object of Linguistic Research: Russian Scientific and Practical Conference (ed.) S.A. Stroykov. Samara: Povolzhsky State Social and Ped. Academy, 2010. pp. 95-102.
3. Roelcke, Th.: Fachsprachen. 2., durchges. Aufl. Berlin: Erich Schmidt, 2005. 253 S.
4. Venohr, E.: Textmusterkompetenz im Unterricht des Deutschen als Fremdsprache am Beispiel des Märchens. In: K. Adamzik & W.-D. Krause (Hrsg.) Text-Arbeiten. Textsorten im fremd- und muttersprachlichen Unterricht an Schule und Hochschule. Tübingen: Narr, 2005, S. 137-153. (Europäische Schriften zur Textlinguistik 1).
5. Pastukhov A.G. On the cultural Marking of Media Texts // Formation of Regional Cultural Policy in the Context of the Education Modernization: International Scientific Conf. (eds.) V.M. Gaponenko, N.A. Merkurieva, G.N. Kharitonova. Orel: Orel State Institute of Culture, 2014. pp. 214-216.
6. Fix, U.: Aktuelle Tendenzen des Textsortenwandels. Thesenpapier. In: Hauser, Stefan/Kleinberger, Ulla/Roth, Kersten Sven (Hrsg.): Musterwandel – Sortenwandel. Aktuelle Tendenzen der diachronen Text(sorten)linguistik. Bern, 2014. S. 15-48.
7. Maryanchik V.A. Axiological Potential of the Political Media Text Form // Herald of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology. 2015. Vol. 14. Issue 6. pp. 151-156.
8. Misonzhnikov B.Ya. Episteme as a Subject of Hermeneutic Identification of Media Text // Century of Information. 2016. No. 1. pp. 58-66.
9. Pastukhov A.G. Media Text: Stylistic Diversity or diffuse Properties? // Genres and Types of Text in Scientific and Media Discourse: Collected Papers (ed.) A.G. Pastukhov. Vol. 14. Orel: Orel State Institute of Culture, 2016. pp. 75-98.
10. Grishaeva L.I. Means and Methods of Creating an Axiological Context // Media Text: Strategies – Functions – Style: collective monograph / L.I. Grishaeva, A.G. Pastukhov, T.V. Chernyshova (eds.). Orel: Orel State Institute of Arts and Culture, Horizont Ltd., 2010. pp. 80-100.
11. Grishaeva L.I. Linguistic Means of Constructing the Subject's Image in Political Communication / L.I. Grishaeva, E.N. Katanova, O.V. Kashkina, M.A. Boyko (eds.). Voronezh: Voronezh State University, 2009. 319 p.
12. Pastukhov A.G. Systematics and Dynamics of Genre: From Matrix to Format // Anthropological Turn: Theories and Practices: Collection of Proceedings of the Intern. Scientific Conference (eds.) A.V. Ovsyannikov, A.G. Pastukhov, T.V. Strukova. Part 2. Orel: Orel State Institute of Culture, 2021. pp. 56-75.
13. Neitzel, B.: Gespielte Geschichten. Struktur- und prozeßanalytische Untersuchungen der Narrativität von Videospiele. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades. Weimar: Bauhaus-Universität, 2000. 269 S.
14. Pastukhov A.G. Media Genres and Compositional-speech Forms of Journalism: Connections and Relationships // Bulletin of the Kemerovo State University. 2020. Vol. 22. #4. pp. 1107-1115.
15. Zipf, G. K.: The Psychobiology of Language. Cambridge, Mass. 1965, 1968. (Original 1935)
16. Zipf, G. K.: Human Behavior and the Principle of Least Effort. New York: Hafner, 1972. (Original 1949)
17. Altmann, G.: On the Dynamic Approach to Language. In: Linguistic Dynamics: Discourses, Procedures and Evolution / ed. by Thomas T Ballmer. Berlin; New York: de Gruyter, 1985. pp. 181-189 (Research in Text Theory; Vol. 9)
18. Miller, G.A. Introduction. In: Zipf, G. K.: The Psychobiology of Language. Cambridge, Mass. 1968.
19. Orlov, Ju. K., Boroda, M. G., Nadarejshvili, I. S.: Sprache, Text, Kunst. Quantitative Analysen. Bochum: Brockmeyer, 1982.
20. Ballmer, Th. T.: Linguistic Dynamics. A physio-phenomenologic Treatise of Linguistic Theory. In: Rieger B. B. (Ed.) Empirical Semantics I. Bochum: Brockmeyer, 1981. pp. 2-58.
21. Essler, W. K.: Wissenschaftstheorie II. Freiburg: Alber, 1971.
22. Carnap, R.: Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache. In: Erkenntnis. Jg. 2, 1931/1932, S. 219-241.
23. Stegmüller, W.: Theorie und Erfahrung. Springer: Berlin, 1970.
24. Bunge, M.: Scientific Research II. Berlin: Springer, 1967.

ЯЗЫК СМИ LANGUAGE OF MASS MEDIA

УДК 81'42 + 811.133.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.91.62.018

*Кемеровский государственный университет
кандидат филологических наук
старший преподаватель
Вдовиченко Е.А.*

Россия, г. Кемерово

тел. 8-903-048-2755

e-mail: Elizaveta90@mail.ru

*Кемеровский государственный университет
доктор филологических наук
профессор*

Каменева В.А.

Россия, г. Кемерово

тел. 8-903-048-2755

e-mail: russia_science@mail.ru

*Kemerovo State University
Cand. Sci. in Philology*

Senior Lecturer

Vdovichenko E.A.

Russia, Kemerovo

tel. 8-951-220-1480

e-mail: Elizaveta90@mail.ru

*Kemerovo State University
Dr. Sci. in Philology*

Professor

Kameneva V.A.

Russia, Kemerovo

tel. 8-951-220-1480

e-mail: russia_science@mail.ru

Е.А. Вдовиченко, В.А. Каменева

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКИХ КОММЕНТАРИЕВ НА НОВОСТНЫЕ ТЕКСТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ СО СТРУКТУРОЙ “КЕБАВ” (КЕБАБ)

Настоящая статья посвящена изучению комментариев, оставленных детьми в возрасте от 8 до 12 лет, во взаимосвязи с первичными новостными текстами политической тематики из франкоязычного журнала “l'jourlactu”. Материалом стали 97 комментариев на новостные тексты со структурой “Kebab” (Кебаб), отобранные за период 2013-2023 гг. В ходе исследования были выявлены структурные компоненты текстов, на которые молодые читатели оставляют свои комментарии: “Title” (Заголовок), “Lead” (Вводка), первый “Anecdote” (повествовательный крючок), “Background” (Фон), второй “Anecdote” (повествовательный крючок). Большая часть детских комментариев приходится на информацию, изложенную в “Lead” (Вводке), где кратко сообщается о новостном событии, так как в процессе ознакомления полностью с новостным текстом, благодаря его структуре, детям становятся понятны причинно-следственные связи, и при этом им неоднократно напоминает о новостном событии, которому посвящена статья. Оставленные детские комментарии обладают эмоциональным компонентом, который передается при помощи лексических единиц с положительной и отрицательной коннотацией, эмоционально-оценочных слов, превосходной и сравнительной формами прилагательных и эмотиконов. При написании комментариев дети могут как сдержанно выражать свои эмоции, учитывая речевой этикет, так и применять грубую лексику, эксплицируя возмущение. Все это указывает на то, что дети в возрасте от 8 до 12 лет интересуются политическими новостями своей страны и всего мира, читая объемные новостные тексты, изложенные по структуре “Kebab” (Кебаб), и активно участвуют в их обсуждении, выражая свое мнение о происходящих событиях.

Ключевые слова: дети, новость, текст политической тематики, “Kebab” (Кебаб), комментарий.

Е.А. Vdovichenko, V.A. Kameneva

PECULIARITIES OF CHILDREN'S COMMENTS ON POLITICAL NEWS TEXTS BASED ON THE "KEBAB" STRUCTURE

The present article is dealing with the study of comments left by children aged 8 to 12 years old in relation to primary political news texts from the French-language magazine “l'jourlactu”. The sample material was 97 comments

on news texts with the structure "Kebab" (Kebab), selected between 2013 and 2023. The study identified the structural components of the texts on which young readers comment: Title, Lead, first Anecdote, Background, second Anecdote. Most of the children's comments are on the information in the "Lead", which briefly informs about the news event, because in the process of familiarizing fully with the news text, due to its structure, children become aware of cause and effect relationships, while being repeatedly reminded of the news event to which the article is dedicated. Children's comments have an emotional component, which is conveyed through lexical units with positive and negative connotations, emotionally evaluative words, superlative and comparative forms of adjectives and emoticons. When writing comments, children can both express their emotions with restraint, taking into account speech etiquette, and use rude vocabulary, expressing indignation. All this testifies to the fact that children aged 8 to 12 years old are interested in political news of their country and the whole world, reading voluminous news texts, set out in the structure of "Kebab" (Kebab), and actively participating in their discussion, expressing their opinions about the events.

Key words: children, news, political text, Kebab, commentary.

Ученые относительно недавно начали активно изучать комментарии читателей, оставляемые на различные статьи в социальных сетях и в новостной ленте. Обзор научных работ показал, что чаще всего исследуются жанровые особенности комментария (Е.И. Горошко, Т.И. Стексова, Л.Ю. Щипицына, В.А. Митягина), активно изучается его культурологический аспект (Л.Р. Абдуллина, А.В. Агеева, К.В. Рензьева), лингвистический (Л.В. Кудрина, А.Р. Каюмова, Т.Д. Богачанова, А.В. Анненкова), а также коммуникативные стратегии и тактики, к которым прибегают комментаторы (С.В. Коломиец, Н.В. Мельник, И.В. Савельева).

Комментарий – короткое сообщение, в котором выражается мнение читателя по «сетевому материалу» [1, с. 528; 2, с. 222; 3, с. 75; 4]. Высказано мнение, что комментарии следует рассматривать как «дискурс реагирования» [5]. Л.Р. Абдуллина и А.В. Агеева выделяют следующие черты комментария к политическим новостям: «он всегда вторичен; ограничен в объеме; самодостаточен: выбор лексико-фразеологических средств, регистра лексики и интонации осуществляется исключительно в расчете на выражение собственной позиции; участие иных коммуникантов предполагается лишь опосредованно (при разворачивании ветки дискуссии, когда пишется “коммент к комменту”, например)» [6, с. 90].

Ученые в основном ставят целью изучить комментарии, оставляемые взрослой (массовой) аудиторией. У комментариев данной возрастной таргет-группы выделяют оценочность, спонтанность и экспрессивность [7; 8; 9]. Считается, что они также могут выражать конфликтность [10; 11] и агрессивность [12]. А.В. Анненкова с соавторами отмечает в комментариях присутствие «разнородных групп слов и выражений: разговорные, просторечия, профессиональные жаргонизмы, большая часть которых относится к словам сниженной лексики и обладают негативной экспрессией; англицизмы; фонетические, орфографические и пунктуационные особенности оформления: растягивание слогов, повторение слов, употребление восклицаний, упрощение групп гласных в словах и словосочетаниях и др.» [13].

Если комментарий является вторичным текстом, то новостной текст – первичный текст с прагматическим потенциалом, который оказывает влияние на читателя, стимулирует его на обсуждение новостной информации. Влияние текста может оказываться не только при помощи тактик, реализуемых на языковом и неязыковом уровнях, но и при помощи самой структуры текста. На основании визуального сходства с предметами окружающего мира ученые выделяют следующие структуры новостных текстов: “Inverted pyramid” (Перевернутая пирамида), “Pyramid” (Пирамида), “Hourglass Style” (Песочные часы), “Diamond” (Бриллиант), “Martini Glass” (Бокал мартини), “Kebab” (Кебаб) [14; 15; 16; 17; 18].

Но все исследования структуры новостных текстов и особенностей комментариев на них относятся к взрослой (массовой) аудитории. Цель данной работы – изучить особенности комментариев детей в возрасте от 8 до 12 лет во взаимосвязи с новостным текстом политической тематики со структурой “Kebab” (Кебаб).

Методом сплошной выборки было отобрано 50 новостных текстов политической тематики за период 2013-2023 гг. из французского журнала “l'jourlactu”, среди которых только 6 новостных текстов составлены по структуре “Kebab” (Кебаб). На них было дано в общей сложности 97 комментариев. Следует указать, что в генеральную совокупность данного исследования были включены все тексты, имеющие указанную структуру, выявленные за обозначенный период.

Новостной текст политической тематики со структурой “Kebab” (Кебаб), ориентированный на детей, обладает следующими структурными компонентами: “Title” (Заголовок), “Lead” (Вводка), “Nut graf” (Ключевой абзац), “Anecdotes” (повествовательные крючки), “Subtitles” (Подзаголовки), “Background” (Фон). Информация, изложенная в “Background” (Фоне), по своему объему в несколько раз превосходит другие структурные компоненты, так как в нем может сообщаться общая информация; последствия опи-

сываемого новостного события; события (из прошлого или недавнего прошлого), взаимосвязанные с новостным [19].

Рассмотрим, на какие структурные элементы новостных текстов были даны комментарии детьми.

В статье *Les Ukrainiens votent pour l'Europe et pour la paix / Украинцы голосуют за Европу и за мир* сообщается, что жители Украины проголосовали за депутатов, поддерживающих сближение с Евросоюзом, так как не хотят находиться под контролем России, но при этом хотят сохранить с ней хорошие отношения. В "Title" (Заголовке), "Lead" (Вводке) и в основном новостном тексте присутствуют такие слова, как *pour l'Europe et pour la paix / за Европу и за мир: Dans ce pays qui se trouve entre l'Union européenne et la Russie, la majorité des Ukrainiens a voté pour se rapprocher de l'Europe et pour la paix / В этой стране, которая находится между Европейским Союзом и Россией, большинство украинцев проголосовали за сближение с Европой и за мир* [20]. В 3-х оставленных детьми комментариях наблюдаются те же самые слова:

pour l'Europe et pour la paix / за Европу и за мир;

ensemble pour la PAIX ☺ et l'Europe / вместе за МИР ☺ и Европу;

liberté égalité fraternité / свобода равенство братство.

Во втором комментарии читатель выделяет слово *мир*, написав его заглавными буквами и добавив подмигивающий эмодзи. Можно предположить, что таким образом он в основном поддерживает мир в стране, чтобы люди мирно жили без военных конфликтов, а не присоединение Украины к Евросоюзу. В третьем комментарии используется национальный девиз Франции *liberté égalité fraternité*, который обозначает свободу личности, равенство перед законом и призыв поступать с другими так, как хотел бы, чтобы поступали по отношению к тебе. Следовательно, можно предположить, что читатель, оставивший подобный комментарий, не поддерживает, но и не осуждает выбор украинцев, он напоминает им, каким правилам надо следовать, чтобы жить в мире.

В статье *Le deuxième tour de l'élection présidentielle se prépare / Готовится второй тур президентских выборов* рассказывается о том, что Марин Ле Пен и Эммануэль Макрон прошли во второй тур президентских выборов и теперь им нужно провести предвыборную кампанию, поучаствовать в дебатах, чтобы избиратели сделали свой выбор, так как некоторые голосовали за других кандидатов, не прошедших в заключительный тур. Читатели в общей сложности оставили 10 комментариев под статьей. В одном из них представлена реакция на информацию, изложенную в последнем структурном элементе новостного текста – "Anecdote" (повествовательном крючке), где говорится о телевизионных дебатах: *Les 2 candidats vont également se rencontrer avant le second tour pour un débat télévisé, qui aura lieu mercredi 3 mai / Два кандидата также встретятся перед вторым туром в теледебатах, которые состоятся в среду, 3 мая* [21].

Комментарий был следующий: *Si je pourrais, je voudrais regarder le débat télévisé / Если я мог бы, я хотел посмотреть телевизионные дебаты*. Ребенок использует в комментарии условное предложение, составленное с ошибкой (неправильное употребление грамматической временной формы глагола в придаточной части предложения), но по содержанию понятно, что он не может смотреть данную телевизионную передачу по какой-то причине, которую он не указывает, хотя ему интересно, как пройдут дебаты.

Остальные комментарии не относятся к содержанию новостного текста, в них читатели сообщают свой выбор, какому кандидату они отдают предпочтение:

Moi je voterais si je pouvais Emmanuel Macron / Я проголосовал, если бы мог, за Эммануэля Макрона;

Si je pouvais voterai Emmanuel Macron / Если бы я мог, проголосовал за Эммануэля Макрона;

Moi si je pouvais voter, je ne voterais pas pour le FN / Я если бы мог голосовать, я не проголосовал за Национальный Фронт;

Je pense que Macron est le plus bien candidat / Я думаю, что Макрон очень хороший кандидат;

Je pense que Emmanuel Macron gagne parce que Le Pen n'est pas Populaire / Я думаю, что Эммануэль Макрон выиграет, потому что Ле Пен не популярна;

Si Le Pen gagnait, Je serais dérangé / Если Ле Пен выиграла бы, я был обеспокоен;

si je pouvais voter, je voterais pour Emmanuel Macron / если я бы мог голосовать, я проголосовал за Эммануэля Макрона;

Si je pouvais voter, je voter pour Macron. Les élections est très près / Если я мог бы голосовать, я проголосовал за Макрона. Выборы очень близки.

В комментариях читатели используют конструкцию условного предложения, подчеркивая тем самым, что еще не могут голосовать из-за своего возраста, но они уже сделали свой выбор. Они называют

Эммануэля Макрона самым хорошим кандидатом (*le plus bien candidat*), образуя при этом неправильно превосходную степень прилагательного. А Марин Ле Пен является непопулярным претендентом на пост президента, который к тому же их расстраивает: *Le Pen n'est pas populaire, Je serais dérangé*. Детские комментарии не выражают неприятия или агрессии по отношению к кандидату, которого они не хотят видеть в качестве президента. Дети сообщают о своем выборе, аккуратно объясняя его.

Еще один комментарий был оставлен ребенком следующего содержания: *si vous n'avez pas d'avis sur qui choisir comme futur président surtout ne votez pas blanc car voter blanc c'est donné une voix de plus pour le vainqueur le saviez vous!* / если у вас нет мнения о том, кого выбрать будущим президентом, особенно не оставляйте пустые бланки, потому что они дают еще один голос победителю, знайте это! Можно предположить, что данный комментарий дал ребенок, который интересуется ходом избирательной кампании или слышал мнение взрослых и решил им поделиться со своей возрастной группой.

В статье *Pourquoi s'intéresse-t-on autant à l'élection du président américain? / Почему нас так интересуется избрание президента США?* в "Lead" (Вводке) сообщается, что скоро будут известны результаты президентских выборов – выиграет Дональд Трамп или Джо Байден: *Le monde entier attend de savoir si Donald Trump est réélu, ou s'il doit laisser la place à son concurrent, Joe Biden* / Весь мир ждет, чтобы узнать, будет ли переизбран Дональд Трамп или он должен уступить место своему конкуренту Джо Байдену [22]. Молодые читатели выразили свое мнение по отношению к этим двум кандидатам. Рассмотрим некоторые из комментариев:

moi j'ai pas envie que Trump redevienne président 😊 / я не хочу, чтобы Трамп снова стал президентом 😊;

Moi j'suis pour Biden et vous? Trump est un imbécile et desoler Trump / Я за Байдена, а вы? Трамп д*рак и извини Трамп;

trump is a baby please hope he is not re-elected / Трамп ребенок, пожалуйста, надейтесь, что он не будет переизбран;

Trump 2020 / Трамп 2020;

votez pour Joe Biden / Голосуйте за Джо Байдена;

Trump est stupide! / Трамп глупый!;

Vote Biden!!! Trump is stupid / Голосуйте за Байдена! Трамп глупый;

Votez pour Joe Biden! Trump etait un horrible president! / Голосуйте за Джо Байдена! Трамп был ужасным президентом!;

Both are stupid idiots / Оба глупых и д*ота;

Biden président! Trump est un imbécile! / Байден президент! Трамп д*рак!;

😊 *Biden Is winning! Vote Him!* / 😊 Байден выигрывает! Голосуйте за него!;

Trump is a jerk! Vote Biden! (I'm living at the US) / Трамп при д*рок! Голосуйте за Байдена! (Я живу в США);

Trump stupid! do not vote plz for him / Трамп глупый! Не голосуйте, пжст, за него;

Trump est un loser 😊 😊 / Трамп проигравший 😊 😊;

Biden a gagné! / Байден победил;

Biden won!!! Yay 😊 / Байден выиграл!!! Ура 😊;

Le cauchemar est terminé, Biden a gagné! / Кошмар закончен, Байден победил!;

Trump a perdu!!! C'est incroyable / Трамп проиграл!!! Это невероятно;

biden est la meilleure option. plus de Trump! / Байден лучший вариант. Лучше, чем Трамп;

À travers le monde, les gens sont plus heureux du Biden / Во всем мире люди больше довольны Байденom;

Je suis américain et quand Biden a gagné beaucoup les gens étaient content ici / Я американец, и когда Байден выиграл, многие люди были здесь довольны;

Je suis Américaine et je suis tres content parce que Trump perdu l'élection / Я американка, и я очень рада, потому что Трамп проиграл выборы;

Biden est la meilleure option pour les USA / Байден лучший вариант для США.

По комментариям видно, что несмотря на то что данный журнал предназначен для франкоговорящих детей, его читают и жители Америки: они пишут, что являются американцами(ками) (*Je suis américain, Je suis Américaine*) или живут в Соединенных Штатах (*I'm living at the US*). Они оставляют комментарии на английском языке: *Biden won, trump is a baby*. Большая часть франкоговорящих и англоговорящих выбирают нового президента Джо Байдена. Они призывают за него голосовать: *Vote Biden, Votez pour Joe Biden*; называют хорошим кандидатом на пост президента (*la meilleure option*) и будут рады

/ довольны его победой: *les gens étaient content, les gens sont plus heureux du Biden*. В то время как по отношению к Дональду Трампу используются лексические единицы с отрицательной коннотацией: *un imbécile, a jerk, stupid, un loser, un horrible president*; его правление сравнивается с кошмаром (*Le cauchemar*); ему желают проиграть: *Trump perdu l'élection, Trump a perdu, j'ai pas envie que Trump redeviennne président, hope he is not re-elected*.

В одном из комментариев читатель дал полный ответ, какую кандидатуру он поддерживает: *The reason why people are so invested in the election is because they are desperate to find out the outcome. Will Biden win? Or will Trump be reelected? Personally, I think that Trump is not the right fit for this country and that Biden deserves to win* / Причина, по которой люди так заинтересованы в выборах, заключается в том, что они отчаянно хотят узнать их исход. Победит ли Байден? Или Трамп будет переизбран? Лично я считаю, что Трамп не подходит для этой страны и что Байден заслуживает победы. В данном комментарии чувствуется рассудительность: автор вводит тему (*The reason why people are so invested in the election*), поясняя ее (*because they are desperate to find out the outcome*), а потом дает свое мнение (*Personally, I think that...*).

В статье *Un grand débat national pour écouter tous les Français* / Общественные дебаты, чтобы послушать всех французов говорится, что президент Франции решил провести встречи с жителями страны, чтобы выслушать их мнения, ответить на их вопросы, тем самым успокоить бунтующих – «желтые жилеты». В “Background” (Фоне) новостного текста изложены правила предстоящих общественных дебатов: *C'est pourquoi on fixe des règles avant de commencer un débat: chacun doit attendre son tour et laisser les autres s'exprimer; chacun doit respecter l'avis des autres; tout le monde a bien sûr le droit de s'exprimer* / Вот почему мы устанавливаем правила перед началом дебатов: каждый должен дождаться своей очереди и позволить другим высказаться; каждый должен уважать мнение других; каждый, конечно, имеет право на самовыражение [23], на которые была следующая реакция молодого читателя: *Nous aimons les règles du débat. Nous détestons les impôts. Ils sont trop élevés. C'est une bonne idée d'écouter aux gens* / Нам нравятся правила дебатов. Мы ненавидим налоги. Они слишком высоки. Это хорошая идея слушать людей. Следует отметить, что в данном комментарии присутствует информация, про которую не сказано в новостном тексте – высокие налоги, из-за которых начали бунт «желтые жилеты». Следовательно, этот читатель в курсе происходящих событий в стране, он за ними следит.

В статье *Quelle Amérique après la victoire Trump?* / Какая Америка после победы Трампа? в первом “Anecdote” (повествовательном крючке) написано, что у нового президента нет опыта в политической деятельности, а также он настроен против женщин, иностранцев или мусульман: *Ce candidat, qui n'avait aucune expérience politique, a tenu, durant sa campagne, des propos choquants et violents, contre les femmes, les étrangers ou les musulmans* / Этот кандидат, не имевший политического опыта, во время своей предвыборной кампании делал шокирующие и жестокие заявления против женщин, иностранцев или мусульман [24].

В комментариях детей наблюдаются удивление и негативное отношение к Дональду Трампу:

pourquoi il est président Donald Thrump alors qu'il est raciste / почему он президент Дональд Трамп, когда он расист;

pourquoi il est president Donald Trump quand il est raciste et sexciste ? 😊 😊 😊 / почему он президент Дональд Трамп, когда он расист и сексист? 😊 😊 😊;

trump est vraiment raciste il ne connait rien a la politique et ne sert a rien 😊 😊 😊 😊 😊 / Трамп действительно расист, он ничего не знает о политике и ничего не делает 😊 😊 😊 😊 😊;

avec un telle Président (TRUMP) JE PLAIN LES AMERICAINS!!! / с таким президентом (ТРАМПОМ) МНЕ ЖАЛЬ АМЕРИКАНЦЕВ!!!

Свое удивление дети передали при помощи употребления вопросительного слова *pourquoi* (почему), с которого начинались их комментарии, и грустными эмоджиками. В своих комментариях они характеризуют Дональда Трампа как расиста и сексиста (*raciste, sexciste*), который не разбирается в политических делах (*il ne connait rien a la politique*). В одном из комментариев даже выражается большое соболезнование жителям Америки (*JE PLAIN LES AMERICAINS!!!*), которое передано заглавными буквами и тремя восклицательными знаками.

Также двое читателей в своих комментариях упомянули Хиллари Клинтон, про которую говорится только в “Background” (Фоне), что по общественным опросам она должна была стать президентом, а не Дональд Трамп: *Comme la plupart des sondages, qui annonçaient la victoire d'Hillary Clinton contre Donald*

Trump, la rédac aussi s'était trompée / Как и в большинстве опросов, объявивших о победе Хиллари Клинтон над Дональдом Трампом, редакция тоже ошиблась.

Комментарии детей:

pourquoi trump est president alors qu'il est raciste moi je voulais que Hilary gagne / почему Трамп президент, когда он расист. Я хотел, чтобы Хиллари выиграла;

je sais pourquoi Hilary n'a pas été élue et vous ? / Я знаю, почему Хиллари не была выбрана, а вы?

В одном из комментариев к данной статье выражено не просто отношение читателя к Дональду Трампу, но и даны объяснения, почему он так считает: *Je trouve que Trump n'a strictement rien à faire aux USA. Un beau et libre pays comme celui-là va être ruiné par un milliardaire. En plus, les États-Unis abritent énormément de noirs et d'étrangers! Le Mexique dans toute cette affaire se sent cupabilisé à cause de Donald Trump qui n'aime pas les étrangers, les noirs, les musulmans. Il ne pense qu'à l'argent! (en plus... il en a énormément!!!) Maintenant, comme les États-Unis sont très puissants dans le monde entier, le monde entier va mal! / Я считаю, что Трампу абсолютно нечего делать в США. Такая прекрасная и свободная страна, как эта, будет разрушена миллиардером. Кроме того, в Соединенных Штатах проживает огромное количество чернокожих и иностранцев! Мексика во всем этом деле чувствует себя ущемленной из-за Дональда Трампа, который не любит иностранцев, чернокожих, мусульман. Он думает только о деньгах! (кроме того... у него их очень много!!!) Сейчас, поскольку Соединенные Штаты очень сильны во всем мире, всему миру плохо!* В своем комментарии читатель противопоставляет США и Дональда Трампа, говоря о стране как о прекрасном месте, где проживает много иностранцев, в том числе и темнокожих, в то время как Дональд Трамп – это разрушитель данного места, который ненавидит большую часть жителей, так как они не белокожие и приезжие из других стран. А также по мнению читателя, США – могущественная страна, от которой во главе с Дональдом Трампом станет плохо всему миру.

Анализ детских комментариев показывает, что они обладают эмоциональным компонентом, который может выражаться по-разному: одни дети более сдержанно представляют свое негативное отношение к политику, применяя отрицательную форму глагола (*Le Pen n'est pas populaire; je ne voterais pas pour le FN*); другие дети для выражения сильного возмущения применяют лексические единицы с отрицательной коннотацией и эмоционально-оценочные слова (*imbécile, horrible, cauchemar, Scandaliseeeee, barder, ruiné, pauvre*), к которым для усиления эффекта добавляют грустные эмодзи. Для выражения положительных эмоций дети также используют эмодзи, только улыбающиеся, применяют положительную сравнительную и превосходную степени прилагательных (*la meilleure option, plus de, plus heureux*) или лексические единицы с положительным эмоционально-оценочным значением (*C'est incroyable*).

Следует отметить, что некоторые комментарии в силу возрастного фактора содержат незначительные ошибки, которые не затрудняют понимание: неправильно употреблены временные формы глагола (*Si je pouvais voter, je voter...; Si je pourrais, je voudrais*); со строчной буквы написаны имена собственные (*trump is a baby...; trump est vraiment*), чтобы показать свое отрицательное отношение к политическому деятелю, и начало нового предложения также написано со строчной буквы (*votez pour...; do not vote...; moi aussi houlà*); пропущены знаки препинания (*Moi _je...; trump is a baby _ please hope he is not re-elected*). Но в то же время встречаются комментарии, которые состоят из нескольких предложений, взаимосвязанных между собой словами-связками: *En plus / К тому же; Maintenant / Сейчас; comme / так как; car / потому что*. В них представлено не просто мнение по прочитанному новостному тексту, а даны объяснения, пояснения точки зрения. Данное замечание указывает на то, что дети интересуются, следят за происходящими событиями в стране и в мире, а также хотят принимать участие в их обсуждении.

Согласно проведенному анализу детских комментариев (97 штук), оставленных на новостные тексты политической тематики со структурой “Kebab” (Кебаб), можно заключить, что возрастная группа от 8 до 12 лет интересуется политическими новостями, читает их полностью, так как присутствуют комментарии, в которых отражается информация из разных структурных компонентов новостного текста: “Title” (Заголовок), “Lead” (Вводка), первый “Anecdote” (повествовательный крючок), “Background” (Фон), второй “Anecdote” (повествовательный крючок), которые составили в общей сложности 42 комментария. Но большая часть комментариев даны не по структуре или по содержанию новостного текста (55 штук): в них читатели пишут на отвлеченные темы или дают оценку статье. Например, указывают в комментариях, была ли интересна или полезна им статья.

На рисунке 1 видно, что большая часть комментариев приходится на информацию, представленную в “Lead” (Вводке), где кратко сообщается о новостном событии (30 из 97 комментариев). Что касается первого и второго “Anecdotes” (повествовательных крючков), в которых еще раз говорится о новостном событии с небольшими подробностями, то именно на них читатели уже реагируют меньше (6 из

97 комментариев), так же как и на “Title” (Заголовок) и “Background” (Фон), где рассказываются общеизвестные факты; последствия описываемого новостного события; события (из прошлого или недавнего прошлого), взаимосвязанные с новостным (по 3 из 97 комментариев). Это связано с тем, что в процессе восприятия объемного новостного текста, где сначала сообщается о новостном событии, потом еще раз говорится о нем с деталями, после чего даются факты, которые привели к сообщаемому, и в конце еще раз напоминает о новостном событии, которому посвящен весь текст, у молодых читателей не остается никаких вопросов, им становится все ясно. Им только нужно выразить свое мнение по главному новостному событию, которое заявлено в самом начале новостного текста – “Lead” (Вводке).

Рис. 1. Количество комментариев, данных на содержание структурных элементов первичного текста

Таким образом, дети в возрасте от 8 до 12 лет прочитывают полностью новостные тексты со структурой “Kebab” (Кебаб), несмотря на их большой объем, где информация изложена таким образом, чтобы постоянно напоминать молодому читателю о главном новостном событии, которому посвящена статья. Дети в основном активно выражают свое мнение по заявленному новостному событию в “Lead” (Вводке). Хотя встречаются и комментарии, оставленные к “Title” (Заголовку), “Anecdotes” (повествовательным крючкам) и “Background” (Фону). Но в силу своего развития и желания участвовать в обсуждении политических тем чаще всего дети оставляют комментарии, не взаимосвязанные с информацией, изложенной в компонентах новостного текста со структурой “Kebab” (Кебаб). Их комментарии могут быть как сдержанными, так и содержать эмоциональный компонент, который выражается при помощи лексических единиц с отрицательной / положительной коннотацией, эмоционально-оценочных слов и эмотиконов.

Библиографический список

1. Щипицина Л.Ю. Жанровый статус сетевого комментария // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 2. С. 528-532.
2. Кузьмина Н.А. Лирический текст в научной и авторской рефлексии // Функциональная семантика / ред. Е.А. Красина. М.: РУДН, 2011. С. 222-238.
3. Никонова Л. Особенности использования языковых средств оценки в интернет-комментариях на русском и немецком языках // Научно-практические исследования. 2020. № 1-2 (24). С. 75-78.
4. Стеклова Т.И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность // Жанры речи. 2014. № 1-2 (9-10). С. 81-88.
5. Перельгут Н.М., Сухоцкая Е.Б. О структуре понятия «политический дискурс» // Вестник Нижневартского государственного университета. 2013. № 2. С. 35-41.
6. Абдуллина Л.Р., Агеева А.В. Национальная специфика комментария к политической новости в виртуальном франкоязычном дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 2. С. 89-93.
7. Алтухова Т.В. Коммуникация в социальной компьютерной сети «В Контакте»: жанроведческий аспект: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012. 265 с.
8. Асмус Н.Г. Аксиологический потенциал интернет-комментария как отражение социальных ценностей // Российские исследования. 2021. Т. 2. № 2. С. 22-32.

9. Bruce I. Evolving genres in online domains: the hybrid genre of the participatory news article // *Genres on the Web: Text, Speech and Language Technology* / ed. by A. Mehler, S. Sharoff, M. Santini. Frankfurt am Main – Leeds – Stockholm: Springer, 2010. Vol. 42. Pp. 323-348.
10. Голев Н.Д., Мельникова В.С., Юнг Д.А. Понятийно-категориальное описание конфликтной ситуации (на примере Интернет-комментариев на тему вакцинации от коронавируса) // *Юрислингвистика*. 2022. № 25 (36). С. 50-55.
11. Ким Л.Г. Обыденные политические интернет-комментарии: конфликт интерпретаций новостного текста // *Инновации, информационные и коммуникационные технологии: сборник трудов XVII Международной научно-практической конференции, Сочи, 01-10 октября 2020 г. М.: Ассоциация выпускников и сотрудников ВВИА им. проф. Жуковского, 2020. С. 160-164.*
12. Стеклова Т.И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // *Политическая лингвистика*. 2013. № 3 (45). С. 77-81.
13. Анненкова А.В., Таныгина Е.А., Попадинец Р.В. Лингвостилистические особенности современной интернет-коммуникации (на материале сетевых комментариев к статье на общественно-политическую тематику) // *Русский лингвистический бюллетень*. 2022. № 3 (31).
14. Dai Z., Huang R. A joint model for structure-based news genre classification with application to text summarization // *Findings of the Association for Computational Linguistics: ACL-IJCNLP*. 2021. P. 3332-3342.
15. Dai Z., Taneja H., Huang R. Fine-grained structure-based news genre categorization // *Proceedings of the Workshop Events and Stories in the News*. 2018. P. 61-67.
16. Sjøvaag H., Pedersen T.A., Lægreid O.M. Journalism and the political structure: The local media system in Norway // *Nordicom Review* Angeboten von Universitätsbibliothek i Bergen. 2019. Vol. 40. № 2. P. 63-89. DOI: 10.2478/nor-2019-0034
17. Zahid I., Boons F., Zhang H., Batista-Navarro R. Towards the automatic analysis of the structure of news stories // *CEUR Workshop Proceedings*. 2019. Vol. 2342. P. 71-79.
18. Zhang H., Liu H. Visualizing structural “inverted pyramids” in English news discourse across levels // *Text & Talk*. 2016. Vol. 36. № 1. P. 89-110. DOI: 10.1515/text-2016-0005
19. Вдовиченко Е.А., Каменева В.А. Новостной текст политической тематики со структурой “Kebab” (Кебаб) для моно- и двойного адресатов // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2023. № 2. С. 63–77.
20. Les Ukrainiens votent pour l’Europe et pour la paix // *1jour1actu*. 28.10.2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.1jour1actu.com/monde/les-ukrainiens-votent-pour-leurope-et-pour-la-paix-74951> (дата обращения - 20.07.2023)
21. Le deuxième tour de l’élection présidentielle se prepare // *1jour1actu*. 27.04.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.1jour1actu.com/france/le-deuxieme-tour-de-lelection-presidentielle-se-prepare-36888> (дата обращения - 20.07.2023)
22. Pourquoi s’intéresse-t-on autant à l’élection du président américain? // *1jour1actu*. 02.11.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.1jour1actu.com/monde/pourquoi-sinteresse-t-on-autant-a-lelection-du-president-americain> (дата обращения - 20.07.2023)
23. Un grand débat national pour écouter tous les Français // *1jour1actu*. 16.01.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.1jour1actu.com/france/un-grand-debat-national-pour-ecouter-tous-les-francais> (дата обращения - 20.07.2023)
24. Quelle Amérique après la victoire Trump? // *1jour1actu*. 19.11.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.1jour1actu.com/monde/quelle-amerique-apres-la-victoire-trump-37517> (дата обращения - 20.07.2023)

References

1. Shchipitsina L.Yu. Genre status of an online comment // *Bulletin of the Bashkir University*. 2015. Vol. 20. № 2. S. 528-532.
2. Kuzmina N.A. Lyrical text in scientific and author's reflection // *Functional semantics* / ed. by E.A. Krasin. Moscow: RUDN, 2011. Pp. 222-238.
3. Nikonova L. Features of the use of language evaluation tools in Internet comments in Russian and German // *Scientific and Practical Research*. 2020. № 1-2 (24). Pp. 75-78.
4. Steksova T.I. Comment as a speech genre and its variability // *Speech Genres*. 2014. № 1-2 (9-10). Pp. 81-88.
5. Perelgut N.M., Sukhotskaya E.B. On the structure of political discourse // *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. 2013. № 2. Pp. 35-41.
6. Abdullina L.R., Ageeva A.V. The national peculiarities of the commentary to the political news in Francophone virtual discourse // *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*. 2014. № 2. Pp. 89-93.
7. Altukhova T.V. Communication in the social computer network “VKontakte”: genre aspect: thesis ... PhD in Philology. Kemerovo, 2012. 265 p.
8. Asmus N.G. The axiological potential of Internet comments as a reflection of social values // *Journal of Russian Studies*. 2021. Vol. 2. № 2. Pp. 22-32.

9. Bruce I. Evolving genres in online domains: the hybrid genre of the participatory news article // *Genres on the Web: Text, Speech and Language Technology* / ed. by A. Mehler, S. Sharoff, M. Santini. Frankfurt am Main – Leeds – Stockholm: Springer, 2010. Vol. 42. Pp. 323-348.
10. Golev N.D., Melnikova V.S., Jung D.A. Conceptual and categorical description of the conflict situation (case study of Internet comments on vaccination against coronavirus) // *Legal Linguistics*. 2022. № 25 (36). Pp. 50-55.
11. Kim L.G. Ordinary political Internet comments: conflict between interpretations of the news text // *Innovations, information and communication technologies: Proceedings of the XVII International Scientific and Practical Conference, Sochi, October 01-10, 2020*. Moscow: Association of graduates and employees of VVIA them. prof. Zhukovsky, 2020. Pp. 160-164.
12. Steksova T.I. Verbal aggression in Internet comments as manifestation of social tension // *Political Linguistics*. 2013. № 3 (45). Pp. 77-81.
13. Annenkova A.V., Tanygina E.A., Popadinets R.V. Linguostylistic features of modern internet communication (on the material of web comments to the articles on social and political issues) // *Russian Linguistic Bulletin*. 2022. № 3 (31).
14. Dai Z., Huang R. A joint model for structure-based news genre classification with application to text summarization // *Findings of the Association for Computational Linguistics: ACL-IJCNLP*. 2021. Pp. 3332-3342.
15. Dai Z., Taneja H., Huang R. Fine-grained structure-based news genre categorization // *Proceedings of the Workshop Events and Stories in the News*. 2018. Pp. 61-67.
16. Sjøvaag H., Pedersen T.A., Lægreid O.M. Journalism and the political structure: The local media system in Norway // *Nordicom Review* *Angeboten von Universitätsbiblioteket i Bergen*. 2019. Vol. 40. № 2. Pp. 63-89.
17. Zahid I., Boons F., Zhang H., Batista-Navarro R. Towards the automatic analysis of the structure of news stories // *CEUR Workshop Proceedings*. 2019. Vol. 2342. Pp. 71-79.
18. Zhang H., Liu H. Visualizing structural “inverted pyramids” in English news discourse across levels // *Text & Talk*. 2016. Vol. 36. № 1. Pp. 89-110.
19. Vdovichenko E.A., Kameneva V.A. Political news text with the structure “Kebab” aimed at mono and double addressees // *Crede Experto: transport, society, education, language*. 2023. № 2. Pp. 63–77.
20. Ukrainians vote for Europe and for peace // 1jour1actu. 28.10.2014. [Electronic source] URL: <https://www.1jour1actu.com/monde/les-ukrainiens-votent-pour-leurope-et-pour-la-paix-74951> (date of access - 20.07.2023)
21. The second round of the presidential election is preparing // 1jour1actu. 27.04.2017. [Electronic source] URL: <https://www.1jour1actu.com/france/le-deuxieme-tour-de-lelection-presidentielle-se-prepare-36888> (date of access - 20.07.2023)
22. Why are we so interested in the election of the American president? // 1jour1actu. 02.11.2020. [Electronic source] URL: <https://www.1jour1actu.com/monde/pourquoi-sinteresse-t-on-autant-a-lelection-du-president-americain> (date of access - 20.07.2023)
23. A great national debate to listen to all the French // 1jour1actu. [Electronic source] 16.01.2019. URL : <https://www.1jour1actu.com/france/un-grand-debat-national-pour-ecouter-tous-les-francais> (date of access - 20.07.2023)
24. What America after the Trump victory? // 1jour1actu. 19.11.2016. [Electronic source] URL: <https://www.1jour1actu.com/monde/quelle-amerique-apres-la-victoire-trump-37517> (date of access - 20.07.2023)

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ **EVENTS AND REVIEWS**

УДК 81'282.2

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.68.16.019

*Воронежский государственный
технический университет
канд. филол. наук, доцент кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации
Недоступова Л.В.
Россия, Воронеж, тел. 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and Intercultural
communication
PhD, associate professor
Nedostupova L.V.
Russia, Voronezh, tel. 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

Л.В. Недоступова

ВКЛАД А.Д. ЧЕРЕНКОВОЙ В ИЗУЧЕНИЕ ГОВОРОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

L.V. Nedostupova

CONTRIBUTION OF A.D. CHERENKOVA IN THE STUDY OF THE DIALECTS OF THE VORONEZH REGION

Обратим внимание на то, что «народные говоры не одно десятилетие возбуждают интерес к изучению у многих учёных. Особую увлечённость демонстрируют диалектологи: внимание сосредоточивается на исследовании разных уровней языка жителей сельских поселений. Воронежские говоры не стали исключением» [1; с. 16].

Одновременно уточним, что «история изучения воронежских диалектов уходит в XIX век, тем самым насчитывает около 170 лет» [1; с. 17].

Целью настоящего изыскания является определение роли и вклада лингвиста А.Д. Черенковой в изучение воронежских говоров.

Предметом статьи стали многолетние исследования по описанию территориальных особенностей речи жителей Воронежской области.

Объектом работы выступает научная деятельность диалектолога.

В период с середины XX века по настоящее время деятельность исследователей, описывающих говоры нашей области, представлена многочисленными монографическими работами, статьями, очерками и др. научными сочинениями. Наиболее знаковые из них – это труды З.В. Жуковской [2], И.С. Торопцева [3], Ю.Т. Листровой-Правды [4], В.В. Титовской [5], В.Н. Кретовой [6], Н.К. Соколовой [7], А.И. Чижик-Полейко [8], Р.В. Херольянц [9], Г.Т. Солонской [10], Е.Н. Шестаковой [11], В.И. Собинниковой [12], Т.Е. Ворониной [13], З.Д. Поповой [14], В.И. Хитровой [15], И.К. Зайцевой [16], Л.К. Лыжовой [17], М.С. Овсянникова [18], Е.Ф. Акаткиной [19], В.И. Дьяковой и В.И. Хитровой [20], М.Т. Авдеевой [21], М.Я. Запрягаевой [22], О.В. Загоровской [23], Н.И. Кривовой [24], В.Ф. Филатовой [25], Т.В. Аржаных [26], Г.Ф. Свиридовой [27], О.В. Смирновой [28], М.В. Пановой [29], Т.В. Толбиной [30], Т.В. Карасёвой [31], Е.И. Сьяновой [32], Л.Н. Верховых [33], Т.А. Литвиновой [34], Е.П. Куйдиной [35], Л.В. Недоступовой [36], О.А. Слюсаревой [37], Е.А. Богдановой [38], С.С. Токаревой [39], В.Н. Кретовой [40] и др.

Отдельно необходимо сказать о многолетней кропотливой работе по созданию словарей воронежских и украинских говоров коллектива учёных с идейными вдохновителями – профессором Г.Ф. Ковалёвым [41] и М.Т. Авдеевой [42].

В настоящей статье «следует особо подчеркнуть роль Черенковой Анны Дмитриевны, являющейся известным диалектологом Воронежской области. Под руководством лингвиста обследованы сотни населённых пунктов» [43; с. 10] в течение более полувека.

Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук даёт представление о «Выра-

жении делиберативных отношений в современном русском языке» [44].

Диалектологом описана история изучения говоров Воронежской области [45], обозначены основные задачи в изучении говоров [46], охарактеризовано многообразие диалектов края Воронежского [47], диалектные тексты представлены источником изучения истории, национального языка и культуры народа [48], описаны воронежские цуканы [49], устаревшая лексика в русских народных говорах [50], этнонимическая терминология на территории Воронежской области [51], два рода – два склонения в русских диалектах [52] и мн. др.

Научные изыскания А.Д. Черенковой посвящены следующим аспектам изучения говоров Воронежской области: именительному падежу множественного числа имён существительных [53], сочетанию глаголов речи с предложно-падежными формами зависимых слов в некоторых говорах восточной группы южнорусского наречия [54], архаическим падежным и предложно-падежным формам [55], типологии говоров Панинского района [56], говору Коротояка Острогожского района [57], говору села I-е Криушанские Выселки Панинского района [58], говору села Девица Острогожского района [59], талагайским говорам [60], цуканским говорам [61], сельскому ономастикону [62], говорам курско-орловского типа [63], говору села Александровки – I Панинского района [64], лексике говора села Краснолипыя Репьёвского района [65], переходным украинско-русским говорам [66], говору села Карамышево Каширского района [67], фонетическим и морфологическим особенностям речи воронежского хохла [68; 69], говору села Красное Новохопёрского района [70], множественному числу и третьему склонению имён существительных в талагайских говорах курско-орловского типа [71; 72], говору села Данково Каширского района [73], новой диалектной лексике для названия нового сорта картофеля [74], говору с. Шукавка Верхнехавского района [75] и мн. др. Статьи представлены на областных, Всероссийских и Международных конференциях и совещаниях» [1; с. 19].

На многочисленные споры и вопросы о судьбе народных говоров в их современном состоянии А.Д. Черенкова ответила в работе «Исчезают ли диалекты?» [76].

Кроме того, языковед описала вклад известных лингвистов: Р.В. Херольянц, В.И. Дьяковой, В.И. Хитровой, Л.К. Лыжовой, А.И. Чижик-Полейко в изучение воронежских говоров [77; 78; 79; 80].

Нужно указать, что на протяжении многих лет Анна Дмитриевна Черенкова являлась руководителем Центра региональных лингвистических исследований ВГПУ. За десятилетия плодотворных экспедиций (в рамках проведения диалектологических практик) «собрана ценнейшая информация в виде аудио и видеозаписей, транскрибированных текстов, картотека и мн. др. Благодаря особому трудолюбию принимала самое активное участие в работе по «Программе собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров», разработанной РАН, составила 6 карт для I тома «Лексического атласа...» по теме «Природа» в выпуск «Растительный мир»: № 14, № 15, № 16, № 121, № 122, 123 [33, 34]» [43; с. 10].

При этом необходимо подчеркнуть, что с 2013 года под руководством А.Д. Черенковой стал выпускаться «Диалектологический альманах». В сборнике материалов и исследований нашли отражение научные сочинения по актуальным проблемам русской диалектологии учёных разных регионов нашей страны, в том числе «экспедиционные заметки: воспоминания, впечатления, интересные события, дневники, диалектные тексты, диалектные словари, рецензии, опыт работы лаборатории региональной лингвистики и др.» [81; с. 2].

На сайте Воронежского государственного педагогического университета в информации о доценте кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Анне Дмитриевне Черенковой отмечается: «Область научных интересов – изъяснительные синтаксические конструкции в современном русском языке, историко-сопоставительные исследования славянских языков, исторический комментарий к современному русскому языку, изучение говоров Воронежской области, участие в академическом проекте "Лексический атлас русских народных говоров"» [82; URL]. Представленный перечень лингвистических увлечений за долгие годы плодотворной работы нашёл отражение в большом количестве статей, учебных пособий, рецензий, комментариев и мн.др. Научные изыскания освещают, в том числе, динамичные процессы в современных говорах.

В заключение подчеркнём, что «Воронежская диалектологическая школа, представители которой положили начало диалектологическим исследованиям в других регионах, причём не только Черноземья: Л.К. Лыжова, Е.Н. Шестакова, В. Н. Кретьева, А.Д. Черенкова (ВГПИ), И.С. Торопцев – в Орле, Н.Д. Жихарева, Г.Л. Щеулина – в Липецке, С.Г. Пискунова – в Тамбове, Н. Силкина – в Курске, О.М. Трахтенберг – в Стерлитамаке, В.И. Хитрова – в Москве, С.М. Белякова – в Тюмени, Т.В. Краснова, И.М. Курносова – в Ельце» [83; с. 38], является одним из научных исследовательских центров.

К сожалению, масштаб проводимых диалектологических исследований в настоящее время заметно меньше того, что был осуществлён в XX веке. И на этом фоне исследовательская активность А.Д. Черенковой имеет колоссальное значение. Её ценность для региональной лингвистики неоспорима.

Таким образом, в настоящее время деятельность Воронежской диалектологической школы – это, прежде всего, плодотворная работа А.Д. Черенковой и её коллег по цеху, Центра региональных лингвистических исследований ВГПУ, а также выпускников, студентов, магистрантов и аспирантов, увлечённых изучением территориальных особенностей речи сельских жителей.

Считаем, что профессиональное мастерство Анны Дмитриевны Черенковой – это пример любви к живому слову, миру уникальных народных говоров и служения науке диалектологии. Вклад её, безусловно, огромен.

Библиографический список

1. Недоступова Л.В. Вклад лингвистов Воронежской диалектологической школы в изучение народных говоров в XX веке // *RUSISTIKA BEZ GRANICI*. Sofia, 2022. Volume VI. Issue 4. S.15-24.
2. Жуковская З.В. Говоры западной части Воронежской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1954. 16 с.
3. Торопцев И.С. Суффиксальное словопроизводство имен существительных в говоре села Коршева Бобровского района Воронежской области: автореф. дис. канд. филол. наук. – Воронеж, 1954. 19 с.
4. Листрова-Правда Ю.Т. Говор села Отскочного Дмитриевского района // *Учёные записки Кишинёвского пед. ин-та*. Т. IV. Кишинёв, 1955.
5. Титовская В.В. Формы глаголов в говорах юго-западной части Воронежской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1955. 18 с.
6. Кретьева В.Н. О сельскохозяйственной лексике воронежских диалектов // *Материалы по изучению южно-русских говоров и памятников письменности*. Воронеж, 1959. С. 33-36.
7. Соколова Н.К. Лексико-фразеологическая характеристика некоторых говоров Воронежской области // *Материалы по русско-славянскому языкознанию*. Вып. 5. Воронеж, 1963. С. 84-93.
8. Чижик-Полейко А.И. Говор села Николаевки Грибановского района Воронежской области // *Южнорусские говоры и памятники письменности*. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1964. С. 66-76.
9. Херольянц Р.В. Лексико-семантическая характеристика говора сел Каширского, Коломенского, Московского, Новоусманского района Воронежской области: автореф. дис. канд. филол. наук. Воронеж, 1966. 22 с.
10. Солонская Г.Т. Украинские говоры Воронежской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 1967. 26 с.
11. Шестакова Е.Н. Устойчивые словосочетания в говорах Воронежской области (на материале говоров Аннинского района): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1967. 351 с.
12. Собинникова В.И. Проблемы диалектного и исторического синтаксиса: (На материале воронежских говоров и памятников письменности): Доклад по выполн. и опубл. работам, представл. к защите на соискание учен. степени д-ра филол. наук. Москва: Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1969. 49 с.
13. Воронина Т.Е. Сельскохозяйственная лексика украинских говоров Воронежской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1970. 16 с.
14. Попова З.Д. Словообразовательные варианты в говорах (к постановке вопроса) // *Труды Прибалтийской диалектологической конференции (1968 г.)*: Сб. науч. тр. Тарту: Изд-во Тартус. Гос. Ун-та, 1970. С. 281-290.
15. Хитрова В.И. Местная лексика в языке воронежских рукописных памятников XVII - первой четверти XVIII века: автореф. дис. канд. филол. наук. Воронеж, 1972. 28 с.
16. Зайцева И.К. Лексика, характеризующая человека по личным чертам, в воронежских говорах // *Совещание по Общеславянскому лингвистическому атласу (Ужгород, сентябрь 1973)*. М., 1973. С. 252-254.
17. Лыжова Л.К. Лексическая синонимия в диалекте: на материале говора с. Хренового Новоусманского района Воронежской области: автореф. дис. канд. филол. наук. Воронеж, 1973. 21 с.
18. Овсянников М.С. Влияние русского языка на вокализм украинских говоров: автореф. дис. канд. филол. наук. Воронеж, 1977. 22 с.
19. Акаткина Е.Ф. Обозначение пути движения беспредложными и предложно-падежными формами в украинских говорах Воронежской области // *Материалы по русско-славянскому языкознанию*. Воронеж, 1983. С. 3-6.
20. Дьякова В.И., Хитрова В.И. Ареальная характеристика географической лексики современных воронежских говоров // *Совещание по вопросам диалектологии и истории языка (Ужгород)*. М., 1984.
21. Авдеева М.Т. О состоянии украинских говоров Воронежской области // *Тезисы докладов и сообщений Первой областной научно-практической конференции по теме: «Воронежское краеведение: опыт, перспективы развития»*. Воронеж, 1989. С. 68-70.
22. Запругаева М.Я. Диалектная лексика с полногласием и неполногласием (К вопросу о русско-украинских контактах на территории Воронежской области) // *Тезисы докладов и сообщений Первой областной научно-практической конференции*. Воронеж, 1989. С. 73-76.

23. Загоровская О.В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии. М.: Институт русского языка АН СССР, 1990. 300 с.
24. Кривова Н.И. Структура и функционирование экспрессивно-оценочных существительных суффиксально-го образования в говорах Восточной группы южнорусского наречия: автореф. дис. канд. филол. наук. Воронеж, 1991. 38 с.
25. Филатова В.Ф. Обряд и обрядовая лексика в этнолингвистическом аспекте (на материале говоров восточной части Воронежской области): автореф. дис. канд. филол. наук. Воронеж, 1995. 22 с.
26. Аржаных Т.В. Прозвищные именованья жителей с. Солатское Острогожского района Воронежской области // Край Воронежский. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1998. Вып. 2. С. 3-7.
27. Свиридова Г.Ф. Социально-стилистическая дифференциация лексики современного народного говора: на материале говора села Александровка Хохольского района Воронежской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001. 24 с.
28. Смирнова О.В. Лексика растительного мира в говорах Воронежской области: Номинативный и лингво-географический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2002. 470 с.
29. Смирнова О.В. Лексика растительного мира в говорах Воронежской области: Номинативный и лингво-географический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2002. 470 с.
30. Толбина Т.В. Микротопонимия Воронежской области: Особенности номинации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 20 с.
31. Карасёва Т.В. Названия пищи в воронежских говорах (этнолингвистический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 24 с.
32. Сянова Е.И. Ономастический код в ментальном пространстве диалектоносителей: на материале говоров Воронежского Прихоперья: автореф. Санкт-Петербург, 2007. 23 с.
33. Верховых Л.Н. Антропонимическое пространство сёл Абрамовка Таловского района и Красное Новохопёрского района Воронежской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 20 с.
34. Литвинова Т.А. Номинации человека как отражение языковой картины мира: на материале воронежских говоров: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. 24 с.
35. Куйдина Е.П. Ихтиологическая лексика воронежских говоров: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012. 23 с.
36. Недоступова Л.В. Природа и человек в лексике говора посёлка городского типа Таловая Таловского района Воронежской области: автореф. дис. канд. филол. наук. Воронеж, 2013. 24 с.
37. Слюсарева О.А. Монографическое описание говора как метод диалектологического исследования // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. Воронеж, 2015. № 3. С. 42-44.
38. Богданова Е.А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах: этнолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2019. 23 с.
39. Токарева С.С. Склонение имён существительных в русских диалектах (на материале говоров Воронежской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2022. 23 с.
40. Кротова В.Н. Лексическая синонимия диалектного языка в сравнении с литературным: монография. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2022. 128 с.
41. Словарь воронежских говоров / науч. ред. Г.Ф. Ковалев. Вып. 1. А – Вячать. Воронеж: ВГУ, 2004. 304 с.; Вып. 2. Га – Жучок. Воронеж, 2007. 307 с.; Вып. 3. З – Й. Воронеж, 2019. 503 с.
42. Словарь украинских говоров Воронежской области: [в 2 т.] / М.Т. Авдеева. Воронеж: ВГУ, 2008-.
43. Недоступова Л.В. Изучение народных говоров учёными Воронежской диалектологической школы в XXI веке // *RUSISTIKA BEZ GRANICI*. Sofia, 2023. Volume VII. Issue 1. S.8-19.
44. Черенкова А.Д. Выражение делиберативных отношений в современном русском языке: диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 1980. 250 с.
45. Черенкова А.Д. История изучения говоров Воронежской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014 / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 656-663.
46. Черенкова А.Д. Основные задачи изучения говоров Воронежской области // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Ч. 1. Воронеж: ВГПУ, 2007. С. 276-281.
47. Черенкова А.Д. Диалектное многообразие Воронежской области // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Воронеж: ВГПУ, 2019. С. 176-184.
48. Черенкова А.Д. Воронежские диалектные тексты как источник для изучения русского национального языка, истории и культуры народа. Опыт презентации // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Воронеж: ИПЦ ВГПУ, 2009. С. 250-254.
49. Черенкова А.Д. Воронежские цуканы // Тезисы докладов Международной конференции «Актуальные проблемы русской диалектологии». М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2012. С. 160-162.
50. Черенкова А.Д. Устаревшая лексика в русских народных говорах (на материале говоров Воронежской области) // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Воронеж: ВГПУ, 2013. 356 с. С. 166-173.

51. Черенкова А.Д. К вопросу об этнонимической терминологии и реализации её на территории Воронежской области // Воронежское краеведение: традиции и современность. Воронеж: ВГПУ, 2013. С. 274-279.
52. Черенкова А.Д. Русские диалекты: два рода – два склонения // Грамматические учения в XXI веке: традиции и перспективы. XXXIII Распоповские чтения. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2015. С. 176-182.
53. Черенкова А.Д. Именительный падеж мн. числа имён существительных в говорах Воронежской области // Сборник научн. студенч. работ. Вып. I. Воронеж. Изд-во ВГУ, 1968.
54. Черенкова А.Д. Сочетания глаголов речи с предложно-падежными формами зависимых слов в некоторых говорах восточной группы южнорусского наречия // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, Изд-во ВГУ. 1981.
55. Черенкова А.Д. Архаические падежные и предложно-падежные формы в говорах Воронежской области // Тезисы докладов и сообщений I областной научно-практической конференции «Воронежское краеведение: опыт, перспективы развития». Воронеж, 1989. С. 79-82.
56. Черенкова А.Д. К типологии говоров Панинского района Воронежской области // Центральнорусская деревня: история и современность. М.: Типография Росс. академии сельскохозяйств. наук, 1992. С. 97-99.
57. Черенкова А.Д. Говор Коротояка Острогожского района Воронежской области // Острогожский край: прошлое и настоящее. Вып. II. Воронеж, 1997. С. 25-31.
58. Черенкова А.Д. Говор с. I-е Криушанские Выселки Панинского р-на Воронежской области // Сельская Россия: прошлое и настоящее. М., 1999. С. 166-168.
59. Черенкова А.Д. Говор села Девица Острогожского района Воронежской области // Край воронежский. Вып. 3. Воронеж, 1999. С. 169-174.
60. Черенкова А.Д. Талагайские говоры Воронежской области / А.Д. Черенкова // XXVII научная конференция на XXXIII международном семинаре за македонски јазик, литература и култура. Т. I. Скопје, 2001.
61. Черенкова А.Д. Цуканские говоры Воронежской области (этнолингвистическое описание) // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Ч. I. Воронеж: ВГПУ, 2003. С. 144-153.
62. Черенкова А.Д. Сельский ономастикон как материал для разработки типологии говоров Воронежской области // Известия Научно-координационного центра по профилю «Филология» (ВГПУ – ВОИПКО). Вып. II. Воронеж, 2004. С. 221-224.
63. Черенкова А.Д. Говоры Воронежской области курско-орловского типа // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Ч. III. Воронеж: ВГПУ, 2005. С. 150-158.
64. Черенкова А.Д. Говор с. Александровки –1 Панинского района Воронежской области // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников. Ч. 1. Воронеж 2006. С. 203-206.
65. Черенкова, А.Д. Лексика говора с. Краснолипы Репёвского района Воронежской области // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования – 2005. СПб.: «Наука», 2006. С. 179-189.
66. Черенкова А.Д. Переходные украинско-русские говоры на территории Воронежской области // Слобожанська бесіда: матеріали міжнародної науково-практичної конференції. Луганськ, 2009. С. 145-154.
67. Черенкова А.Д. Говор с. Карамышево Каширского р-на Воронежской области // Воронежское лингвокраеведение. Воронеж: Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2011. Вып. 2. С. 316-324.
68. Черенкова А.Д. Фонетические особенности русской речи воронежского хохла // Диалектологический альманах. Вып. II. Воронеж: ВГПУ, 2015. С. 66-71.
69. Черенкова А.Д. Морфологические особенности русской речи воронежского хохла // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Воронеж: ВГПУ, 2015. С. 70-75.
70. Черенкова А.Д. Село Красное Новохопёрского района Воронежской области: диалектный текст // Диалектологический альманах. Вып. II. Воронеж: ВГПУ, 2015. С. 105-115.
71. Черенкова А.Д. Множественное число имён существительных в талагайских говорах курско-орловского типа на территории Воронежской области // Актуальные проблемы русской диалектологии. Москва, 2018. С. 267-269.
72. Черенкова А.Д. Третье склонение имён существительных в талагайском говоре курско-орловского типа (на материале говоров Воронежской области) // Диалектологический альманах: сборник материалов и исследований. Вып. III. Воронеж: ВГПУ, 2019. С. 76-84.
73. Черенкова А.Д., Токарева С.С. Село Данково Каширского района Воронежской области // Диалектологический альманах. Вып. III. Воронеж: ВГПУ, 2019. С. 119-131.
74. Черенкова А.Д. Кофта-юбка, иван-да-марья, рябушка, фестивальная... Сколько их? (Новая диалектная лексика для названия нового сорта картофеля) // Русская речь. Вып. 3. М., 2019. С. 42-49.
75. Черенкова А.Д. Фонетические процессы в говоре села Шукавки Верхнехавского района Воронежской области // Диалектологический альманах: сборник материалов и исследований. Том Выпуск IV. Воронеж: ВГПУ, 2022. С. 151-163.
76. Черенкова А.Д. Исчезают ли диалекты? // Воронежское краеведение: традиции и современность. Воронеж, 2014. С. 232-235.
77. Черенкова А.Д. Вклад в изучение говоров Воронежской области Р.В. Херольянц (Кудиновой) // Воронежское краеведение: традиции и современность. Воронеж: АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2016. С. 225-226.

78. Черенкова А.Д. Вклад В.И. Дьяковой и В.И. Хитровой в изучение говоров Воронежской области // *Славянский вестник: история и перспективы*. Воронеж: Кварта, 2016. С. 123-126.
79. Черенкова А.Д. Вклад в изучение говоров Воронежской области Л.К. Лыжовой // *Воронежское краеведение: традиции и современность*. Воронеж: АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2017. С. 231-233.
80. Черенкова А.Д. Вклад в изучение говоров Воронежской области А.И. Чижик-Полейко // *Воронежское краеведение: традиции и современность*. Воронеж, 2018. С. 284-286.
81. Диалектологический альманах: сборник материалов и исследований. Выпуск IV / [науч. ред. А.Д. Черенкова]. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2022. 164 с.
82. Кафедра теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы ВГПУ [Электронный ресурс]. URL: http://www.vspu.ac.ru/univer/rus_lit_history.html#people (дата обращения 01.07.2023).
83. Дьякова В.И., Панова М.В. Из истории диалектологических исследований в Воронежском университете // *Филологические записки: вестник литературоведения и языкознания*. Вып. 33. Ч. 1. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. С. 33-43.

References

1. Nedostupova L.V. The contribution of linguists of the Voronezh dialectological school to the study of folk dialects in the XX century // *RUSISTIKA BEZ GRANICI*. Sofia, 2022. Volume VI. Issue 4. S.15-24.
2. Zhukovskaya Z.V. Dialects of the western part of the Voronezh region: author. dis. ... cand. philol. Sciences. Moscow, 1954. 16 p.
3. Toroptsev I.S. Suffixal word production of nouns in the dialect of the village of Korsheva, Bobrovsky district, Voronezh region: author. dis. cand. philol. Sciences. - Voronezh, 1954. 19 p.
4. Listrova-Pravda Yu.T. The dialect of the village of Otskochnogo, Dmitryashevsky district) // *Scientific notes of the Chisinau ped. in-ta*. T. IV. Chisinau, 1955.
5. Titovskaya V.V. Forms of verbs in the dialects of the southwestern part of the Voronezh region: author. dis. ... cand. philol. Sciences. Voronezh, 1955. 18 p.
6. Kretova V.N. On the agricultural vocabulary of the Voronezh dialects // *Materials for the study of South Russian dialects and written monuments*. Voronezh, 1959. S. 33-36.
7. Sokolova N.K. Lexico-phraseological characteristics of some dialects of the Voronezh region // *Materials on Russian-Slavic linguistics*. Issue. 5. Voronezh, 1963. S. 84-93.
8. Chizhik-Poleiko A.I. The dialect of the village of Nikolaevka, Gribanovsky district, Voronezh region // *South Russian dialects and written monuments*. Voronezh: Publishing house of VGU, 1964. S. 66-76.
9. Herolyants R.V. Lexico-semantic characteristics of the dialect of the villages of Kashirsky, Kolomensky, Moskovsky, Novousmansk district of the Voronezh region: author. dis. cand. philol. Sciences. Voronezh, 1966. 22 p.
10. Solonskaya G.T. Ukrainian dialects of the Voronezh region: author. dis. ... cand. philol. Sciences. Kharkov, 1967. 26 p.
11. Shestakova E.N. Set phrases in the dialects of the Voronezh region (based on the dialects of the Anninsky district): dis. ... cand. philol. Sciences. Voronezh, 1967. 351 p.
12. Sobinnikova V.I. Problems of Dialect and Historical Syntax: (Based on Voronezh Dialects and Written Languages): Report on Completion. and publ. work, show to the defense of the academic. degree of Dr. Philol. Sciences. Moscow: Mosk. state ped. in-t im. V. I. Lenin, 1969. 49 p.
13. Voronina T.E. Agricultural vocabulary of Ukrainian dialects of the Voronezh region: author. dis. ... cand. philol. Sciences. Voronezh, 1970. 16 p.
14. Popova Z.D. Word-formation variants in dialects (to the formulation of the question) // *Proceedings of the Baltic Dialectological Conference (1968): Sat. scientific tr.* Tartu: Tartus Publishing House. State. Univ., 1970. S. 281-290.
15. Khitrova V.I. Local vocabulary in the language of the Voronezh handwritten monuments of the 17th - first quarter of the 18th century: author. dis. cand. philol. Sciences. Voronezh, 1972. 28 p.
16. Zaitseva I.K. Vocabulary characterizing a person by personal traits in Voronezh dialects // *Meeting on the All-Slavic Linguistic Atlas (Uzhgorod, September 1973)*. M., 1973. S. 252-254.
17. Lyzhova L.K. Lexical synonymy in the dialect: on the material of the dialect p. Khrenovy Novousmansk district of the Voronezh region: author. dis. cand. philol. Sciences. Voronezh, 1973. 21 p.
18. Ovsyannikov M.S. The influence of the Russian language on the vocalism of Ukrainian dialects: author. dis. cand. philol. Sciences. Voronezh, 1977. 22 p.
19. Akatkina E.F. Designation of the way of movement by non-prepositional and prepositional-case forms in Ukrainian dialects of the Voronezh region // *Materials on Russian-Slavic linguistics*. Voronezh, 1983. S. 3-6.
20. Dyakova V.I., Khitrova V.I. Areal characteristics of the geographical vocabulary of modern Voronezh dialects // *Conference on Dialectology and Language History (Uzhgorod)*. M., 1984.
21. Avdeeva M.T. On the state of Ukrainian dialects in the Voronezh region // *Abstracts of reports and messages of the First regional scientific and practical conference on the topic: "Voronezh local history: experience, development prospects."* Voronezh, 1989. S. 68-70.

22. Zapryagaeva M.Ya. Dialect vocabulary with full and non-full agreement (On the issue of Russian-Ukrainian contacts on the territory of the Voronezh region) // Abstracts of reports and messages of the First Regional Scientific and Practical Conference. Voronezh, 1989. S. 73-76.
23. Zagorovskaya O.V. Semantics of the dialect word and problems of dialect lexicography. M.: Institute of the Russian Language of the Academy of Sciences of the USSR, 1990. 300 p.
24. Krivova N.I. The structure and functioning of expressive-evaluative nouns of suffix formation in the dialects of the Eastern group of the South Russian dialect: author. dis. cand. philol. Sciences. Voronezh, 1991. 38 p.
25. Filatova V.F. Rite and ritual vocabulary in the ethno-linguo-semiotic aspect (based on the dialects of the eastern part of the Voronezh region): author. dis. cand. philol. Sciences. Voronezh, 1995. 22 p.
26. Arzhanykh T.V. Nicknames of the inhabitants of the village. Solatskoye, Ostrogozhsky district, Voronezh region // Voronezh region. Voronezh: Voronezh Publishing House. state un-ta, 1998. Issue. 2. S. 3-7.
27. Sviridova G.F. Socio-stylistic differentiation of the vocabulary of the modern folk dialect: on the material of the dialect of the village of Aleksandrovka, Khokholsky district, Voronezh region: author. dis. ... cand. philol. Sciences. Voronezh, 2001. 24 p.
28. Smirnova O.V. Vocabulary of the plant world in the dialects of the Voronezh region: Nominative and whether ngvogeographical aspects: dis. ... cand. philol. Sciences. Moscow, 2002. 470 p.
29. Smirnova O.V. Vocabulary of the plant world in the dialects of the Voronezh region: Nominative and linguogeographical aspects: dis. ... cand. philol. Sciences. Moscow, 2002. 470 p.
30. Tolbina T.V. Microtoponymy of the Voronezh region: Features of the nomination: author. dis. ... cand. philol. Sciences. Voronezh, 2003. 20 p.
31. Karaseva T.V. Names of food in Voronezh dialects (ethnolinguistic aspect): Author. dis. ... cand. philol. Sciences. Voronezh, 2004. 24 p.
32. Syanova E.I. Onomastic code in the mental space of dialect carriers: based on the dialects of the Voronezh Khoper region: author. St. Petersburg, 2007. 23 p.
33. Verkhovyykh L.N. Anthroponymic space of the villages of Abramovka, Talovsky district and Krasnoe, Novokhoporsky district, Voronezh region: author. dis. ... cand. philol. Sciences. Voronezh, 2008. 20 p.
34. Litvinova T.A. Nominations of a person as a reflection of the linguistic picture of the world: on the material of Voronezh dialects: author. dis. ... cand. philol. Sciences. Voronezh, 2011. 24 p.
35. Kuydina E.P. Ichthyological vocabulary of Voronezh dialects: author. dis. ... cand. philol. Sciences. Voronezh, 2012. 23 p.
36. Nedostupova L.V. Nature and man in the vocabulary of the dialect of the urban-type settlement Talovaya, Talovsky district, Voronezh region: author. dis. cand. philol. Sciences. Voronezh, 2013. 24 p.
37. Slyusareva O.A. Monographic description of the dialect as a method of dialectological research // Bulletin of the Voronezh State University. Ser. Philology. Journalism. Voronezh, 2015. No. 3. S. 42-44.
38. Bogdanova E.A. Vocabulary of the wedding ceremony in Voronezh dialects: ethno-linguistic aspect: author. dis. ... cand. philol. Sciences. Voronezh, 2019. 23 p.
39. Tokareva S.S. Declension of nouns in Russian dialects (based on the dialects of the Voronezh region): Author. dis. ... cand. philol. Sciences. Voronezh, 2022. 23 p.
40. Kretova V.N. Lexical synonymy of the dialect language in comparison with the literary language: monograph. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 2022. 128 p.
41. Dictionary of Voronezh dialects / scientific. ed. G.F. Kovalev. Issue. 1. A - Vyachat. Voronezh: VGU, 2004. 304 p.; Issue. 2. Ha - Bug. Voronezh, 2007. 307 p.; Issue. 3. Z - Y. Voronezh, 2019. 503 p.
42. Dictionary of Ukrainian dialects of the Voronezh region: [in 2 volumes] / M.T. Avdeeva. Voronezh: VSU, 2008-.
43. Nedostupova L.V. The study of folk dialects by scientists of the Voronezh dialectological school in the XXI century // RUSISTIKA BEZ GRANICI. Sofia, 2023. Volume VII. Issue 1. S.8-19.
44. Cherenkova A.D. Expression of deliberative relations in modern Russian: dissertation ... cand. philol. Sciences: 10.02.01. Voronezh, 1980. 250 p.
45. Cherenkova A.D. The history of the study of dialects of the Voronezh region // Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2014 / Institute of Linguistics. research St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. S. 656-663.
46. Cherenkova A.D. The main tasks of studying the dialects of the Voronezh region // Problems of studying the living Russian word at the turn of the millennium. Part 1. Voronezh: VGPU, 2007. S. 276-281.
47. Cherenkova A.D. Dialect diversity of the Voronezh region // Problems of studying the living Russian word at the turn of the millennium. Voronezh: VSPU, 2019, pp. 176-184.
48. Cherenkova A.D. Voronezh dialect texts as a source for the study of the Russian national language, history and culture of the people. Presentation experience // Problems of studying the living Russian word at the turn of the millennium. Voronezh: IPTs VSPU, 2009. S. 250-254.
49. Cherenkova A.D. Voronezh tsukany // Abstracts of the International Conference "Actual Problems of Russian Dialectology". M.: Institute of the Russian Language. V.V. Vinogradova RAN, 2012. S. 160-162.
50. Cherenkova A.D. Obsolete vocabulary in Russian folk dialects (based on the dialects of the Voronezh region) // Problems of studying the living Russian word at the turn of the millennium. Voronezh: VGPU, 2013. 356 p. pp. 166-173.

51. Cherenkova A.D. To the question of ethnonymic terminology and its implementation on the territory of the Voronezh region // Voronezh local history: traditions and modernity. Voronezh: VSPU, 2013. S. 274-279.
52. Cherenkova A.D. Russian dialects: two genders - two declensions // Grammar teachings in the 21st century: traditions and perspectives. XXXIII Raspopov Readings. Voronezh: SCIENCE-UNIPRESS, 2015. P. 176-182.
53. Cherenkova A.D. Nominative case pl. the number of nouns in the dialects of the Voronezh region // Collection of scientific. student works. Issue I. Voronezh. Publishing house of VSU, 1968.
54. Cherenkova A.D. Combinations of verbs of speech with prepositional-case forms of dependent words in some dialects of the eastern group of the South Russian dialect // Materials on Russian-Slavic Linguistics. Voronezh, VSU Publishing House. 1981.
55. Cherenkova A.D. Archaic case and prepositional case forms in the dialects of the Voronezh region // Abstracts of reports and messages of the I regional scientific and practical conference "Voronezh local history: experience, development prospects". Voronezh, 1989. S. 79-82.
56. Cherenkova A.D. To the typology of dialects of the Paninsky district of the Voronezh region // Central Chernozemnaya Dere vnya: history and modernity. Moscow: Typography Ross. academy of agriculture Sciences, 1992. S. 97-99.
57. Cherenkova A.D. Dialect of Korotoyak, Ostrogozhsky district, Voronezh region // Ostrogozhsky region: past and present. Issue. II. Voronezh, 1997. S. 25-31.
58. Cherenkova A.D. Talk with. I-e Kriushanskies Vyselki of the Paninsky district of the Voronezh region // Rural Russia: past and present. M., 1999. S. 166-168.
59. Cherenkova A.D. The dialect of the village of Devitsa, Ostrogozhsky district, Voronezh region // Voronezh region. Issue. 3. Voronezh, 1999. S. 169-174.
60. Cherenkova A.D. Talagay dialects of the Voronezh region / A.D. Cherenkova // XXVII Scientific Conference at the XXXIII International Seminar on Macedonian Language, Literature and Culture. T.1. Skopje, 2001.
61. Cherenkova A.D. Tsukan dialects of the Voronezh region (ethnolinguistic description) // Problems of studying the living Russian word at the turn of the millennium. Part I. Voronezh: VGPU, 2003. S. 144-153.
62. Cherenkova A.D. Rural onomasticon as a material for the development of a typology of dialects of the Voronezh region // Proceedings of the Scientific and Coordination Center for the profile "Philology" (VGPU - VOIPKRO). Issue. II. Voronezh, 2004. S. 221-224.
63. Cherenkova A.D. Dialects of the Voronezh region of the Kursk-Oryol type // Problems of studying the living Russian word at the turn of the millennium. Part III. Voronezh: VSPU, 2005, pp. 150-158.
64. Cherenkova A.D. Talk with. Aleksandrova -1 of the Paninsky district of the Voronezh region // Modern language situation and improvement of the training of language teachers. Part 1. Voronezh 2006. S. 203-206.
65. Cherenkova, A.D. Vocabulary with. Krasnolipya, Repevsky district, Voronezh region // Lexical atlas of Russian folk dialects. Materials and research - 2005. St. Petersburg: "Nauka", 2006. P. 179-189.
66. Cherenkova A.D. Transitional Ukrainian-Russian dialects on the territory of the Voronezh region // Slobozhanska conversation: materials of the international scientific-practical conference. Lugansk, 2009. C. 145-154.
67. Cherenkova A.D. Talk with. Karamyshevo, Kashirsky district, Voronezh region // Voronezh regional linguistics. Voronezh: Publishing and Printing Center of VSU, 2011. Issue. 2. S. 316-324.
68. Cherenkova A.D. Phonetic features of the Russian speech of the Voronezh Khokhl // Dialectological almanac. Issue. II. Voronezh: VSPU, 2015, pp. 66-71.
69. Cherenkova A.D. Morphological features of the Russian speech of the Voronezh Khokhol // Problems of studying the living Russian word at the turn of the millennium. Voronezh: VSPU, 2015, pp. 70-75.
70. Cherenkova A.D. The village of Krasnoye, Novokhoporsky district, Voronezh region: dialect text // Dialectological almanac. Issue. II. Voronezh: VSPU, 2015, pp. 105-115.
71. Cherenkova A.D. Plural number of nouns in the Talagay dialects of the Kursk-Oryol type in the territory of the Voronezh region // Actual problems of Russian dialectology. Moscow, 2018. S. 267-269.
72. Cherenkova A.D. The third declension of nouns in the Talagay dialect of the Kursk-Oryol type (based on the dialects of the Voronezh region) // Dialectological almanac: collection of materials and research. Issue. III. Voronezh: VSPU, 2019. S. 76-84.
73. Cherenkova A.D., Tokareva S.S. The village of Dankovo, Kashirsky district, Voronezh region // Dialectological almanac. Issue. III. Voronezh: VSPU, 2019, pp. 119-131.
74. Cherenkova A.D. Jacket-skirt, Ivan-da-Marya, ryabushka, festival ... How many are there? (New dialect vocabulary for the name of a new potato variety) // Russian speech. Issue. 3. M., 2019. C. 42-49.
75. Cherenkova A.D. Phonetic processes in the dialect of the village of Shukavka, Verkhnekhavsky district, Voronezh region // Dialectological almanac: collection of materials and research. Volume Issue IV. Voronezh: VSPU, 2022, pp. 151-163.
76. Cherenkova A.D. Are dialects disappearing? // Voronezh local history: traditions and modernity. Voronezh, 2014. S. 232-235.
77. Cherenkova A.D. Contribution to the study of dialects of the Voronezh region R.V. Herolyants (Kudinova) // Voronezh local history: traditions and modernity. Voronezh: ANO "NAUKA-UNIPRESS", 2016. P. 225-226.

78. Cherenkova A.D. Contribution of V.I. Dyakova and V.I. Khitrova in the study of dialects of the Voronezh region // Slavic Bulletin: History and Perspectives. Voronezh: Quarta, 2016, pp. 123-126.
79. Cherenkova A.D. Contribution to the study of dialects of the Voronezh region L.K. Lyzhovoy // Voronezh local history: traditions and modernity. Voronezh: ANO "NAUKA-UNIPRESS", 2017. P. 231-233.
80. Cherenkova A.D. Contribution to the study of dialects of the Voronezh region A.I. Chizhik-Poleiko // Voronezh local history: traditions and modernity. Voronezh, 2018. S. 284-286.
81. Dialectological almanac: a collection of materials and research. Issue IV / [scient. ed. HELL. Cherenkov]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 2022. 164 p.
82. Department of Theory, History and Methods of Teaching the Russian Language and Literature of the VGPU [Electronic resource]. URL: http://www.vspu.ac.ru/univer/rus_lit_history.html#people (Accessed 07/01/2023).
83. Dyakova V.I., Panova M.V. From the history of dialectological research at Voronezh University // Philological Notes: Bulletin of Li literature and linguistics. Issue. 33. Part 1. Voronezh: VSU Publishing House, 2019. P. 33-43.

УДК 81-11

DOI 10.36622/AQMPI.2023.37.36.020

*Воронежский государственный
технический университет
Доктор филол. наук, профессор кафедры
русского языка и межкультурной коммуникации
Ковалева Л.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +79107498716;
e-mail: kafedra_rus@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
Doctor of Philology, professor
Kovaleva L. V.
Russia, Voronezh, tel. +79107498716
e-mail: kafedra_rus@mail.ru*

Л.В. Ковалева

**ОБЗОР МОНОГРАФИИ НЕМЕЦКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ Х. КУССЕ
«КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»**

L.V. Kovaleva

**REVIEW OF THE MONOGRAPH OF THE GERMAN RESEARCHER H. KUSSE
«CULTURAL-STUDYING LINGUISTICS»**

Читателю представлен обзор книги известного немецкого лингвиста Хольгера Круссе «Культуроведческая лингвистика», [1] занимающегося исследованием соотношений между культурными макро- и языковыми микроструктурами, то есть как макроформы культур оказывают влияние на языковую форму различных коммуникативных ситуаций. Для прояснения еще непознанных аспектов и их взаимосвязей служат немецкий, английский, французский и русский языки.

Монография состоит из 11 глав. В первой вводной главе автор дает определение культуроведческой лингвистике: «Это, безусловно, междисциплинарная дисциплина, которая, в зависимости от конкретного объекта исследования культуры, языка или их взаимосвязей, может обращаться не только к семиотике, но и к социологии, философии культуры, философии языка, богословию и религиоведению, экономике, правоведению и другим наукам». Основываясь на определении культуры многих исследователей (Э. Тайлор, Р. Познер, П.Н. Донец), автор пишет, что культура понимается как комплексное единство, включающее знания и верования, искусство, право, обычаи и другие способности и формы поведения людей как членов какого-либо общества. В то же время культура – это совокупность индивидуумов, взаимоотношения которых организованы с помощью социальных институтов.

Ученый разграничивает два направления исследования языка и культуры: гумбольдтианский и дискурс-сенситивный. Прежде чем переходить к анализу этих направлений, Х. Куссе рассматривает концепцию языка, разделяя его на узкое и широкое понимание. Широкое понимание есть коммуникация между людьми. Узкое понимание языка – это культурные системы коммуникации, среди них различают естественные языки, к которым относятся, например, французский, немецкий, английский, русский, и искусственные языки, например, эсперанто. Данную точку зрения разделяет Ю.М. Лотман. [2] Для узкого понимания языка – главное – наличие смысла. Культуроведческая лингвистика исследует языковые культурные феномены в узком понимании языка. Язык, как утверждает автор, обнаруживает в себе конвенционализированную, упорядоченную модель, которая охватывает все уровни – начиная лексическим и идиоматическим и заканчивая текстовым и дискурсивным.

Глава вторая посвящена гумбольдтианской лингвистике, в которой рассматривается учение В. Гумбольдта о языке. Автор видит в значении учения Гумбольдта то, что исследование естественного языка есть одновременно и исследование мировидения народа.

Влияние В. Гумбольдта на последующее развитие научных направлений огромно. Возникают научные школы: лингвопсихология (основатель В. Вундт), изучение языка индейцев (Трабант), прин-

цип языковой относительности (Радченко), а также целая ветвь языкознания – неогумбольдтианство (основатель Лео Вайсгербер), Казанская лингвистическая школа (И.А. Бодуэн де Куртенэ). Еще одно направление неогумбольдтианства – логический анализ языка, появившийся в 80-х годах XX века (Апресян, Зализняк). Под логическим анализом языка ученые понимают концептуальный анализ, что сегодня называют направление – лингвистика картины мира. А. Вежбицкая, связывает языковой универсализм с языковой и культурной дифференциацией. Московские школы картины мира и семантическая школа А.Вежбицкой исследуют лексико-концептуальный подход. [3]

По мнению автора, культуроведческая лингвистика должна постоянно обращаться к разным лингвистическим направлениям. В этой связи Х. Куссе рассматривает Пражский лингвистический кружок, заложивший, по мнению автора, основу для развития функциональной стилистики, социолингвистики, которую называют междисциплинарной отраслью, гендерной лингвистики.

В книге рассматривается прагмалингвистика, и для анализа дискурсов необходимы понятия перлокуции и персуазии. Автор понимает под перлокуцией языковые действия и достигаемые результаты. Термин персуазия имеет два значения: убеждение и уговаривание. В этой связи рассматриваются проблемы моделирования вежливости и аргументирования.

Делая выводы к данному разделу, ученый утверждает, что в культуроведческой лингвистике языковые единицы должны описываться во взаимосвязи с контекстами, жанрами и дискурсами, в которых они актуализируются.

Пятая глава книги посвящена дискурсу-сенситивной лингвистике, в которой ученый рассматривает дискурс как все, что создается человеческим обществом вследствие коммуникации. Выделяется несколько дискурсов: дискурс как критика (Юрген Хабермас), дискурс как власть, интердискурс, медийный интердискурс, дискурс-сенситивность. Далее анализируются типы дискурсов: например, политический, выявляются его признаки.

Описывается религиозный дискурс. Автор считает, что религия – это особая форма знания о мире, его сущности и смысле человеческой жизни. Поэтому дискурсивные действия обосновываются и доказываются в рамках мифического дискурса. Смысл жизни человека принимает форму коммуникативного акта между Богом и человеком, иногда принимается всем человечеством или какой-либо одной общиной. Немецкий теолог и философ Ингольф Дальферт считает, что проповедь есть слово от Бога, отвечает человек в форме молитвы, то есть слово к Богу. Данный коммуникативный акт ученый называет благовещением. Автор утверждает, что религиозная лингвистика в качестве языкознания, изучающего религиозный язык, менее разработана, чем, например, политическая лингвистика, и требует дальнейшего изучения.

Подводя итоги данной главы, Х.Куссе выделяет признаки религиозного дискурса: индивидуальность и универсальность, Слова Бога и слова человека, употребление религиозно маркированной лексики и метафоры, такие формы коммуникации, как благовещение и исповедь.

Далее автор приступает к изучению правового дискурса. Правовой дискурс охватывает законы и применение законов. Ученый разделяет позитивное и естественное право, данное разделение утвердилось в XIX веке, что связано с постепенным расхождением сфер морали справедливости и права. Автор приводит также различие между русскими и западноевропейскими юридическими традициями. В этой связи он рассматривает взгляды Л.Н.Толстого и лингвиста Ю.М.Лотмана. Наблюдается антагонистичность западного и русского права. Как утверждал русский мыслитель И.В.Киреевский: на Западе стремление к справедливости только внешнее, здесь же предпочтение отдается внутренней, там юриспруденция строится на логике, а здесь (в России) ищут внутренней связи правомерного убеждения веры и быта. [4]

В лингвистике права, как замечает автор, в последние десятилетия центральной темой является семантика. Однако правовая лингвистика не ограничивается этим. Она выполняет практические задачи в рамках письменно оформленного права и правовой практики. Язык права может преподаваться как язык профессиональной сферы, в рамках юридического образования. Проводятся речевые практики, уроки риторики и культуры языка.

Следующей областью рассмотрения является экономический дискурс. В данной области выделяются две сферы: деловая коммуникация и реклама. В рекламе автор выделяет наружную рекламу (плакаты, баннеры, реклама в транспорте), рекламные объявления, реклама на радио, телевидении, в интернете.

В деловой коммуникации различают внутреннюю и внешнюю. Внутренняя коммуникация – это коммуникация, осуществляемая внутри одного предприятия между руководством и сотрудниками, а внешняя – это коммуникация между предприятиями или общественностью. Автор подчеркивает, что

межкультурная коммуникация является важным аспектом в экономике, так как существуют культурные различия, которые ведут к недопониманию.

Что касается рекламы, то она делится на политическую, религиозную, культурную. Эти разновидности тщательно описываются автором и приводятся их различия.

В экономической лингвистике автор выделяет семь основных тематических направлений: 1) изучение экономической терминологии; 2) синтаксис и морфология; 3) языковая критика и критика идеологий; 4) преподавание родного языка в экономической перспективе; 5) инструкция для чтения; 6) метафоры в экономических текстах; 7) лингвистика предприятий.

Экономическая лингвистика интересна также в качестве методологии. В конце главы автор подводит итоги исследования экономического дискурса и приводит его особенности: способность к формированию корпоративной идентичности, различные типы деловой коммуникации кооперационно-организующий, кооперационно-независимый и другие.

Десятая глава посвящена научному дискурсу. С точки зрения исследователя Ч.Морриса, целью научного дискурса является создание систематизированного корпуса точных и достоверных высказываний обо всех предметах или явлениях, которые имели место в прошлом или наблюдаются в настоящем. Главным критерием высказываний с научным дискурсом является их свойство быть истинным или ложным. Научные утверждения могут быть опровергнутыми, доказанными или недоказанными. Данные суждения понимаются как исторические пути научных доказательств и опровержений. [5]

Характерной чертой научного дискурса являются новые значения, новые знания. Научный дискурс основывается на научном стиле, однако вследствие исследования, автор приходит к мнению, что существуют национальные особенности в рамках одной науки. Так, например, французские ученые-физики пользуются дедуктивными методами исследования, а английские – наоборот, индуктивными. Ученые Саксонии и Галии, например, используют анализ тема-рематической структуры. Изучив научные тексты русских ученых, немецкие исследователи пришли к выводу, что русским ученым свойственно авторско-специфическое изучение, что делает невозможным соотнесение научных текстов ученых Саксонии и Галии с российскими. Поэтому встает вопрос о применении многоязычных научных словарей.

В выводах к данной главе автор выделяет научные жанры такие, как

- 1) монографии, статьи – письменные жанры;
- 2) доклады, презентации – устные жанры;
- 3) концептуальная письменность преобладает в гуманитарных науках, чем в естественных;
- 4) научные стили проявляют национально-культурную специфику.

В последней, 11 главе, речь идет о культурно-языковом многообразии. Автор утверждает, что национальные и этнические языки подвержены динамике. Происходит ослабление и исчезновение границ между языками, и в то же время возникают новые языковые образования. Особенно это проявляется путем языкового смешения. Ученый называет это мультикультурностью или транскультурностью, под которыми понимается как сосуществование и взаимодействие, так и столкновение носителей различных культур. Это происходит благодаря глобализации, миграции и трансферу культур.

Автор приводит лекцию И.А. Бодуэна де Куртенэ, в которой он говорил о том, что все языки возникли в результате смешения языков вследствие войн, насильственной или добровольной миграции. И.А. Бодуэн де Куртенэ указывает на значение церковнославянского языка для развития русского языка, на роль латыни и французского языков на формирование европейских литературных языков. Представление о «чистоте языка» является фиктивным. Каждый индивид является носителем нескольких культур и в речи он охватывает несколько языков. [6]

Подводя итоги своего исследования Х. Куссе отмечает, что все научные сферы необходимо описывать с трех точек зрения: дискурс-сенситивной, национально-религиозной и исторической, исследовать языки в динамике в рамках коррелятивного их описания и развития. Таким образом, автор выделяет трехмерную модель культуроведческой лингвистики.

Работа Х. Куссе является оригинальным научным исследованием. Несмотря на сложные проблемы, обсуждаемые в работе, читатель отмечает ясность изложения, понятность в описании сложным моментов и четкость формулировок. Автор уделяет большое внимание разновидностям дискурса: политическому, религиозному, экономическому, правовому.

Библиографический список

1. Куссе Х. Культуроведческая лингвистика. Москва, 2022. 536 с.
2. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства. СПб. 1994. 650 с.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М. 1999. 783 с.
4. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.odinblago.ru/> (Дата обращения – 29.08.2023).
5. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология. М. 2001. С. 45-97.
6. Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков // Избранные труды по общему языкознанию. Т.1. М., 1963. С. 362-372.
7. Posner R. Kultur als Zeichensystem. Zur semiotischen Explikation kulturwissenschaftler Grundbegriffe // Welt der Zeichen – Welt der Wirklichkeit. Bern, Stuttgart, Wien 1993. S. 9-54.

References

1. Kusseh H. Cultural-studying linguistics. M., 2022. 536 p.
2. Lotman Yu.M. Conversations about Russian culture. The life and traditions of the Russian nobility. St. Petersburg, 1994. 650 p.
3. Vezhbtskaya A. Semantic universals and description of languages. M. 1999. 783 p.
4. Kireevsky I.V. On the nature of the enlightenment of Europe and its relation to the enlightenment of Russia. [electronic resource]. Access mode: URL: <http://www.odinblago.ru/> / (Accessed 29.08.2023).
5. Morris Ch.U. Foundations of the theory of signs // Semiotics: Anthology. M. 2001. Pp. 45-97.
6. Baudouin de Courtenay I.A. On the mixed nature of all languages // Selected works on general linguistics. Vol.1. M., 1963. Pp. 362-372.
7. Posner R. Kultur als Zeichensystem. Zur semiotischen Explikation kulturwissenschaftler Grundbegriffe // Welt der Zeichen – Welt der Wirklichkeit. Bern, Stuttgart, Wien 1993. Pp. 9-54.

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.88.66.021

*Тольяттинский государственный
университет,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка,
литературы и лингвокриминалистики*

*Паршина О.Д.
Россия, г. Тольятти,
тел. +79178231927
e-mail: parshinaod@mail.ru*

Togliatti State University

*Candidate of Philology,
Associate professor, Head of the Department of
Russian language, literature and
linguacriminalistics*

*Parshina O.D.
Russia, Togliatti,
tel. +79178231927
e-mail: parshinaod@mail.ru*

*Самарский государственный
социально-педагогический университет
кандидат филологических наук,
ассистент кафедры русского языка
культуры речи и методики их преподавания*

*Осипова Н.Д.
Россия, г. Самара,
тел. +79171129514
e-mail: osipova@sgspu.ru*

Samara State University of Social Sciences and Education

*Candidate of Philology,
Assistant of the Department of Russian Language,
Standards of Speech and Methods of its Teaching*

*Osipova N.D.
Russia, Samara,
tel. +79171129514
e-mail: osipova@sgspu.ru*

О.Д. Паршина, Н.Д. Осипова

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ РУСИСТИКИ»
НАУЧНОЙ ШКОЛЫ «ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СЕМАНТИКЕ И ГРАММАТИКЕ»**

O.D. Parshina, N.D. Osipova

**METHODOLOGICAL SEMINAR « MODERN ISSUES OF RUSSIAN STUDIES»
OF THE SCIENTIFIC SCHOOL «DYNAMIC PROCESSES
IN SEMANTICS AND GRAMMAR»**

29 июня 2023 года в Самарском государственном социально-педагогическом университете состоялся методологический семинар с международным участием «Современные вопросы русистики», который подвел итоги полугодовой работы членов научной школы доктора филологических наук, профессора Е.П. Иванян «Динамические процессы в лексике и грамматике». Семинар прошел в онлайн формате на платформе Microsoft Teams. Участниками мероприятия стали преподаватели факультета иностранных языков и филологического факультета Самарского государственного социально-педагогического университета (СГСПУ), Тольяттинского государственного университета (ТГУ), Филиала ФГКВОУ ВО «Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» Минобороны России в г. Сызрани (ВУНЦ ВВС «ВВА»), Самарского государственного технического университета (СамГТУ), аспиранты. Почетным гостем семинара стал давний друг научной школы Заруи Геворковна Айрян, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института литературы им. М. Абегяна Национальной Академии наук Республики Армения.

Участники методологического семинара «Современные вопросы русистики»

Семинар открыла З.Г. Айрян докладом «Стихи Сергея Есенина в переводческом наследии Ваагна Давтяна». Как отметила исследователь, Ваагн Давтян был «певцом природы», и именно эта тема сблизила его с творчеством Сергея Есенина. По мнению докладчика, переводы В. Давтяна «всецело отразили фольклорные мотивы поэзии Есенина, его национальную самобытность, безграничную любовь поэта к своей Родине и народу». З.Г. Айрян представила глубокое сравнение оригинального творчества русского лирика с прекрасными переводами армянского поэта. В частности, были проанализированы и представлены переводы таких стихотворений, как «Сыплет черемуха снегом...», «Я снова здесь, в семье родной...», «Всё живое особой метой...», «Письмо матери», «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..», «Собаке Качалова» и другие. При сравнении отмечена предельная точность передачи смысла и формы, воссоздания средств художественной выразительности в творчестве армянского поэта. Особое внимание было уделено звучанию стихотворений на армянском языке и рифмовке.

Профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ Е.П. Иванян представила доклад на тему «Архитектоника квалификационных работ по лингвистической русистике». Руководитель научной школы, основываясь на собственном опыте научных изысканий [1]; [2]; [3], осветила основные трудности, с которыми сталкиваются руководители научно-исследовательскими работами при формулировке тем. Была предложена аналитика по формулировкам, причинам недочетов, эмпирическому материалу, экстралингвистическим факторам тем научно-исследовательских работ, обзор удач и неудач квалификационных работ разных уровней (курсовые работы, выпускные квалификационные работы бакалавриата, магистратуры, аспирантуры), которые выносились на обсуждение и защиты в различных узах Самарского региона на протяжении 10 лет. Е.П. Иванян отметила как удаchi в архитектонике тем, нередко заключающиеся в прогнозировании руководителем ведущей идеи и выборе эмпирического материала, так и неудачи, обусловленные слабой проработкой терминов, заложенных в названии, их неверным истолкованием.

В докладе профессора кафедры русского языка, литературы и лингвокриминалистики ТГУ М.Г. Соколовой «Активные процессы в сфере функционирования заимствованных слов в публицистическом дискурсе» были рассмотрены лексико-морфологические, орфографические, стилистические особенности лексемы *фреш* в аспекте репрезентации активных процессов в современной русском языке [4]. Исследование было выполнено на материале газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка [5]. Профессор пришла к выводу, что уровень освоенности данной лексики недостаточно стабильный, что проявляется в орфографической вариативности, в оформлении с кавычками или без них, в нестабильности морфологических признаков. Лексема *фреш* включается в реализацию активных процессов в различных областях языковой системы, что объясняется многообразием тематических сфер текстов, в которых используется данное слово.

Заведующий кафедрой русского языка, литературы и лингвокриминалистики ТГУ О.Д. Паршина выступила с докладом «Провинция как проприальная единица». Являясь одним из ключевых элементов русской лингвокультуры, лексема «провинция» активно используется для создания имен собственных на рубеже XX–XXI веков. Установлено, что в зависимости от типа денотативной основы номинация «провинция» наиболее часто становится базой для формирования эргонимов и урбанонимов. Реже представлены библионимы, прагматонимы и артионимы. В территориальном отношении использование лексемы «провинция» для создания онима наиболее характерно для Центрального, Приволжского, Уральского и Сибир-

ского федеральных округов. Доклад исследователя продолжает его исследования языковой репрезентации семантики провинции [6]; [7]; [8].

Доклад профессора кафедры иностранных языков СГСПУ М.Ю. Михайловой был посвящен теологическим основаниям изучения невыразимого, что является продолжением изысканий по изучению семантики невыразимого [9]. Было представлено разграничение семантики невыразимого как функционально-семантической категории русского языка и семантики невыразимого в культурологическом аспекте. Показано, что лингвистическое понимание данного языкового феномена существенно отличается от понимания невыразимого как стержня «апофатизма» [10], как способа обозначить «иное царство», «невечернего света», способа обозначить непрямым, но всё же словесным образом мир Божественного начала.

Доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, заместитель декана по учебной работе факультета иностранных языков СГСПУ А.М. Ключина раскрыла вопрос об антропоцентризме русских фразеологизмов с семантикой крайности. Материалом для исследования ученого послужила выборка из лексикографических источников. Полученные данные подтвердили тезис об антропоцентрической природе русских фразеологических единиц с семантикой крайности, описывающих характер, особенности поведения, эмоциональное и физическое состояние человека. Исследование выполнено в рамках изучаемой ученым проблематики, раскрывающей особенности проявления семантики крайности в русской лингвокультуре, русском национальном характере [11], особенностей бытования семантики крайности в русском языке, см. [12]; [13].

Выступление доцента кафедры русского языка филиала ВУНЦ ВВС «ВВА» в г. Сызрани О.А. Васильевой было обращено к теме антропонимов в романе Е. Водолазкина «Брисбен». Для описания ономастической системы произведения выбрана полевая концепция, описанная В.И. Супруном [14]; [15]. Антропонимы в романе составляют центр ономастического поля романа, в ядро входят имена собственные близких главного героя. Ближнюю периферию формируют топонимы, дальнюю – эргонимы и идеонимы. Выявлено, что на уровне ономастикона наблюдается двуплановость, задуманная автором. Таким образом, имена собственные позволяют проникать в глубину авторской мысли. Отмечено, что перспективой исследования является характеристика периферийных сегментов ономастического поля романа «Брисбен».

Старший преподаватель кафедры теории и практики перевода ТГУ Е.В. Косс в докладе «Подходы к пониманию и описанию терминов родства» обратилась к вопросу о правомерности использования выражения *термины родства*. Во вторичной номинации рассмотрены такие термины родства, как *дядя, тетя, мать, отец, дед, брат, сестра, сынок*, приведен аналитический обзор работ, посвященных данному пласту лексики [16]; [17]. При обсуждении доклада соискатель Е.Н. Полякова предложила исследователю обратиться к примерам категории родства в восточной культурной традиции. Автор доклада отметила, что знакома с работами по этой теме (Китай, Корея), но основной акцент в них смещен на различия в отдельных словах для наименования родственников.

В докладе к.ф.н., ассистента кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ Н.Д. Осиповой «Работа с прагматонимами – наименованиями конфет на занятиях по «Педагогической риторике» в вузе» нашла отражение методическая идея применения языкового материала в практике преподавания филологических дисциплин. В рамках ассоциативного эксперимента предпринята попытка сочетания лингвокультурного исследования языкового материала [18] с его интеграцией в образовательный процесс. Н.Д. Осипова пришла к выводу, что методический потенциал наименований конфет позволяет формировать у обучающихся навыки письменной коммуникации на практических занятиях по дисциплине «Педагогическая риторика».

Аспирант СГСПУ, преподаватель филиала ВУНЦ ВВС «ВВА» в г. Сызрани Н.Н. Немич в своем докладе «Сочетаемость репрезентантов визуального модуса перцепции с конституентами семантики невыразимого в современном газетном дискурсе» представила анализ языковой репрезентации визуального модуса перцепции посредством конституентов семантики невыразимого. Доклад продолжает цикл статей в русле исследования семантики невыразимого [19]; [20]. На материале текстов современных газетных изданий выявлено, что наиболее частотным конституентом семантики невыразимого, маркирующим лексемы визуального модуса перцепции, является конституент *неописуемый*. Семантическая категория визуальной перцепции репрезентируется с помощью конституентов, которые употребляются преимущественно для маркирования красоты окружающих объектов.

Доклад аспиранта СГСПУ, преподавателя филиала ВУНЦ ВВС «ВВА» в г. Сызрани А.И. Вяткиной «Семантическая мотивированность прагматонимов-фиктонимов на примере названий продуктов питания» был посвящен принципам семиотической типологии прагматонимов. Семантика прагматонимов обусловлена спецификой их внутренней формы, а в прагматонимах прецедентного типа формируется доономастическим значением лексемы (лексем), переосмысленной в коммерческую номинацию [21]. На примере названий продуктов питания выделен ряд мотивов прагматонимов-фиктонимов. Набор этих мотивов в конкретном ономастическом пространстве не является неизменяемым и подвергается коррекции в зависимости от ряда экстралингвистических факторов: политических, экономических, социальных и т. д.

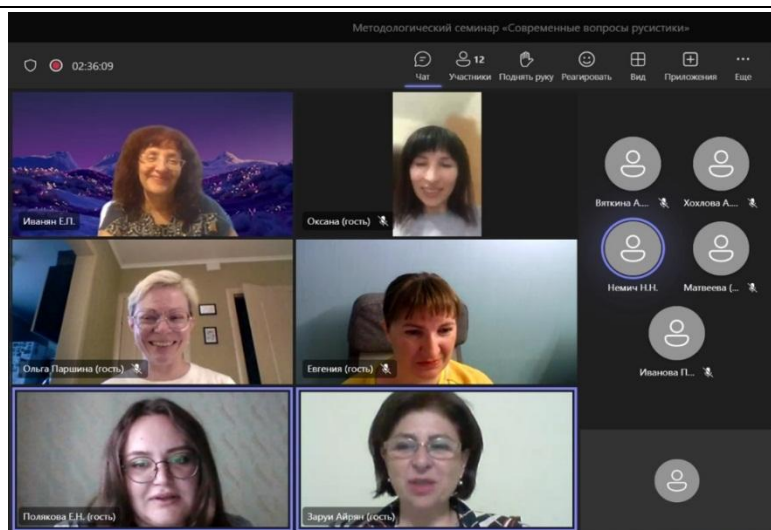
Аспирант СГСПУ П.С. Иванова представила статистические материалы на тему «Частотность абстрактных существительных в парфюмерном интернет-дискурсе». Сообщение сопровождалось ярким графическим оформлением. Диаграмма свидетельствует о преобладании в рекламных текстах российских производителей парфюмерии абстрактных существительных «Аромат» и «Нота». Статистика явилась результатом долгих и кропотливых исследований П.С. Ивановой в области ольфакторного модуля восприятия [22].

В докладе аспиранта СГСПУ, преподавателя кафедры «Иностранные языки» СамГТУ А.А. Хохловой «Лингвокреатив эргонимов с точки зрения лингвоэкологичности» внимание было сосредоточено на соответствии креатива номинаторов с лингвоэкологическими нормами. Критерии лингвоэкологичности заявлены с учетом нормативного и этического аспектов культуры речи, а также с точки зрения русской лингвокультуры [23]. При рассмотрении самарских эргонимов зафиксировано значительное многообразие лингвокреативных наименований, основанных на разных типах языковой игры, среди которых обнаружены неудачные с точки зрения лингвоэкологичности, в том числе использование просторечной лексики, некорректная графическая игра, создающая ассоциации наименования с грубой и обсценной лексикой. Доклад вызвал широкий отклик у участников семинара. Аудитория предложила аспиранту несколько тематически близких языковых примеров. А.А. Хохлова также уточнила, что был проведен ассоциативный анализ, который выявил среди самарцев разных категорий и возрастных групп наличие общих представлений относительно тех или иных названий. Это свидетельствует о возможности выявления особенностей языковой картины мира жителей города Самары посредством эргонимов.

Аспирант СГСПУ А.А. Федотова в своем докладе рассмотрела функционально-семантическую категорию ужасного [24] в произведениях литературы новейшего периода («Убыр» Ш. Идиатуллина) и русской классической литературы XIX века («Упырь» А.К. Толстого). В плане выражения ФСК ужасного представляет собой систему языковых средств: фонетических (Убыр-упырь) и грамматических, которые подразделяются на синтаксические (неполные предложения), морфологические (сложные имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия, местоимения). Для усиления семантики ужасного авторы используют заимствования из татарского (Ш. Идиатуллин) и французского (А. К. Толстой) языков.

Аспирант СГСПУ М.С. Агафонцев в своем выступлении «Изучение семантики наказания и угрозы в лингвистической русистике» предложил аналитический обзор трудов по исследуемой теме. Значительного внимания было уделено сущности речевой агрессии и рассмотрению речевых ситуаций, порождающих вербальное и невербальное проявление агрессии по отношению к собеседнику. М.С. Агафонцев сделал вывод, что семантика наказания и функционирование понятия речевой агрессии в русистике представлено широким спектром научных исследований. Однако вопрос изучения языкового выражения угрозы и наказания в настоящее время находится на стадии активного развития [25].

Аспирант ТГУ В.С. Бычкова в рамках доклада «Провинциалы в русской лингвокультуре – аксиологические аспекты инаковости» рассмотрела примеры номинаций с негативной коннотацией, которые используются для описания отличительных черт или поведенческих особенностей людей из провинции, что создает образ «другого» в контексте городской среды и формирует негативные стереотипы и предрассудки. Было отмечено, что тексты СМИ способствуют их созданию и поддержанию. Критическое осмысление и понимание языковых средств и их влияния на формирование образа «другого» являются важными шагами в преодолении этих предрассудков. Доклад продолжает собой цикл публикаций, посвященных анализу языковой пары «провинциал-провинциалка» [26].

Обсуждение докладов участников методологического семинара

В рамках методологического семинара также прозвучали доклады аспиранта СГСПУ О.Н. Матвеевой «Многообразие как характерный приём семантики умолчания в прозе Е. Замятина» и соискателя Е.Н. Поляковой «Характеристика структуры функционально-семантического микрополя «Нетрадиционные половые отношения» в публицистике 1920 гг.». В исследовании О.Н. Матвеевой дана функциональная характеристика функционально-семантической категории умолчания, описан её семантический инвариант, продемонстрированы черты её универсальности в романе Е. Замятина «Мы». Е.Н. Полякова представила фрагмент исследования [27] функционально-семантического поля номинаций половых отношений в советской публицистике 1920-х годов. Были кратко охарактеризованы основные направления лингвистических исследований данной темы в аспекте табуированной лексики.

В заключение отметим, что участники семинара «Современные проблемы русистики» отметили безусловную значимость мероприятия для лингвистической русистики, обилие новых идей и неожиданных решений. Доцент З.Г. Айрян так прокомментировала участие в семинаре: «Научный семинар прошёл на ура! Слушала с большим интересом». Считаем, что подобные мероприятия дают молодым ученым возможность апробировать материал, а опытным исследователям позволяют получить свежий взгляд со стороны на изучаемую проблему.

Библиографический список

1. Сеничкина Е.П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке: автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 2003. 32 с.
2. Иванян Е.П. Общее языкознание. Теория языка: курс лекций. Часть 2. 2-е издание, стереотипное. М.: ФЛИНТА, 2013. 463 с.
3. Иванян Е.П., Айтасова С.И. Семантика и функции коннотативных онимов в русском дискурсе // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: Материалы шестой международной научно-практической конференции. Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2011. С. 131–137.
4. Соколова М.Г. Культурно-речевые проблемы употребления заимствованных слов в современной массовой коммуникации // Современное русское языкознание и лингводидактика. Сборник научных трудов, посвященный 85-летию со дня рождения академика РАО Н.М. Шанского / ред: Л.Ф. Копосов, И.В. Шамшин, В.В. Никульцева, Е.Г. Хромова. М.: МГОУ, 2007. С. 151–157.
5. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/>. Дата обращения: 28.06.2023.
6. Паршина О.Д. Дух и душа провинции как проприальные единицы // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2023. С. 77–81.
7. Паршина О.Д. Рекурсивная репрезентация семантики столицы в русской языковой картине мира // Языковое сознание. Речевая коммуникация: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора В.Е. Гольдина. Саратов: ИЦ «Наука», 2020. С. 98–101.

8. Паршина О.Д. Русская глубинка: языковая экспликация семантики провинции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 12. С. 3859–3868.
9. Михайлова М.Ю. Семантика невыразимого в языке и речи: монография. М: ФЛИНТА, 2020. 244 с.
10. Дударева М.А. Танатологический дискурс русской словесности конца времени. Введение в апофатику культуры. М.-СПб., 2021. 354 с.
11. Ключина А.М. Проявление крайности в русской лингвокультуре: аналитический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022-а. Т.15, №6. С. 1849–1855.
12. Ключина А.М. Категория крайности в лингвистической русистике: аналитический обзор // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2022-б. Т.26, №2. С. 70–80.
13. Ключина А.М. О семантике крайности в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // С любовью к Слову: Сборник статей участников Всероссийской с международным участием научной конференции, приуроченной к 80-летию юбилею доктора филологических наук, профессора Л.А. Климковой, специалиста в области лексикологии, диалектологии, ономастики, словообразования / Отв. редактор О.В. Никифорова. Арзамас: Арзамасский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 2021. С. 122–125.
14. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография. Волгоград: Перемена, 2000. 171 с.
15. Васильева О.А. Структурирование поля зоонимов с архисемой «свинья» в русском дискурсе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2018. №1(43). С. 107–112.
16. Косс Е.В. Лексикографический портрет слова «дядя» во вторичной номинации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т.16, № 3. С. 789–795.
17. Косс Е.В. Терминосистема родства: проблемы дефиниции и номенклатуры в разных лингвокультурах // Студент и наука (гуманитарный цикл) 2022: материалы международной студенческой научно-практической конференции. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2022. С. 248–252.
18. Осипова Н.Д. Ядро ономастического поля отонимных наименований конфет в восприятии потенциальных потребителей // Русистика без границ. 2022. №4. С. 25–33.
19. Немич Н.Н. Конституенты семантики невыразимого как маркеры модусов перцепции // Современные тенденции языкового образования: опыт, проблемы, перспективы: Сборник статей участников IV Международной научно-практической конференции / Науч. редактор Л.Н. Набилкина, отв. редактор Д.Л. Морозов. Арзамас: Арзамасский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 2022. С. 247–251.
20. Немич Н.Н. Эмоциональный потенциал семантики невыразимого в газетном дискурсе // Лекантовские чтения: материалы Международной научной конференции. Москва: Московский государственный областной университет, 2020. С. 258–261.
21. Вяткина А.И. Функциональные особенности прагматонимов-фиктонимов в названиях пищевых продуктов // Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки: материалы VIII Международной научно-практической конференции / отв. ред. Ф.Г. Фаткуллина. Уфа: РИЦ БашГУ, 2022. С.42–44.
22. Иванян Е.П., Иванова П.С. Сравнение ольфакторного модуса перцепции в современной художественной литературе и парфюмерном интернет-дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т.14, № 6. С. 1725–1731.
23. Хохлова А.А. Аналитический обзор изучения эргонимии в лингвистической русистике // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. №02. С. 177–180.
24. Федотова А.А. Эстетическая категория «ужасное» в русской литературе XIX–XXI веков // Поволжский педагогический вестник. 2020. Т.8. №1(26). С. 109–112.
25. Агафонцев М.С. Коммуникативные стратегии формирования имиджа региона в прессе (политический дискурс) // Язык. Культура. Личность: материалы Всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых. Выпуск 8. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2022. С. 77–90.
26. Бычкова В.С. Взаимоотношения центра и регионов, вербализованные в языковой паре «москвич – провинциал» // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы XIV Всероссийской научной конференции. Выпуск 14. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2023. С. 222–225.
27. Полякова Е.Н. Характеристика структуры микрополя «нетрадиционные половые отношения» в советской публицистике 1920-х гг. // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т.13. №2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/48FLSK222.pdf> (дата обращения: 08.07.2023)

References

1. Senichkina E.P. Default Semantics and means of its expression in the Russian language: abstract. dis. ... Doctor of Philology. Moscow, 2003. 32 p.

2. Ivanyan E.P. General linguistics. Theory of language: a course of lectures. 2nd ed., stereotypical. Moscow: FLINT, 2013. 463 p.
3. Ivanyan E.P., Aytasova S.I. Semantics and functions of connotative onyms in Russian discourse // Higher humanitarian education of the XXI century: problems and prospects. Collection. Materials of the sixth international scientific and practical conference. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education 2011. Pp. 131-137.
4. Sokolova M.G. Cultural and speech problems of the use of borrowed words in modern mass communication // Modern Russian linguistics and linguodidactics. Collection of scientific papers dedicated to the 85th anniversary of the birth of Academician of the Russian Academy of Education N.M. Shansky / Ed. L.F. Koposov, I.V. Shamshin, V.V. Nikultseva, E.G. Khromova. Moscow: Moscow State Regional University, 2007. Pp. 151–157.
5. The National Corpus of the Russian language. URL: <https://ruscorpora.ru/new/>. Date of application: 28/06/2023
6. Parshina O.D. The Spirit and Soul of the Province as Propriate Units // Spirit, soul and body in world culture: materials of the I All-Russian scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. Pp. 77-81.
7. Parshina O.D. Recursive representation of the semantics of the capital in the Russian language picture of the world // Linguistic consciousness. Speech communication: Proceedings of the international scientific conference dedicated to the memory of Professor V.E. Goldin. Saratov, ITs «Nauka» Publ., 2020. Pp. 98–101.
8. Parshina O.D. Russian Hinterland: The Linguistic Explication of the Semantics of the Province // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2022. Vol.15. No.12. Pp. 3859–3868.
9. Mikhaylova M.Yu. Semantics of the inexpressible in language and speech: monograph. Moscow: FLINT, 2020. 244 p.
10. Dudareva M.A. Thanatological discourse of Russian literature of the end of time. Introduction to the apophatic culture. Moscow, Saint Petersburg, 2021. 354 p.
11. Klyushina A.M. Manifestation of the Extreme in Russian Linguoculture: An Analytical Review // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2022-a. Vol.15. No.6. Pp. 1849–1855.
12. Klyushina A.M. The category of the Extreme in linguistic Russian studies: An Analytical Review // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2022-b. Vol.26. No.2. Pp. 70–80.
13. Klyushina A.M. On the semantics of extremes in the novel by F.M. Dostoevsky «Crime and Punishment» // With love for the Word: Collection of articles of the participants of the All-Russian scientific conference with international participation dedicated to the 80th anniversary of the Doctor of Philology, Professor L.A. Klimkova, a specialist in the field of lexicology, dialectology, onomastics, word formation / Ed. O.V. Nikiforova. Arzamas: Arzamas Branch of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2021. Pp. 122–125.
14. Suprun V.I. Onomastic field of the Russian language and its artistic and aesthetic potential: monograph. Volgograd: Peremena Publishing house, 2000. 171 p.
15. Vasilieva O.A. Structuring the Field of Zonyms with the Archiseme «Pig» in Russian discourse // Science Vector of Togliatti State University. 2018. No.1(43). 107–112.
16. Koss E.V. Lexicographic portrait of the word «дядя» (uncle) in the secondary nomination // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2023. Vol.16. No.3. Pp. 789–795.
17. Koss E.V. Terminological system of kinship: problems of definition and nomenclature in different linguistic cultures // Student and science (humanitarian cycle) 2022: materials of the international student Scientific and Practical Conference. Magnitogorsk: Nosov Magnitogorsk State Technical University, 2022. Pp. 248–252.
18. Osipova N.D. Onomastic Filed Core of the otonymous Candy Names in the Perception of Potential Consumers // Rusistics without borders. 2022. No.4. Pp. 25–33.
19. Nemich N.N. Constituents of the Semantics of the Inexpressible as Markers of Perception Channel // Modern trends in language education: experience, problems, prospects: Collection of articles of the participants of the IV International Scientific and Practical Conference / Ed. L.N. Nabilkina, D.L. Morozov. Arzamas: Arzamas Branch of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2022. Pp. 247–251.
20. Nemich N.N. The emotional potential of the semantics of the inexpressible in newspaper discourse // Lekant Readings: Proceedings of the International Scientific Conference. Moscow: Moscow State Regional University, 2020. Pp. 258–261.
21. Vyatkina A.I. Functional features of pragmatonyms-fictionyms in the names of food products // Theoretical and practical problems of the development of modern humanities: materials of the VIII International Scientific and Practical Conference / Ed. F.G. Fatkullina. Ufa, 2022. Pp. 42-44.
22. Ivanyan E.P., Ivanova P.S. Simile of Olfactory Mode of Perception in Modern Fiction and Perfume Internet Discourse // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2021. Vol.14. No.6. Pp. 1725–1731.
23. Khokhlova A.A. Analytical review of the study of ergonymy in linguistic Russian studies // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities. 2023. No.2. Pp. 177–180.
24. Fedotova A.A. Aesthetic Category «Terrible» in Russian Literature of the XIX-XXI Centuries // Volga Pedagogical Bulletin. 2020. – Vol.8 No.3(12). Pp. 54-59.

25. Agafoncev M.S. Communication strategies for forming the image of the region in the press (political discourse) // Language. Culture. Personality: materials of the All-Russian scientific conference of young scientists with international participation. Issue 8. Samara: LLS «Scientific and Technical Center», 2022. Pp. 77–90.

26. Bychkova V.S. Relations between the center and regions, verbalized in the language pair «Muscovite – provincial» // The Capital and the Provinces: the Relationship between the Center and the Regions in the History of Russia: materials of the XIV All-Russian scientific conference. Issue 14. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University, 2023. Pp. 222–225.

27. Polyakova E.N. The structure characterization of the microfield «non-traditional sexual relations» in Soviet journalism of the 1920s. // World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies, 2(13). URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/48FLSK222.pdf> (date of application: 08/07/2023)

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;
- 3) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);
- 4) название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 8) библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54–67], [2; т. 3, с. 4–6]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в порядке упоминания работ в тексте статьи по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1

Гуманитарный институт филиала
Северного (Арктического) федерального
университета имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск,
тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Institute of Humanities of Northern
(Arctic) Federal University named after
M.V. Lomonosov
The department of linguistics
PhD, senior lecturer

Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk,
tel. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег... (200-250 слов).

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, признаки образа, ...

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, ...

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небесполуночной страны* [1]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания его современники и исследователи творчества, в т. ч. Л.Я. Гинзбург [2].

Текст, текст, текст.....

Библиографический список

1. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/> (дата обращения – 15.05.2019).
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.

References

1. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/> (accessed – 15.05.2019).
2. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 3(50) 2023

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 13.10.2023 Формат 60х84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 16,5. Усл. печ. л. 17,1. Тираж 30 экз. Заказ №
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84